

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Бабурин С.В. — начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С.П. — старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Кругликов Л.Л. — заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Беляева Л.И. — профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л.М. — профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Тимофеев Ю.Ю. — начальник правового управления ФСИН России, кандидат юридических наук;

Ищенко Е.П. — заведующий кафедрой криминологии Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Поздняков В.М. — профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Попов В.В. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации;

Старостин С.А. — профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Трофимов В.Ю. — начальник управления социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными ФСИН России

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бекбатыров Н.Ж. — начальник Академии комитета уголовно-исполнительной системы МВД Республики Казахстан, кандидат юридических наук;

Гаврилов Б.Я. — профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук;

Зубкова В.И. — профессор кафедры уголовно-исполнительного права ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Крымов А.А. — начальник Академии права и управления ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Кузьминых А.Л. — доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук;

Лапшин В.Ф. — начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Нагорных Р.В. — директор филиала Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Вологде, кандидат юридических наук, доцент;

Оботурова Н.С. — начальник психологического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат философских наук, доцент;

Попова И.Н. — начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Софийчук Н.В. — ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

Спасенников Б.А. — профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Трунигер Л. — директор Высшей школы социальной работы г. Ольтен (Швейцария), доктор, профессор;

Шабанов В.Б. — заместитель начальника Академии МВД Республики Беларусь по научной работе, доктор юридических наук, профессор;

Шахов О.А. — начальник инженерно-экономического факультета ВИПЭ ФСИН России, кандидат технических наук, доцент

Решением Президиума ВАК 22.10.10 журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика

Журнал выходит четыре раза в год

ISSN 2076-4162

№ 4 (16)

Вологда 2011

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ	4	АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ	60
УГОЛОВНОЕ ПРАВО		Е.Е. СЕРЕБРЯКОВА	
А.В. ЛЕБЕДЕВ, И.В. ГОРОШКО		Технико-внедренческая деятельность в системе го- сударственно-частного партнерства: понятие и ос- новные признаки	60
Особенности криминологического прогнозирования с использованием информации, содержащейся в едином банке данных учета осужденных, подозрева- емых и обвиняемых	4	Д.Ч. КУПЕЕВА	
В.Ф. ЛАПШИН		Защита прав человека в административно-управлен- ческом процессе и ее соотношение с законностью в государственном управлении	65
Финансовые преступления в структуре экономиче- ских уголовно наказуемых посягательств	9	ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	68
А.В. САЛАТИН		А.М. ФУММ	
Характеристика должностных преступлений сотру- дников уголовно-исполнительной системы и класси- фикация личностей преступников	13	Английская прогрессивная система тюремного за- ключения: история и современность	68
В.Н. НЕКРАСОВ		М.В. ПРОХОРОВА	
Соотношение понятий «неоконченное преступление» и «стадии совершения преступления»	18	Система мер стимулирования правопослушного по- ведения несовершеннолетних, осужденных к лише- нию свободы, в пенитенциарном законодательстве зарубежных стран.	73
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО		ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ	78
А.В. ДАТИЙ, Е.М. ДАНИЛИН, А.А. ФЕДОСЕЕВ		А.Г. АНТОНОВ	
Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях	24	Государственная измена и шпионаж: вопросы осво- бождения от уголовной ответственности	78
И.Е. ТРЕТЬЯКОВ, Р.З. УСЕЕВ		СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ	82
Основы организации деятельности колоний-поселе- ний с усиленным наблюдением (теоретическая мо- дель)	29	И.А. ОБЛИЦОВ	
ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО		Структура полицейских органов России по «Уставу благочиния, или полицейскому»	82
В.В. МЕДВЕДЕВА		А.В. ПЕТРЯНИН	
О законодательной регламентации поводов к воз- буждению уголовного дела о преступлениях, совер- шаемых в исправительных учреждениях	33	Становление уголовной ответственности и регламен- тация наказания за преступления экстремистской направленности в России	85
Е.В. ЧЕРНЫШЕНКО		НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ	91
Отдельные вопросы взаимодействия следователя и сотрудников оперативных аппаратов ФСИН России при расследовании преступлений в сфере незакон- ного оборота наркотических средств	37	О.А. БЕЛОВ	
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ	41	О становлении и развитии научной школы «Уголовно- процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы» на кафедре уго- ловного процесса и криминалистики Вологодского института права и экономики ФСИН России	91
В.М. ПОЗДНЯКОВ		ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ	93
Ресоциализация несовершеннолетних осужден- ных на основе системы общественных воздействий: история и современность	41	РЕЦЕНЗИИ	94
О.Б. ПАНОВА		Е.А. САБУРОВА	
Особенности рефлексии юридически значимых ситуаций воспитанниками исправительных учрежде- ний	52	Рецензия на практические рекомендации «Теорети- ко-правовая подготовка сотрудников УИС по работе с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными по вопросам защиты прав и свобод человека в Европей- ском суде по правам человека»	94
А.А. КАНЧУРИНА, О.В. ШАТРОВОЙ		НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ	95
Психологические проблемы условно-досрочного ос- вобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы	56	ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ	96
		СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	98

CONTENT

TOPICAL ISSUES OF JURISDICTION	4	TOPICAL ISSUES OF ECONOMICS, MANAGEMENT AND TECHNOLOGY	60
CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY		E.E. SEREBRYAKOVA	
A.V. LEBEDEV, I.V. GOROSHKO		Technical-promotional activities: the concept and main features	60
The peculiarities of the criminological prognostication using information contained in the united data bank record of the convicted, the suspected and the accused.	4	D.CH. KUPEEVA	
V.F. LAPSHIN		Protection of human rights in governmental process and its parity with legality in the governmental management	65
Financial Crimes in the Structure of Economic Penal Acts	9	FOREIGN EXPERIENCE	68
A.V. SALATIN		A.M. FUMM	
Types of malfeasance committed by officers working in penal system and criminal identity description	13	English progressive system of imprisonment: history and modern time	68
V.N. NEKRASOV		M.V. PROKHOROVA	
Parity of concepts «an unfinished crime» and «crime stages»	18	System of measures to stimulate legislative behaviour of the minors condemned to imprisonment in the penitentiary legislation of foreign countries. . . .	73
CRIMINAL EXECUTIVE LAW		DISCUSSION IS WELCOME	78
A.V. DATII, E.M. DANILIN, A.A. FEDOSEEV		A.G. ANTONOV	
Characteristics of the convicts serving their sentence in approved schools	24	Treason and espionage: questions of exemption from criminal responsibility	78
I.E. TRETYAKOV, R.Z. USEEV		HISTORY PAGES	82
Basic elements of working places with reinforced supervision activity (conceptual model)	29	I.A. OBLITZOV	
CRIMINAL COURT PROCEDURE AND ORGANIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITY		About the police structure in Russia in accordance with «deanery or police statute»	82
V.V. MEDVEDEVA		A.V. PETRYANIN	
About legislative regulation of reasons for initiation of criminal cases on crimes committed in prisons	33	The Formation of Criminal Liability and Regulation of Penalty for Extremist Orientation Crimes in Russia	85
E.V. CHERNYSHENKO		OUR RESEARCHES	91
Single questions of interaction of the investigator and officers of operative department of Federal Penal Service of Russia at the drug traffic investigation	37	O.A. BELOV	
TOPICAL ISSUES OF PSYCHOLOGY, PEDAGOGICS AND SOCIAL WORK	41	Concerning foundation and development of the scientific school “Criminal – processing activity of bodies and institutions of the penal executive system” in the chair of criminal process and criminalistics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penal System	91
V.M. POZDNYAKOV		DISSERTATIONS-REVIEW	93
Resocialization of juvenile delinquents on the base of social influence system: history and contemporaneity	41	REVIEWS	94
O.B. PANOVA		E.A. SABUROVA	
The peculiarities of juvenile delinquents’ reflection of legally significant situations	52	Review on practical recommendations «Teoretiko-legal preparation of employees of criminally-executive system on work with suspected, accused and condemned concerning protection of the rights and freedom of the person in the European court under human rights» . . .	96
A.A. KANCHURINA, O.V. SHATROVOY		NOVELTIES OF LITERATURE	95
Psychological problems of conditional early release from serving a punishment by imprisonment	56	INFORMATION, ADVERTISEMENTS	96
		INFOMATION ABOUT THE AUTORS	99

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИСПРУДЕНЦИИ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Особенности криминологического прогнозирования с использованием информации, содержащейся в едином банке данных учета осужденных, подозреваемых и обвиняемых

А.В. ЛЕБЕДЕВ – начальник отдела НИИИТ ФСИН России, кандидат физико-математических наук;

И.В. ГОРОШКО – заместитель начальника кафедры информационных технологий управления органов внутренних дел Академии управления МВД России, доктор технических наук, профессор

В работе предпринята попытка описать используемые методы и проблемы, возникающие при проведении криминологического прогнозирования на основе сведений, содержащихся в едином банке данных учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных, формируемом в настоящее время в НИИИТ ФСИН России.

Ключевые слова: криминологическое прогнозирование; единый банк данных учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

The peculiarities of the criminological prognostication using information contained in the united data bank record of the convicted, the suspected and the accused

A.V. LEBEDEV – chief of the department of the Federal Budgetary Institution Research Information and Production Technologies Institute of the Russian Penal Service, candidate of Physics and Mathematics, lieutenant-colonel of the internal service;

I.V. GOROSHKO – deputy chief at the chair of Information Technologies at the Internal Affairs Administration of the Academy Russian Ministry Internal Affairs, Doctor of Law, professor, colonel of police

In our work it was taken steps to describe methods and problems which appear while crime prognosis have been carrying out, based on facts containing the common bank of registered facts of suspicious, defendants and convicts have been formed at present time.

Key words: crime prognosis; the common bank of registered facts of suspicious, defendants and convicts.

Особенностью социальной жизни является динамический характер протекающих в ней процессов, что обуславливает возникновение естественных вопро-

сов: в каком направлении последние будут развиваться, какие силы этому будут способствовать либо противодействовать?

В полной мере высказанное утверждение относится и к преступности. Она подвержена таким же изменениям, как и все явления социальной жизни, в связи с чем обосновывается необходимость криминологического прогнозирования, предвидения криминальных последствий данных изменений.

По всей видимости, впервые идея прогноза преступности исходя из «склонности к преступлению» была изложена в работе А. Кетле «О человеке и развитии его способностей»¹.

Неотъемлемыми частями криминологического прогноза являются описания прошлого и настоящего состояния объекта, в качестве которого выступает преступность. Анализ изменения преступности в заданных временных параметрах позволяет выявить ее общие закономерности и возможные тенденции, которые служат связующим звеном между описанием настоящей и прошлой ситуаций и выступают основой установления вероятностных характеристик явления в будущем. Как и любая сознательная деятельность, криминологическое прогнозирование имеет свои специфические цели и задачи:

- установление наиболее общих показателей, характеризующих развитие (изменение) преступности в перспективе, выявление на этой основе нежелательных тенденций и закономерностей, отыскание способов их изменения в нужном направлении; выяснение всех обстоятельств, имеющих существенное значение для разработки перспективных планов; выработка общей концепции борьбы с преступностью, включающей в качестве составной части выбор оптимального развития (совершенствования) правоохранительных органов;

- установление возможных изменений в состоянии, уровне, структуре и динамике преступности в будущем;

- выявление обстоятельств, способствующих этим изменениям;

- последовательное решение проблем развития ФСИН России на основе роста ресурсного и кадрового потенциалов;

- достижение сбалансированности в действиях служб и подразделений, исключающей возникновение диспропорций и дефицита ресурсов и кадров;

- совершенствование системы планирования и управления ФСИН России.

Чтобы перечисленные цели и задачи могли быть реализованы, криминологический прогноз должен, во-первых, базироваться на достоверных знаниях; во-вторых, ис-

ключать предвзятость и предубежденность; в-третьих, осуществляться на основе правильного использования конкретных методов (методик) прогнозирования.

В соответствии с протоколом совещания при директоре ФСИН России от 26.11.2010 г. № 35 на сервере НИИИТ ФСИН России (далее – институт) размещена информация территориальных органов ФСИН России, участвующих в пилотном проекте, по 125 учреждениям в объеме около 143 Гб. Всего в базе данных содержится около 400 тыс. записей.

Также на сервере представлены данные по 349 уголовно-исполнительным инспекциям в объеме около 61 Гб. Всего в базе данных содержится около 100 тыс. таких записей.

Таким образом, технологическая основа для проведения криминологического прогнозирования создана. Однако тех сведений, которые находятся на настоящий момент в банке данных, вряд ли будет достаточно для подготовки полноценного развернутого прогноза. В связи с этим уже в ближайшей перспективе потребуются привлечение иной информации, в том числе классификаторов и справочников. Для получения таковой необходимо не только использование узковедомственных баз данных, но и привлечение статистических сведений других министерств и ведомств².

Прогнозирование преступности состоит из прогнозирования (с определением конкретных показателей) ее состояния в целом и отдельных ее видов: первичной и рецидивной; взрослых и несовершеннолетних; мужчин и женщин; отдельных групп преступлений и т.п.

В самостоятельный вид выделяется прогнозирование индивидуального преступного поведения, под которым понимается определение вероятности совершения преступления в будущем тем или иным конкретным лицом.

Если при прогнозировании преступности в целом основой выступает изучение совокупности преступлений, а конечным результатом — суждение о вероятностном количестве преступлений в будущем, то при прогнозировании индивидуального преступного поведения акцент переносится на конкретное лицо, от которого можно ожидать совершения преступления, и его личностные характеристики.

Базой для решения такой прогностической задачи становится научная статистическая группировка и типологизация

личностей, определение степени криминогенности той или иной категории лиц.

В работе С.А. Саркисяна с целью повышения качества прогнозов и отбора наиболее надежных методов прогнозирования было предложено классифицировать объекты прогнозирования³.

В качестве классификационных признаков были определены: природа объекта прогнозирования, его масштабность, сложность объекта прогнозирования, степень его детерминированности, характер его развития во времени, степень информационной обеспеченности.

1. По природе объекты прогнозирования подразделяют на следующие классы: научно-технические, технико-экономические, социально-экономические, военно-политические, естественно-природные.

Уголовно-исполнительная система, по всей видимости, по своей природе занимает место на стыке социально-экономических и военно-политических объектов.

Отметим, что природа объекта при выборе методов анализа и прогнозирования обуславливает в основном его специфическую часть, то есть специальные приемы и методы, которые характерны для соответствующей области.

2. По масштабности объекты прогнозирования можно классифицировать в зависимости от числа переменных, входящих в полное их описание на стадии анализа, следующим образом: сублокальные, локальные, субглобальные, глобальные, суперглобальные.

По этому признаку уголовно-исполнительная система, по нашему мнению, должна быть отнесена к суперглобальным объектам, поскольку число ее значащих переменных многократно превышает 100 единиц.

Масштабность объекта не имеет самостоятельного значения для выбора методов анализа и прогнозирования. Ее следует учитывать в этом плане лишь в совокупности с классификацией по принципу сложности. Характеристику масштабности важно, скорее, иметь в виду при определении трудоемкости прогнозирования.

3. По признаку «сложность объекта прогнозирования» объекты можно подразделить, основываясь на степени взаимосвязанности значащих переменных в их описании, на сверхпростые, простые, сложные, сверхсложные.

Уголовно-исполнительная система по своей сложности находится на стыке между сложными и сверхсложными объек-

тами. К сложным относятся объекты, для адекватного описания которых необходимо учитывать взаимосвязи и совместные влияния нескольких значащих переменных (трех и более), однако имеется возможность выделения главных и влияющих на них групп переменных описания. Для анализа такого рода объектов можно использовать методы ступенчатых регрессионных зависимостей, множественного регрессионного и корреляционного анализа, экспертные таблицы оценок взаимного влияния и предпочтения. Сверхсложные объекты предусматривают необходимость учета в описании взаимосвязей между всеми переменными. Основными инструментами анализа в этом случае выступают множественный корреляционный, факторный и дисперсионный анализ.

Данный аспект классификации обусловлен целями и задачами анализа, а также требуемой степенью точности, так как один и тот же объект в зависимости от характера исследования может быть отнесен к различным классам сложности.

4. По степени детерминированности можно выделить следующие объекты: детерминированные, стохастические, смешанные.

Уголовно-исполнительная система, по всей видимости, является смешанным объектом, поскольку несет в себе характеристики как детерминированного, так и стохастического типа (необходим учет случайной составляющей).

5. По характеру развития во времени объекты прогнозирования можно подразделить на дискретные, аperiodические, циклические.

Заключение о данном виде классификации формируется на основании понятия тренда. Вследствие недостаточности имеющихся данных⁴ сделать вывод о наличии тренда в объекте прогнозирования непросто, однако осмелимся предположить, что уголовно-исполнительная система является аperiodической.

6. По степени информационной обеспеченности среди объектов прогнозирования выделяются: объекты с полным обеспечением количественной информацией, объекты с неполным обеспечением количественной информацией, объекты с наличием качественной ретроспективной информации, объекты с полным отсутствием ретроспективной информации.

По данному признаку уголовно-исполнительная система может быть отнесена к объектам с неполным обеспечением коли-

чественной информацией, поскольку имеющаяся в наличии ретроспективная информация (за крайне малый промежуток времени) допускает использование статистических и экстраполяционных методов, однако не обеспечивает на заданном промежутке времени упреждения высокой точности прогноза.

Вообще, если говорить о важнейших методах прогнозирования, то можно сослаться на сводную таблицу американско-

го прогноста Дж. Макгейла⁵, которая, несмотря на то что была составлена более 30 лет назад, по-прежнему не теряет актуальности. В свое время Макгейл обследовал деятельность нескольких сот научно-исследовательских учреждений Запада и отдельных ученых различных стран мира, специально занятых разработкой прогноза, и составил сводную таблицу по частоте использования тех или методов составления прогнозов (в процентах):

Наименование метода	Научные учреждения	Отдельные ученые
1. Опросы экспертов	10,0	8,0
2. Экстраполяция	8,8	8,5
3. Индивидуальные экспертные оценки	8,7	8,2
4. Статистические модели	8,4	6,5
5. «Мозговая атака»	8,1	7,6
6. Составление сценариев	7,9	10,6
7. Имитационные модели	6,2	5,6
8. Исторические аналогии	5,9	7,7
9. Вероятностные оценки	5,8	5,9
10 «Дельфийская техника»	5,5	5,6
11. Модели, основанные на выводах теории исследования операций	5,1	4,4
12. Матрицы интеркорреляции	3,9	3,9
13. Причинно-следственные (каузальные) модели	3,9	4,1
14. Сетевые модели	2,8	2,7
15. «Релевантное дерево» (дерево проблем и целей)	2,4	2,5
16. Игровые модели	2,3	2,5
17. Другие методы	4,3	5,7

Как видно из таблицы, статистические модели, которые были использованы нами, по степени распространенности находятся только на четвертом месте среди научных учреждений и гораздо ниже среди отдельных ученых.

Чем же был вызван интерес именно к статистическому моделированию криминологических показателей? Свою роль в этом, во-первых, сыграло наличие достаточно широкого спектра статистических данных, во-вторых, обладание соответствующим инструментарием и опытом прогнозирования, в-третьих, отсутствие в системе исторической практики привлечения экспертных оценок для проведения прогнозирования.

Что же касается стоящей на втором месте экстраполяции, то мы не встречали сколь-нибудь надежных уравнений,

описывающих криминологические показатели, или вероятностных и дифференциальных моделей, посвященных той же тематике. Работы, охарактеризованные в обзоре литературы к книге И.В. Горошко⁶ и др., при ближайшем рассмотрении оказались не вполне надежными в силу целого ряда причин, а сама книга, заслуживающая серьезного внимания и изучения практическими специалистами, посвящена именно статистическим моделям.

Моделирование подразумевает под собой целый ряд математических исследований и в общем и целом может быть представлено следующей цепочкой:

1. Количественные исследования временного ряда:

– изолированная экстраполяция по простому ряду;

– «наивная» экстраполяция по простой формуле;

– строгая экстраполяция с учетом сложных закономерностей;

– экстраполяция с учетом временного лага;

– экстраполяция по огибающим кривым;

– многократная экстраполяция.

2. Качественные исследования временного ряда:

– сравнение параллельных рядов;

– сравнение параллельных рядов с до-страиванием ряда;

– определение ведущей эволюционной формы.

3. Комплексные методы прогнозирования и планирования:

– анализ тенденций;

– сценарий;

– синтез концепций.

4. Математические методы прогнозирования и планирования:

– изолированные модели;

– взаимосвязанные модели;

– оптимальное планирование;

– прогнозирующие схемы и сетевое планирование.

Событийное прогнозирование могло бы найти свое применение при предсказании возможности побегов из учреждений УИС, суицидов среди осужденных и личного состава и т.д. При этом эти исследования могли бы проводиться на стыке индивидуального криминологического прогнозирования и статистического моделирования. Однако, как нами уже отмечалось ранее, здесь мы сталкиваемся с двумя проблемами, а именно: слабая теоретическая проработка вопроса, несовершенный механизм сбора и обработки соответствующих данных.

Таким образом, мы полагаем, что событийное прогнозирование вполне возможно

и в криминологии, но не на настоящем этапе развития последней, а как минимум через 5–10 лет интенсивных исследований в этой области, тогда как процессивное прогнозирование осуществимо практически в режиме реального времени.

Вообще же следует отметить, что понятие криминологической информации размыто: она сосредоточена в различных министерствах и ведомствах, и если та информация, которая в настоящее время собирается и обрабатывается в системе, может быть, и достаточна для нужд практического регулирования системы, то для прогноза развития криминогенной ситуации ее необходимо дополнить выборочными опросами, носящими репрезентативный характер, данными Росстата, других министерств и ведомств.

Основой криминологического планирования должны выступать математические методы и модели, которые сейчас практически отсутствуют. Таким образом, следует констатировать, что в настоящее время существует технологическая основа и математические методы для проведения полноценного криминологического прогнозирования.

Анализ работы по формированию единого банка данных учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных по ИУ и СИЗО показал, что к настоящему моменту он неактуален по времени, неоптимален по объему информации и неполон (учреждениями заполнены не все дочерние таблицы).

Таким образом, непосредственное прогнозирование работ может быть начато только при поступлении соответствующего заказа и по завершении тщательной и кропотливой работы по выявлению недостатков и систематизации уже имеющихся данных.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968; Карпец И.И. Проблема преступности. М., 1969; Дружинин Н.К. Основные математико-статистические методы в экономических исследованиях. М., 1968.

² По нашему мнению, в настоящее время получение таких сведений затруднено целым рядом обстоятельств, однако с введением в действие «электронного правительства» доступ к данным может быть существенно облегчен (ориентировочно в 2010–2012 гг.).

³ См.: Теория прогнозирования и принятия решений / Под ред. С.А. Саркисяна. М., 1977. С. 47.

⁴ Как правило, большинство данных об УИС в регулярном порядке представлены начиная с 2001 г.

⁵ См.: Futures. 1976. № 2. Р. 144.

⁶ См.: Горошко И.В., Сичкарук А.В., Флока А.Б. Методы и модели анализа данных в правоохранительной деятельности. М., 2006. С. 178.

¹ См.: Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М., 1968; Карпец И.И. Проблема преступности. М., 1969; Дружинин Н.К. Основные математико-статистические методы в экономических исследованиях. М., 1968.

² По нашему мнению, в настоящее время получение таких сведений затруднено целым рядом обстоятельств, однако с введением в действие «электронного правительства» доступ к данным может быть существенно облегчен (ориентировочно в 2010–2012 гг.).

³ См.: Теория прогнозирования и принятия решений / Под ред. С.А. Саркисяна. М., 1977. С. 47.

⁴ Как правило, большинство данных об УИС в регулярном порядке представлены начиная с 2001 г.

⁵ См.: Futures. 1976. № 2. Р. 144.

⁶ См.: Горошко И.В., Сичкарук А.В., Флока А.Б. Методы и модели анализа данных в правоохранительной деятельности. М., 2006. С. 178.

Финансовые преступления в структуре экономических уголовно наказуемых посягательств

В.Ф. ЛАПШИН – начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируется правовое содержание таких категорий, как экономическое преступление и финансовое преступление. На основе проведенного исследования формулируется предложение по обозначению границ объекта экономического уголовно наказуемого посягательства, видов составов и отличительных признаков экономических преступлений и классификации норм гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». В заключение сформулировано определение категории «финансовые преступления» и предложены классификации данной группы уголовно наказуемых деяний, предусмотренных действующим российским уголовным законом.

Ключевые слова: экономические преступления; финансовые преступления; классификация преступлений в сфере экономической деятельности; финансы; централизованные и децентрализованные денежные фонды; уголовная ответственность.

Financial Crimes in the Structure of Economic Penal Acts

V.F. LAPSHIN – Chef of the Criminal Law and Criminology Chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law, associate professor, lieutenant-colonel of domestic services

The author analyzes the legal content of such categories as «an economic crime» and «a financial offense». On the basis of the analysis made some limits of an object of economic penal acts are determined including kinds of crime components and characteristic features of economic crimes and classification of norms chapter 22 of the Criminal Code: «Crimes in the Economic Sphere». In conclusion the definition of «a financial offense» is formulated and classifications of those kinds of penal acts according to the present-day Russian legislature are recommended.

Key words: economic crimes; financial offenses; classification of economic crimes; finance, centralized and decentralized money funds; criminal liability.

С принятием Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. в науке уголовного права особенно широко стал использоваться термин «экономическое преступление». Тем не менее он не имеет ни официального определения, ни такой дефиниции, с которой согласилось бы большинство ученых. Дать точное и всеобъемлющее толкование экономических преступлений крайне сложно в силу ряда объективно существующих причин¹.

Споры о понятии «экономическое преступление» и среди ученых, и среди практических работников спровоцированы в первую очередь самим законодателем. В названии разд. VIII УК РФ, равно как и в гл. 22, официально не определен межродовой (в гл. 22 – родовой) объект, законодатель ограничился лишь указанием на сферу общественных

отношений, в которой совершаются уголовно наказуемые деяния. Следует отметить, что из шести разделов Особенной части УК РФ разд. VIII не имеет прямого указания на межродовой объект, а из девятнадцати названий глав Особенной части указание на родовой объект не содержится в трех: гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», гл. 26 «Экологические преступления» и гл. 28 «Преступления в сфере компьютерной информации».

Думается, что законодатель не решился обозначить межродовой объект разд. VIII УК РФ по ряду причин. Во-первых, преступления против собственности имеют сходный родовой объект с преступлениями против конституционных прав и свобод человека и гражданина, так как право собственности является конституционным. Но, ввиду многообразия

форм собственности и провозглашения в Основном Законе Российской Федерации гарантии равенства и неприкосновенности любой из них, составы преступлений, предусмотренные нормами гл. 21, не включены в гл. 19 УК РФ. В противном случае были бы нарушены соответствующие права и законные интересы коммерческих и некоммерческих организаций (объединений), муниципальных образований, субъектов Российской Федерации и государства в целом. Принимая решение о включении гл. 21 в раздел «Преступления в сфере экономики», законодатель, вероятно, руководствовался положениями ч. 1 ст. 34 Конституции Российской Федерации: «Каждый имеет право на свободное использование своих возможностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». Но поскольку имущество находится в гражданском обороте не только в качестве средства экономической деятельности, достаточно сложно разграничить преступления против собственности и экономические преступления как таковые.

Во-вторых, родовой объект преступлений против службы в коммерческих организациях в некоторой степени схож с родовым объектом гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления». Поэтому думается, что одним из основных критериев, на основании которых производится разграничение составов преступлений названных групп, является специальный субъект. В одном случае это государственный служащий (гл. 30), а в другом – лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой и иной организации: частный нотариус, аудитор, служащий частной охранной или детективной службы (гл. 23).

Таким образом, вопрос установления круга уголовно наказуемых деяний, объединенных понятием «экономические преступления», на сегодняшний день остается открытым. При всем разнообразии имеющихся подходов в странах с рыночной экономикой сущность экономических преступлений состоит в том, что они совершаются руководителями организаций и индивидуальными предпринимателями против государственной экономики, против других субъектов экономической деятельности, служащими организации против самой организации, организациями против потребителей. В зарубежной уголовно-правовой и криминологической литературе они называются преступлениями «белых воротничков» или «преступлениями корпораций».

В странах с плановой, командно-административной экономикой суть экономического преступления сводится в основном к хищению государственного имущества, задержанного в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных благ.

Очевидно, руководствуясь принципом правового преемства, законодатель в разд. VIII УК РФ предусмотрел общественно опасные посягательства, которые признаются экономическими (хозяйственными) и в советской, и в современной теории уголовного права, хотя некоторые виды хищений, направленные на собственность (кража, грабеж, разбой, уничтожение или повреждение имущества), скорее являются общеуголовными, нежели экономическими преступными посягательствами. Единственным положением, которое ни у кого не вызывает сомнений, является отнесение всех составов преступлений в сфере экономической деятельности (гл. 22) к экономическим преступлениям.

Действительно, любое экономическое преступление связано с осуществлением систематической деятельности, направленной на получение прибыли или иного дохода. Эта деятельность в отличие от общеуголовных посягательств в принципе разрешена действующим законодательством, но осуществляется с нарушением установленных правил. Вследствие этого нарушения она определяется как незаконная, а при наличии всех закрепленных в УК РФ признаков – как преступная. Таким образом, деяния, предусмотренные гл. 21 УК РФ, изначально являются противоправными, а потому вряд ли могут рассматриваться в качестве экономических преступлений³.

Обособление преступлений, предусмотренных ст. 201–204 УК РФ, в рамках отдельной главы является малообоснованным с теоретической и практической точек зрения. В связи с этим рассмотрение их в качестве экономических преступных посягательств представляется достаточно спорным⁴.

Относительно системы преступлений в сфере экономической деятельности в литературе высказываются самые разнообразные мнения. Как правило, за основу классификации деяний, предусмотренных гл. 22 УК РФ, принимается объект преступного посягательства, под которым традиционно понимаются охраняемые уголовным законом общественные отношения. Думается, что за все время изучения интересующих нас экономических преступлений наиболее удачные классификации были предложены Б.В. Волженкиным, Л.Л. Кругликовым и М.В. Талан⁵. Так, Б.В. Волженкин, определяя

родовой объект рассматриваемых преступлений как охраняемую государством систему общественных отношений, складывающихся в сфере экономической деятельности в обществе, ориентированном на развитие рыночной экономики⁶, сконструировал достаточно выверенную и обоснованную систему преступлений против порядка осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности. К сожалению, в настоящее время предложенная им классификация морально устарела ввиду многочисленных изменений и дополнений, внесенных в гл. 22 УК РФ.

Изучение основных видов классификаций преступлений в сфере экономической деятельности заставляет думать, что в основу подобного деяния должен быть положен групповой объект преступления. В случае рассмотрения преступления в сфере экономической деятельности под ним целесообразно понимать охраняемые уголовным законом России общественные отношения, сложившиеся в сферах административно-экономической (управленческой), хозяйственной, монополистической и финансовой деятельности. Исходя из этого, не претендуя на окончательное и единственно верное решение проблемы систематизации преступлений, предусмотренных нормами гл. 22 УК РФ, предлагаю выделить следующие группы экономических преступлений:

1. Административно-экономические (управленческие) преступления (ст. 169–170 УК РФ). Каждое из посягательств данной группы характеризуется совершением незаконных действий должностных лиц органов публичной власти.

2. Хозяйственные, в том числе внешне-экономические, преступления (ст. 170.1–172, 175, 188–190 УК РФ).

3. Преступления экономического доминирования и недобросовестной конкуренции (ст. 178–184 УК РФ). Под доминирующим положением понимается исключительное положение хозяйствующего субъекта на рынке определенного товара, дающее ему возможность оказывать решающее влияние на конкуренцию, затруднять доступ на рынок иным хозяйствующим субъектам или иным образом ограничивать свободу их экономической деятельности.

4. В настоящее время можно выделить новую обособленную группу в системе экономических преступлений – инвестиционные преступления (ст. 185–185.6 УК РФ). Данные уголовно-наказуемые деяния совершаются против интересов инвесторов, как правило, в сфере фондового, валютного и товарно-сырьевого рынков. Предметом отдельных монографических научных исследований они еще

не стали, но в настоящее время уже имеются работы, посвященные проблемам правового содержания и квалификации отдельных уголовно наказуемых деяний этой группы⁷.

5. Финансовые преступления. Финансы традиционно рассматриваются теорией права в двух аспектах: как совокупность централизованных и децентрализованных фондов денежных средств и совокупность общественных отношений по образованию, распределению и использованию указанных фондов. В связи с этим групповой объект финансовых преступлений можно охарактеризовать как общественные отношения, связанные с образованием, распределением и использованием фондов денежных средств.

В зависимости от собственника финансы подразделяются на финансы (централизованные фонды) Российской Федерации, субъектов Федерации и муниципальных образований, государственных внебюджетных фондов и финансы (децентрализованные фонды) различных хозяйствующих субъектов (организация, индивидуальный предприниматель и пр.). Общеизвестно, что деньги и финансы не являются тождественными понятиями. Финансы призваны обеспечить решение различных задач, которые ставятся их обладателем, тогда как деньги не имеют ярко выраженного целевого назначения и рассматриваются в качестве стоимостного эквивалента товара (работы, услуги) и средства платежа. По этой причине под предметом финансовых преступлений целесообразно понимать то имущество (вещи, деньги, ценные бумаги и иные активы) государства, субъектов Федерации, муниципальных образований, которое используется для реализации политических, экономических, социальных и иных программ, а также имущество хозяйствующих субъектов, используемое для достижения целей собственной экономической деятельности. На этом основании проводится разграничение с предметами иных преступлений: имущество должно использоваться в процессе экономической (хозяйственной, предпринимательской) деятельности, а не предназначаться для удовлетворения личных, семейных и иных подобных потребностей.

Признаки экономических посягательств присущи всем финансовым преступлениям. В то же время они имеют следующие специфические особенности:

1) преступная деятельность субъекта связана с образованием, распределением и использованием финансов;

2) экономическая деятельность в подавляющем большинстве случаев легитимна и подконтрольна органам власти, управомоченным физическим и юридическим лицам;

3) отношения между субъектами финансового правоотношения строятся на принципе власти-подчинения, реже – на односторонних правах и обязанностях гражданско-правового характера.

Таким образом, под финансовым преступлением понимается деяние, посягающее на правоотношения по образованию, распределению и использованию финансов государства, субъектов Федерации, муниципальных образований, а также финансов хозяйствующих субъектов. При этом следует помнить, что финансы и деньги не тождественны: финансы (денежный фонд) включают в себя как собственно наличную и безналичную денежную массу, так и остаточную балансовую стоимость всего имущества хозяйствующего субъекта, предназначенного для использования в процессе осуществления экономической деятельности.

Анализ действующего уголовного законодательства позволяет предложить две классификации финансовых преступлений. В зависимости от вида финансовой деятельности можно выделить общественно опасные посягательства на отношения:

1) образования финансов (ст. 186–187 УК РФ);

2) распределения финансов (ст. 176, 194–199.2 УК РФ);

3) использования финансов (ст. 174, 174.1, 177, 191–193 УК РФ).

Все перечисленные нормы УК РФ являются бланкетными, поэтому в качестве основной характеристики группового объекта финансовых преступлений можно предложить отдельные виды правоотношений, возникающие в процессе образования, распределения и использования финансов. Следует иметь в виду, что только положения ст. 194, 198–199.2

УК РФ не выходят за рамки охраны общественных отношений, регламентируемых Налоговым кодексом Российской Федерации и иными нормативными актами национального налогового законодательства. Очевидно, по этой и ряду иных причин указанные посягательства в научной литературе получили название налоговых преступлений⁹, или преступлений в сфере налогообложения¹⁰.

Все иные деяния данной группы направлены на отношения по образованию, распределению и использованию финансов, которые урегулированы как нормами собственно финансового права, так и нормами источников иных отраслей российской правовой системы. На этом основании можно выделить финансовые преступления, посягающие на отношения:

1) по осуществлению операций (сделок) с денежными средствами и иным имуществом (ст. 174, 174.1 УК РФ);

2) кредитования (ст. 176–177 УК РФ);

3) исключительного права государства на эмиссию денег, государственных ценных бумаг, а также исключительного права хозяйствующих субъектов на выпуск в обращение собственных ценных бумаг и платежных документов (ст. 186–187 УК РФ);

4) возникающие при денежной эмиссии, а равно при наличном и безналичном денежном обращении (ст. 186–187 УК РФ);

5) валютного регулирования и контроля (ст. 191–193 УК РФ);

6) по правильному и своевременному исчислению, удержанию и уплате налогов и сборов (ст. 194, 198–199.2 УК РФ);

7) восстановления платежеспособности должника и защиты интересов кредитора при банкротстве хозяйствующего субъекта (должника) (ст. 195–197 УК РФ).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подр.: Лапшин В.Ф. Преступления в сфере распределения финансовых ресурсов: вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники. Вологда, 2004. С. 6 и далее.

² См.: Сулейманов С.М. Общая характеристика преступности, посягающей на правильное функционирование потребительского рынка // Российская юстиция. 2008. № 12. С. 18.

³ Тем не менее в литературе высказываются по этому поводу и иные мнения (см., напр.: Ильин И.В. Понятие и признаки экономического мошенничества // Российский следователь. 2008. № 14. С. 17).

⁴ См. подр.: Лапшин В.Ф. Преступления в сфере распределения финансовых ресурсов. С. 11 и далее.

⁵ См.: Кругликов Л.Л., Дулатбеков Н.О. Экономические преступления (вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания). Ярославль, 2001. С. 15; Талан М.В. Уголовно-правовая охрана экономической деятельности. Казань, 2009. С. 37–40.

⁶ См.: Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности по уголовному праву России. СПб., 2007. С. 76.

¹ См. подр.: Lapshin V.F. Prestuplenija v sfere raspredelenija finansovyh resursov: voprosy differenciacii otvetstvennosti i zakonodatel'noj tehniki. Vologda, 2004. S. 6 i dalee.

² См.: Sulejmanov S.M. Obwaja charakteristika prestupnosti, posjagajuwej na pravil'noe funkcionirovanie potrebitel'skogo rynka // Rossijskaja justicija. 2008. № 12. S. 18.

³ Tem ne menee v literature vyskazyvajutsja po jetomu povodu i inye mnenija (sm., napr.: Il'in I.V. Ponjatje i priznaki jekonomicheskogo moshennichestva // Rossijskij sledovatel'. 2008. № 14. S. 17).

⁴ См. подр.: Lapshin V.F. Prestuplenija v sfere raspredelenija finansovyh resursov. S. 11 i dalee.

⁵ См.: Kругликов Л.Л., Дулатбеков Н.О. Jekonomicheskie prestuplenija (voprosy differenciacii i individualizacii otvetstvennosti i nakazanija). Jaroslavl', 2001. S. 15; Talan M.V. Ugolovno-pravovaja ohrana jekonomicheskoj dejatel'nosti. Kazan', 2009. S. 37–40.

⁶ См.: Volzhenkin B.V. Prestuplenija v sfere jekonomicheskoj dejatel'nosti po ugolovnomu pravu Rossii. SPb., 2007. S. 76.

⁷ См., напр.: Смирнов Г.К. Ответственность за рейдерство, преступления в сфере учета прав на ценные бумаги и государственной регистрации. М., 2011.

⁸ См.: Ашмарина Е.М. Современная финансовая система Российской Федерации // Государство и право. 2004. № 6. С. 95.

⁹ См.: Соловьев И.Н. Налоговые преступления и преступность. М., 2006. С. 9.

¹⁰ Кругликов Л.Л., Соловьев О.Г. Преступления в сфере экономической деятельности и налогообложения: вопросы конструирования составов и дифференциация ответственности / Под общ. ред. Л.Л. Кругликова. Ярославль, 2003. С. 145.

⁷ См., напр.: Smirnov G.K. Otvetstvennost' za rejderstvo, prestuplenija v sfere ucheta prav na cennye bumagi i gosudarstvennoj registracii. M., 2011.

⁸ См.: Ashmarina E.M. Sovremennaja finansovaja sistema Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. 2004. № 6. S. 95.

⁹ См.: Solov'ev I.N. Nalogovye prestuplenija i prestupnost'. M., 2006. S. 9.

¹⁰ Kruglikov L.L., Solov'ev O.G. Prestuplenija v sfere jekonomicheskoj dejatel'nosti i nalogooblozhenija: voprosy konstruirovaniya sostavov i differenciacija otvetstvennosti / Pod obw. red. L.L. Kruglikova. Jaroslavl', 2003. S. 145.

Характеристика должностных преступлений сотрудников уголовно-исполнительной системы и классификация личностей преступников

А.В. САЛАТИН – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам

На основе анкетирования персонала исправительных учреждений автор анализирует латентность преступлений и виды нарушений законности, допускаемых сотрудниками уголовно-исполнительной системы. По результатам изучения личностных особенностей сотрудников, совершивших преступления, связанные с исполнением должностных полномочий, предлагается классификация личностей преступников.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; должностные преступления; латентность преступности сотрудников УИС; классификация личностей преступников.

Types of malfeasance committed by officers working in penal system and criminal identity description

A.V. SALATIN – deputy Director of the Vologda institute of Law and Economics Head of the personnel department colonel of the ministry of the interior

Having surveyed the penal system's personnel, the author considers criminal latency and kinds of crimes committed by its officers. The author develops the classification of criminal identity based on the studying of the officers' criminal personality who have broken the law.

Key words: penal system; malfeasance; criminal latency of penal system's officers; criminal identity classification.

Рассматривая тему профилактики противоправного поведения сотрудников органов и учреждений исполнения наказаний, стоит отметить, что, несомненно, «любое преступление, совершаемое сотрудниками уголовно-исполнительной системы, причиняет колоссальный вред УИС, ее престижу»¹, однако очевидно, что наибольшую общественную опасность заключают в себе именно уголовно наказуемые деяния, связанные с

исполнением персоналом служебных обязанностей.

Анализ аналитических обзоров Федеральной службы исполнения наказаний о состоянии законности в УИС свидетельствует, что наиболее часто среди должностных проступков фиксируются деяния, напрямую связанные с родом деятельности сотрудников. Так, например, в числе нарушений законности, допущенных работниками уголовно-

но-исполнительных инспекций, в основном значится непринятие своевременных мер в отношении осужденных, нарушающих порядок отбывания наказания или не исполняющих возложенные судом обязанности, а также неосуществление контроля за поведением условно осужденных. Кроме того, широко распространено такое должностное правонарушение, как передача осужденным запрещенных предметов (сотовых телефонов, алкоголя, наркотических препаратов).

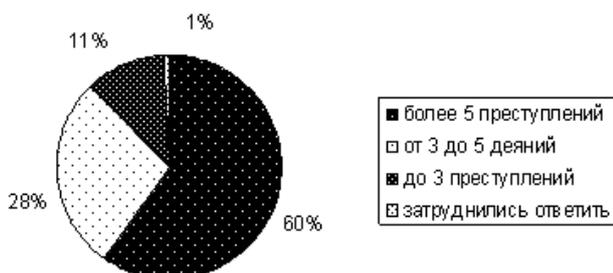
Специфику совершения должностных преступлений формирует целый ряд факторов, определяющих особенности функционирования исправительных учреждений: пространственная ограниченность территории учреждения; невозможность свободного доступа на территорию учреждения посторонних лиц; ограниченность контингента, находящегося на территории учреждения (и осужденных, и сотрудников); подчинение лиц, находящихся на территории учреждения, жесткой дисциплине, устанавливаемой ведомственными нормативными правовыми актами.

Принимая во внимание латентность рассматриваемой преступности, целесообразно обратиться к результатам анкетирования персонала учреждений и органов исполнения наказаний. В процессе составления выборки мы руководствовались профессиональным опытом: нами были задействованы в качестве экспертной группы лица, прослужившие в уголовно-исполнительной системе не менее пяти лет. В опросе участвовали 211 чел. – представители оперативных, режимных, воспитательных служб 17 исправительных учреждений, расположенных в восьми регионах страны (Вологодская, Рязанская, Ярославская, Ленинградская, Мурманская, Архангельская области, а также республики Коми и Карелия).

Результаты анкетирования сотрудников УИС представлены на диаграмме 1.

Диаграмма 1

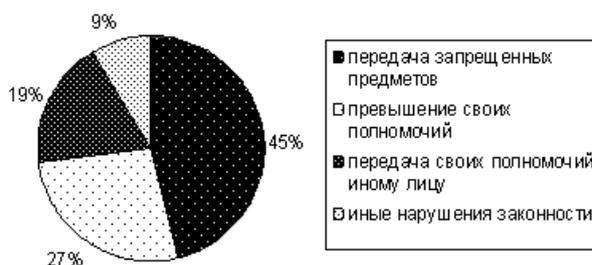
Уровень латентности преступности сотрудников УИС (из расчета на одно зарегистрированное преступление, по мнению персонала исправительных учреждений)

Определившись с уровнем предполагаемой латентности, мы сочли необходимым выяснить у анкетированных, какие из видов нарушений законности, связанных с исполнением служебных обязанностей, на их взгляд, доминируют в структуре соответствующей преступности. Результаты опроса представлены в диаграмме 2.

Диаграмма 2

Распространенность нарушений законности, связанных с исполнением служебных обязанностей сотрудниками УИС (по результатам анкетирования персонала исправительных учреждений)

Изучая преступность как социально-правовое явление, рассматривая пути ее предупреждения, нельзя обойти вниманием личность преступника. Общественная опасность любого уголовно наказуемого деяния определяется не только его характером, способом совершения и тяжестью наступивших последствий, формой вины, целями и мотивами, но и в значительной мере специфическими особенностями личности виновного, причем личность сотрудника уголовно-исполнительной системы, вставшего на криминальный путь, не является исключением из правил.

Исходя из этого мы обратились к изучению личности преступника-сотрудника уголовно-исполнительной системы, совершившего уголовно наказуемое деяние, связанное с исполнением служебных обязанностей.

Проанализировав материалы 31 уголовного дела, возбужденного в отношении сотрудников УИС², мы выявили, что средний возраст правонарушителя составляет 29 лет.

По возрастным группам мы можем разделить представителей исследуемой категории следующим образом:

- от 21 года до 25 лет – 6 чел., или 19,4% от всей выборки;
- от 26 до 30 лет – 11 чел., или 35,5%;
- от 31 года до 35 лет – 9 чел., или 29%;
- от 36 лет и старше – 5 чел., или 16,1%.

В целом полученные данные подтверждают вывод В.М. Демина о том, что наиболее криминогенной является возрастная груп-

па от 20 до 30 лет: «Именно в этом возрасте решались жизненно важные вопросы: определялось направление деятельности, создавались семьи, наиболее активно формировалась личность. На этом пути возникало немало проблем, правильное разрешение которых требовало жизненного опыта, навыков поведения в обществе, представлений о долге и обязанностях, умения считаться с трудностями и преодолевать их»³.

В ходе исследования личности сотрудника-правонарушителя, проведенного Е.Е. Гавриной, предполагалось, что отсутствие семьи во многом расхолаживает людей и способствует их вовлечению в различные авантюрные ситуации, даже антисоциальной направленности. Однако в результате названным автором существенных различий по семейному положению в выделенных группах сотрудников выявлено не было⁴.

В связи с этим представляется важным выяснение семейного статуса правонарушителя. Нами были получены следующие данные: официально имели семью (состояли в браке) на момент осуждения 14 чел., что составило 45,2% выборки. Кроме того, еще 3 чел. (9,7%) были разведены ко времени совершения правонарушения.

В исследуемом массиве бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы преобладали лица, осужденные за следующие преступления, связанные со служебной деятельностью:

- злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) – 12 чел. (38,7%);
- превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) – 9 чел. (29%);
- получение взятки (ст. 290 УК РФ) – 7 чел. (22,6%).

Оставшиеся 3 чел. (9,7%) понесли наказание за служебный подлог (ст. 292 УК РФ), присвоение или растрату (ст. 160 УК РФ).

Рассматривая личность преступника, мы пытались исходить из предложенного профессором Г. Олпортом общего ее понимания как динамической организации внутри индивида тех психофизических систем, которые детерминируют характерное для него поведение и мышление⁵. Представляется несомненным, что особенности вероятностного предвидения субъекта в преступном поведении заключены в особой форме искажения социальной информации, которая происходит через личностное «Я», ущербности прогностических выводов, нежелании и неумении прогнозировать свою социальную активность в русле доминирующих общественных отношений.

Выделяя особенности психологической структуры личности интересующего нас типа преступника, нельзя не затронуть тему профессиональной деформации, которая, по мнению некоторых авторов, способствует усвоению противоправных форм поведения персоналом органов и учреждений исполнения наказаний⁶.

По мнению И.И. Соколова, А.М. Сыроева, С.В. Горностаева, под профессиональной деформацией следует понимать процесс и результат негативных изменений психических процессов, состояний, свойств, качеств и иных комплексных психических образований личности под воздействием среды, в которой осуществляется ее жизнедеятельность, характеризующихся различной степенью или уровнем проявления в зависимости от скорости, широты и глубины протекания, приводящих к неадекватным поведению и поступкам в профессиональной деятельности⁷. Таким образом, представляется закономерным, что развитие профессиональной деформации личности сотрудника уголовно-исполнительной системы как внутриличностного фактора, детерминирующего должностные правонарушения, обусловлено взаимодействием двух взаимосвязанных блоков психологических особенностей личности и специфических особенностей служебной деятельности. Причем в ходе рассмотрения психологических особенностей личности преступника большой интерес представляет исследование деформации мотивационной сферы, которая может привести к выбору индивидом асоциальных вариантов поведения.

Анализируя особенности должностных преступлений, мы можем условно выделить три группы мотивов, приводящих к криминальным формам поведения:

1. Корыстные мотивы, которые явно доминируют у совершающих должностные преступления сотрудников уголовно-исполнительной системы. В основе их лежит стремление к получению материальной выгоды путем злоупотребления своим должностным положением (пронос в исправительное учреждение и распространение среди осужденных запрещенных веществ, как правило наркотических препаратов, алкоголя; организация незаконных свиданий или незаконное оформление документов на условно-досрочное освобождение за денежное вознаграждение).

2. Мотивы, базирующиеся на желании утвердиться в глазах других путем сознательного превышения должностных полномо-

чий, ощутить свою значимость, в том числе и посредством демонстрации силы в отношении осужденных, которые ввиду своего положения зависят от персонала учреждения (незаконное применение спецсредств или физической силы к спецконтингенту).

3. Мотивы, связанные с безответственностью, в которых преобладает легкомыслие, когда сотрудник не отдает полного отчета в своих действиях, не прогнозирует развития дальнейших событий и довольно часто не считает свое поведение противоправным (наделение осужденного своими полномочиями, сокрытие фактов нарушения режима, прием от спецконтингента или родственников осужденного «подношений»).

Важным в контексте рассматриваемой проблемы представляется анализ физиологического состояния сотрудников в момент совершения преступления.

Доля лиц, совершивших должностное преступление в состоянии алкогольного опьянения, невысока – она составляет всего 6,5% выборки (2 чел.). Для сравнения: анализ обзоров о состоянии законности среди персонала УИС за период с 2005 по 2010 гг., проведенный автором, показал, что этот показатель применительно к преступлениям, совершенным в условиях, не связанных с исполнением должностных полномочий, охватывает чуть менее четверти всех деяний (23,5%).

Обобщая результаты исследования, мы предприняли попытку классификации личностей преступников. По мнению некоторых авторов, как преступления, так и преступники не одинаковы, и их классификация проводится для достижения трех основных целей:

- информационной поддержки управленческих решений в пенитенциарной системе, обеспечения максимальной общественной безопасности персонала и самих осужденных, а также бесперебойной работы исправительного учреждения путем распределения спецконтингента по возрастному и половому признаку, степени опасности и т.д.;

- информационной поддержки режимных решений, когда для каждой категории преступников подбираются условия содержания, в которых наиболее вероятно успешное решение таких задач, как надзор, обучение или реабилитация;

- использования классификации в ходе теоретического осмысления каких-либо проблем, например для создания причинных теорий, объясняющих преступления определенной категории или описывающих правонарушителей⁸.

Представляется очевидным, что преступность сотрудников уголовно-исполнительной системы как представителей правоохранительных органов таит в себе особую опасность ввиду причинения не только прямого, но и косвенного вреда общественным отношениям, так как последствием таких деяний является утрата веры граждан в правоохранительную систему и органы власти. Однако несомненно и другое: по своим личностным характеристикам сотрудники учреждений и органов исполнения наказаний, совершившие общеуголовные преступления, не отличаются от иных лиц, преступивших закон. Другое дело – сотрудники, совершившие должностные преступления, – деяния, которые напрямую связаны со служебными обязанностями.

Американский исследователь Л. МакКоркл, рассматривая коррупцию персонала исправительных учреждений в процессе взаимодействия с осужденными, выделяет группы правонарушений, допускаемых:

- «по дружбе»: происходят как результат олицетворения сотрудника со спецконтингентом, что может выступать следствием профессиональной деформации. Сотрудник становится более лояльным по отношению к осужденным, начинает мыслить такими же категориями, чему способствуют низкая заработная плата и плохие условия труда, отсутствие возможности снятия физического и психического напряжения;

- «по взаимности»: сотрудники игнорируют незначительные нарушения со стороны осужденных в обмен на создание иллюзии хорошего поведения и порядка во вверенном коллективе, что демонстрирует видимую эффективность работы персонала;

- «по умолчанию»: происходят из-за равнодушия, лени или наивности персонала. Осужденный, завоевывая авторитет и поддержку у сотрудника, становится в итоге доверенным лицом последнего и постепенно начинает выполнять его функции. Нередко такое доверенное лицо из числа спецконтингента, оказывая помощь представителю администрации (например, в оформлении документов), использует эту работу как прикрытия для какой-либо незаконной в пенитенциарном учреждении деятельности⁹.

Основываясь на анализе материалов уголовных дел, исходя из особенностей механизма совершения преступления, мы предприняли попытку классификации личностей сотрудников уголовно-исполнительной системы, совершивших должностные уголовно наказуемые деяния.

Преступник по небрежности. Для этого типа характерно легкомысленное отношение к своим служебным обязанностям, обусловленное в числе прочего и незнанием непосредственных должностных полномочий. Довольно часто такой преступник осознает противоправность своих действий, но преуменьшает их последствия, обнаруживая слабые прогностические способности. Представители этого типа относительно немногочисленны – они составили порядка 12,9% исследуемых (4 чел.).

Корыстный преступник, для которого характерно совершение противоправного деяния в целях получения прибыли или иной материальной выгоды. Отличительным признаком такого лица является самооправдание действий (низкий уровень материального стимулирования и оплаты труда, низкий статус персонала пенитенциарных учреждений и т.д.). Этот тип доминирует в массиве исследованных лиц – его удельный вес составляет 58% (18 чел.).

Самоутверждающийся преступник. Представители этой группы, как правило, совершают преступления в целях самоутверждения, желая испытать чувство власти над иными лицами. Характерным для них деянием является превышение должностных

полномочий, обусловленное стремлением продемонстрировать свою исключительность и превосходство над спецконтингентом. Этот тип личности проявился у 19,4% исследованных преступников (6 чел.).

Солидарный преступник, который совершает противоправное деяние по причине корпоративного единодушия, не желая противоречить отдельным представителям коллектива, вступать в конфронтацию с окружающими в силу олицетворения себя с ними. По сути, это зависимый тип преступника, который не отделяет себя от своего окружения. Такие лица, как правило, пытаются скрыть информацию об имеющихся место правонарушениях не столько из-за боязни наказания или привлечения внимания к своей особе, сколько из-за ложного понимания чувства профессионального единства. Это самая малочисленная группа преступников, которая была представлена в нашей выборке всего 3 чел. (9,7%).

В заключение стоит отметить, что результаты исследования носят по большей мере теоретический характер, так как практическое изучение личности преступника-сотрудника уголовно-исполнительной системы в условиях пенитенциарного учреждения не было осуществлено ввиду недостаточности соответствующей выборки.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Старков О.В. Криминопенология: Учеб. пособие. М., 2004. С. 306.

² Материалы подбирались в том числе и из личных дел осужденных, являющихся бывшими сотрудниками уголовно-исполнительной системы и отбывающих наказание в виде лишения свободы. Проанализированы данные из уголовных дел, возбужденных в отношении персонала УИС за период с 1999 по 2011 гг.

³ Демин В.М. Профилактика правонарушений сотрудников уголовно-исполнительной системы: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 16.

⁴ См.: Долг и преступление: психологические портреты / Под ред. Д.В. Сочивко. Рязань, 2007. С. 101–102.

⁵ См.: Олпорт Г. Становление личности. М., 2002. С. 236.

⁶ См.: Соколов И.И., Сысоев А.М., Горностаев С.В. Профессиональная деформация личности сотрудников уголовно-исполнительной системы: возникновение, развитие, профилактика. Рязань, 2005; Петрова А.С. Нравственно-правовая деформация сотрудника правоохранительных органов // Субъекты современных правоотношений: теория, законодательство, практика. Невинномысск, 2010.

⁷ См.: Соколов И.И., Сысоев А.М., Горностаев С.В. Профессиональная деформация личности сотрудников уголовно-исполнительной системы: возникновение, развитие, профилактика. С. 19.

⁸ См., напр.: Блэкборн Р. Психология криминального поведения. СПб., 2004. С. 83.

⁹ См.: McCorkle L. The Sociology of Punishment & Corrections. NY, 1970. P. 23–25.

¹ Starkov O.V. Kriminopenologija: Ucheb. posobie. M., 2004. S. 306.

² Materialy podbiralis' v tom chisle i iz lichnyh del osuzhdennyh, javljajuwsja byvshimi sotrudnikami ugovolno-ispolnitel'noj sistemy i otbывajuwih nakazanie v vide lishenija svobody. Proanalizirovany dannye iz ugovolnyh del, vzbuzhdennyh v otnoshenii personala UIS za period s 2011 gg.

³ Demin V.M. Profilaktika pravonarushenij sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2007. S. 16.

⁴ Sm.: Dolg i prestuplenie: psihologicheskie portrety / Pod red. D.V. Sochivko. Rjazan', 2007. S. 101–102.

⁵ Sm.: Olport G. Stanovlenie lichnosti. M., 2002. S. 236.

⁶ Sm.: Sokolov I.I., Sysoev A.M., Gornostaev S.V. Professional'naja deformacija lichnosti sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: vzniknovenie, razvitie, profilaktika. Rjazan', 2005; Petrova A.S. Nrvstvenno-pravovaja deformacija sotrudnika pravooxranitel'nyh organov // Sub#ekty sovremennyh pravootnoshenij: teorija, zakonodatel'stvo, praktika. Nevinnomys'sk, 2010.

⁷ Sm.: Sokolov I.I., Sysoev A.M., Gornostaev S.V. Professional'naja deformacija lichnosti sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: vzniknovenie, razvitie, profilaktika. S. 19.

⁸ См., напр.: Bljeborn R. Psihologija kriminal'nogo povedenija. SPb., 2004. S. 83.

⁹ Sm.: McCorkle L. The Sociology of Punishment & Corrections. NY, 1970. P. 23–25.

Соотношение понятий «неоконченное преступление» и «стадии совершения преступления»

В.Н. НЕКРАСОВ – научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, соискатель кафедры уголовного права и процесса Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова

В статье предпринимается попытка установления сущности таких понятий, как неоконченное преступление и стадии совершения преступления. Автор проводит границу между ними, определяя виды неоконченного преступления и стадии совершения преступления. На основе проведенного исследования формулируются предложения по корректировке существующей редакции главы Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующей институт неоконченного преступления.

Ключевые слова: стадии совершения преступления; неоконченное преступление.

Unfinished crime or the stages of commission of crime

V.N. NEKRASOV – research assistant at the organizational-scientific department of The Vologda Institute of Law and Economics of The Federal Penal Service of Russia, applicant at The Criminal Law and Procedure Chair of The Yaroslavl State University n.a. P.G. Demidov

The article contains the study of such concepts as the unfinished crime and the stages of commission of crime. The author discriminates the unfinished crime and the stages of commission of crime, defines the types of unfinished crime and the stages of commission of crime. On the basis of the conducted research the author formulates the proposals for adjustment of the existing edition of the part of The Criminal Law, devoted to the unfinished crime institution.

Key words: the stages of commission of crime; unfinished crime.

Ныне действующий УК РФ не содержит определения неоконченного преступления, называя только его виды – приготовление к преступлению и покушение на преступление (ч. 2 ст. 29).

В теории уголовного права существует немало точек зрения по вопросу о сущности неоконченного преступления. Следует также отметить, что большинство исследователей раскрывают понятие неоконченного преступления через определение стадий совершения преступления. Более того, до принятия УК РФ 1996 г. нередким было отождествление указанных понятий¹.

Однако в последнее время все чаще предпринимаются попытки разграничить понятия «неоконченное преступление» и «стадии совершения преступления».

Как справедливо отмечают А.И. Ситникова и Г.В. Назаренко, для общего обозначения различных форм неоконченной преступной деятельности в теории уголовного права используются три термина: стадии

совершения преступления, предварительная преступная деятельность, стадии развития преступления².

В то же время сами указанные авторы полагают, что приготовление и покушение не могут выступать стадиями совершения преступления, а представляют собой вне-стадийные деликты³. Названные ученые неоконченным преступлением считают приготовление, покушение на преступление, добровольно прекращенное лицом преступление. Причем, детализируя, они выделяют следующие его виды:

- приготовление к преступлению;
- покушение на преступление;
- добровольно оставленное приготовление;
- добровольно оставленное покушение.

По их мнению, под неоконченным преступлением следует понимать умышленное деяние, не доведенное до конца по независящим от лица обстоятельствам, а также добровольно оставленное при приготовлении

к преступлению и покушению на преступление⁴.

А.И. Ситникова утверждает, что незавершенное преступление по своей правовой природе является внестадийным деликтом и не имеет фаз развития. В то же время исследователь признает, что любое умышленное преступление может проходить определенные этапы своего воплощения, однако тогда оно является окончанным, и на практике так называемые стадии в нем не выделяются, так как не влияют на квалификацию. Незавершенное же преступление не может развиваться, поскольку продолжению преступного действия препятствуют обстоятельства, не зависящие от субъекта⁵.

По нашему мнению, такая позиция является спорной, так как термины «фаза», «стадия» могут употребляться при характеристике развития как оконченной деятельности, так и прерванной.

Г.В. Назаренко, критикуя трактовку неоконченных преступлений как стадий, приводит довод о том, что многие умышленные преступления не проходят никаких стадий, а в неосторожных преступлениях выделение каких-либо этапов вообще невозможно. На это нам хотелось бы возразить: многие преступления совершаются в одиночку, но это не дает нам права исключить из теории и практики уголовного законодательства институт соучастия в преступлении.

А.П. Козлов разделяет весь процесс развития преступной деятельности на два больших этапа: создание условий и исполнение преступления⁶.

Под стадиями ученый понимает поступательное, непрерывное развитие преступной деятельности во времени и пространстве с момента возникновения соответствующего психического отношения к деянию и его результатам до наступления последствия преступления или перерыва преступной деятельности.

Автор различает следующие стадии совершения деяний в преступлениях с прямым умыслом:

- возникновение замысла;
- обнаружение замысла;
- создание условий;
- исполнение преступления.

К видам неоконченного преступления А.П. Козлов относит приготовление к преступлению, покушение на преступление и добровольный отказ от совершения преступления. Исследователь предлагает определить неоконченное преступление как «прерванную на той или иной стадии развития

преступную деятельность»⁷, разграничив таким образом виды неоконченного преступления и стадии совершения преступления.

Нам представляется, что дефиниция неоконченного преступления, сформулированная А.П. Козловым, является не вполне удачной, поскольку уголовное законодательство не содержит понятия «преступная деятельность», а в теории уголовного права последнее трактуется неоднозначно.

М.П. Редин считает отнесение приготовления и покушения к стадиям преступной деятельности ошибочным и предлагает «говорить не о стадиях развивающейся преступной деятельности или совершения преступления, а о стадиях осуществления преступного намерения». Под последними автор понимает «определенные этапы деятельности лица, заключающиеся в умышленном создании условий для исполнения преступления и в исполнении задуманного лицом преступления». К таковым он относит:

- стадию умышленного создания условий для исполнения преступления;
- стадию исполнения преступления⁸.

В свою очередь стадию исполнения преступления составляют две фазы: 1) нападение на объект; 2) непосредственное приведение преднамеренного в исполнение.

Автор данное утверждение иллюстрирует примером из области спорта, так как любая деятельность, по его мнению, развивается по одинаковой схеме. Так, «разминка спортсмена (прыгуна в длину с разбега) в секторе для прыжков, решившего показать определенный результат, – это подготовка. Начало его разбега – это начало нападения. Момент окончания разбега – это посягательство. Попадание ноги прыгуна на толчковую доску, отталкивание от нее, полет, приземление – непосредственное приведение преднамеренного в исполнение»⁹.

Таким образом, автор отождествляет с уголовно наказуемыми приготовительными действиями и такие действия, к которым по большому счету может быть отнесена как интеллектуальная, так и психическая подготовка к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления. Как справедливо отмечает А.И. Ситникова, при таком подходе наказуемым становится чтение книг о стрелковом оружии как интеллектуальная подготовка к преступлению, что неверно¹⁰.

Мы не можем согласиться с предложением М.П. Рединым термином «стадии осуществления преступного намерения», поскольку ни УК РФ, ни теория уголовного права не знают такой категории, как наме-

рение. Кроме того, автор выделяет виды преступлений по степени их завершенности (приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление), которые обретают видимые очертания на разных стадиях осуществления преступного намерения. Необходимо положительно оценить попытку М.П. Редина развести термины «стадии совершения преступления» и «неоконченное преступление», особенно удачным является использование понятия «виды преступлений по степени их завершенности». Вот только непонятно, почему автор одним из видов последнего не признает добровольный отказ от совершения преступления, поскольку это тоже вид незавершенного преступления. Из законодательной формулировки добровольного отказа от совершения преступления четко следует наличие преступления. При этом виновное лицо добровольно и окончательно отказывается от доведения начатого до конца, то есть преступление прерывается.

М.П. Редин отмечает, что сущность неоконченного преступления обусловлена совокупностью двух компонентов деяния: 1) субъективной опасностью (виной лица) и 2) объективной вредоносностью деяния (общественной опасностью)¹¹. Она заключается в умышленном создании лицом угрозы причинения вреда объектам, охраняемым уголовным правом. Примечательно, что автор, соглашаясь с мнением Т.В. Церетели, пишет, что чем выше общественная значимость объекта и чем больше объем возможного вреда, тем меньшая степень возможности наступления преступного последствия достаточна для обоснования общественной опасности неоконченного преступления. И наоборот, чем меньше общественная значимость объекта и объем возможного вреда, тем большая степень возможности наступления преступного последствия может обосновать общественную опасность деяния¹².

В.Д. Иванов стадиями совершения преступления признает «различные этапы осуществления лицом своего замысла на совершение преступления, которые проявляются во внешнем его поведении (действии или бездействии) и различаются между собой объемом выполнения данного замысла, направленного на достижение желаемого результата, и характером совершаемых при этом действий или бездействий»¹³.

Ученый выделяет стадии неоконченного и оконченного преступления. К первым

относится приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление. Стадии оконченного преступления включают в себя замысел на совершение преступления, непосредственное преступное посягательство (покушение) и оконченное преступление¹⁴.

Теоретические взгляды Н.Ф. Кузнецовой в отношении приготовления и покушения на преступление с течением времени претерпевали определенные изменения. Вначале автор к стадиям преступления относил формирование умысла, приготовление к преступлению и исполнение преступления¹⁵, а позднее в своей монографии предложила различать стадии преступной деятельности и виды неоконченного преступления¹⁶. Так, к стадиям ею отнесены приготовительные действия и исполнение преступления, а к видам неоконченного преступления – приготовление и покушение. В более позднем издании приготовление и покушение называются прерванными составами преступления и не отождествляются со стадиями ввиду отсутствия каких-либо оснований для этого¹⁷.

На наш взгляд, общей во всех представленных позициях является детализация неоконченной преступной деятельности. Отличие заключается в том, что названные авторы:

- во-первых, по-разному определяют неоконченную преступную деятельность, называя ее «стадиями осуществления преступного намерения», «внестадийными деликтами», «предварительной преступной деятельностью» и т.п.;

- во-вторых, выделяют различное количество образующих эту деятельность элементов.

Мы считаем необходимым различать стадии совершения преступления и неоконченное преступление, усматривая здесь два самостоятельных уголовно-правовых явления.

Выделение стадий развития преступления обусловлено спецификой становления отечественного уголовного законодательства. Так, например, российские ученые-правоведы XIX в. в своих работах уже начинают говорить о конкретных стадиях совершения преступления.

Более того, многие отечественные авторы даже при толковании норм уголовных законодательств других государств о приготовлении и покушении используют теорию стадий совершения преступления. Так, А.А. Малиновский, анализируя уголовно-правовую базу законодательства США, ФРГ

и Франции, упоминает о таких стадиях совершения преступления, как приготовление к преступлению, покушение на преступление и оконченное преступление¹⁸. Аналогичных взглядов придерживаются и Н.Е. Крылова, А.В. Серебренникова, рассматривавшие уголовные кодексы Франции и ФРГ¹⁹.

Несмотря на то что ныне действующее уголовное законодательство не содержит понятия стадий совершения преступления, судебная практика активно использует его. Так, в п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК)» говорится, что «при назначении наказания за убийство необходимо учитывать все обстоятельства, при которых оно совершено: вид умысла, мотивы и цель, способ, обстановку и *стадию совершения преступления...*» (курсив – В.Н.).

Стадии совершения преступления – понятие более емкое, нежели неоконченное преступление, вследствие чего и количество стадий совершения преступления больше, чем число видов неоконченного преступления.

Неоконченное преступление – это прерванная, виновная, противоправная и общественно опасная деятельность лица по созданию условий либо непосредственному совершению преступления, в результате которой действие не доводится до конца или результат не наступает.

К видам неоконченного преступления мы относим приготовление к преступлению, покушение на преступление и добровольный отказ от доведения преступления до конца.

Предложенная нами формулировка имеет ряд преимуществ, а именно:

- указывает на то, что неоконченное преступление – это прерванная деятельность;
- позволяет к видам неоконченного преступления отнести добровольный отказ от доведения преступления до конца, потому как основным критерием выделения видов преступления является не то, по каким обстоятельствам оно не доводится до конца, а то, что преступление прерывается (а это в свою очередь может произойти как по обстоятельствам, не зависящим от воли лица, так и вследствие изменения его намерений).

Добровольный отказ от доведения преступления до конца выступает одной из разновидностей неоконченного преступления, так как законодатель неслучайно поместил его в главу уголовного закона, названную «Неоконченное преступление».

Стадии совершения преступления – это этапы поступательного развития преступления, различающиеся между собой по характеру совершаемых действий (бездействия), степени реализации преступного умысла, наступившим последствиям и моменту окончания.

Мы выделяем следующие стадии совершения преступления:

- обнаружение умысла;
- создание условий (на данной стадии образуется приготовление к преступлению);
- частичное совершение действия (на данной стадии образуется неоконченное покушение);
- полное совершение действия (на данной стадии образуется оконченное покушение);
- наступление общественно опасных последствий (на данной стадии образуется оконченное преступление).

Рассмотреть данные стадии в развитии можно на примере классического прыжка с парашютом. Так, появление желания прыгнуть с парашютом, которое сопровождается поездками на аэродром, наблюдением за полетами, – это обнаружение умысла. Прохождение первоначальной подготовки, необходимой для допуска к прыжку, укладка своего парашюта – это создание условий. Экипировка для прыжка, посадка в самолет, полет над местом для прыжка и отказ от совершения прыжка, например, из-за поломки самолета или вследствие изменения намерений лица непосредственно перед самым прыжком – это частичное совершение действия (неоконченное покушение). Непосредственное исполнение прыжка в случае, когда парашют не раскрывается, – полное совершение действия. В такой ситуации лицо выполняет все, что считало необходимым для совершения действия, однако по не зависящим от него обстоятельствам изначально задуманное действие не доводится до конца и результат не наступает. В случае же удачного приземления парашютиста его посадка знаменует собой наступление желанного результата, то есть речь идет о завершенном действии. Смерть парашютиста вследствие нераскрытия парашюта – это также оконченное действие, однако по своим последствиям не то, которое желал парашютист. Причем именно эта разница наступивших результатов позволяет нам отграничить оконченное покушение от оконченного преступления.

Выявление каждой из указанных стадий преступления позволяет установить кон-

кретную степень общественной опасности содеянного, а также влияет на конечную квалификацию преступления. Так, выделение стадии «наступление общественно опасных последствий» дает возможность определить степень общественной опасности конкретного деяния, а также разграничить оконченное покушение и оконченное преступление, годное покушение и негодное.

Кроме того, имеет смысл признать существование и стадии обнаружения умысла, которая хотя и не имеет самостоятельного уголовно-правового значения, но тем не менее позволяет раскрыть сущность преступления при его формировании, а также определить степень его общественной опасности.

Исходя из вышеизложенного мы считаем верным изложить гл. 6 УК РФ в следующей редакции:

Глава 6. Стадии совершения преступления

Статья 29. Стадии совершения преступления

1. Стадиями совершения преступления признаются этапы поступательного развития преступления, различающиеся между собой по характеру совершаемых действий (бездействия), степени реализации преступного умысла, наступившим последствиям и моменту окончания.

Статья 30. Неоконченное преступление

1. Неоконченным преступлением признается прерванная, виновная, противоправная и общественно опасная деятельность лица по созданию условий либо непосредственному совершению преступления, в результате которой действие не доводится до конца или результат не наступает.

2. Неоконченным преступлением признаются приготовление к преступлению, неоконченное покушение на преступление, оконченное покушение на преступление и добровольный отказ от доведения преступления до конца.

3. Приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения

преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

4. Неоконченным покушением на преступление признается совершение лицом части умышленных действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления и необходимых для его успешного завершения, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

5. Оконченным покушением на преступление признается совершение лицом всех необходимых действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления и необходимых для его успешного завершения, если при этом желаемый преступный результат не наступил по обстоятельствам, не зависящим от этого лица.

Статья 31. Добровольный отказ от доведения преступления до конца

1. Добровольным отказом от доведения преступления до конца признается окончательное и добровольное прекращение лицом доведения преступления до конца при осознании возможности совершения оконченного преступления.

2. Лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца.

3. Лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит иной состав преступления.

4. Организатор преступления и подстрекатель к преступлению не подлежат уголовной ответственности, если эти лица своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца. Пособник преступления не подлежит уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления.

5. Если действия организатора или подстрекателя, предусмотренные частью четвертой настоящей статьи, не привели к предотвращению совершения преступления исполнителем, то предпринятые ими меры могут быть признаны судом смягчающими обстоятельствами при назначении наказания.

Статья 32. Оконченное преступление

1. Преступление признается оконченным, если в совершенном лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: Милюков С., Дронова Т. Определение неоконченного преступления в современной уголовно-правовой литературе // Уголовное право. 2008. № 2. С. 43.

² См.: Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Неоконченное преступление и его виды: Моногр. М., 2003. С. 30.

³ См.: Они же. От концепции стадий преступления к концепции неоконченных внастадийных деликтов // Современное образование – пути и перспективы развития в XXI веке: Материалы науч.-практ. конференции. Орел, 2002. С. 54–55.

⁴ См.: Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление. М., 2006. С. 108.

⁵ См.: Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Неоконченное преступление и его виды. М., 2003. С. 91.

⁶ См.: Козлов А.П. Учение о стадиях преступления. СПб., 2002. С. 20.

⁷ Там же. С. 349.

⁸ См.: Редин М.П. Совершенствование законодательства об ответственности за преступления по степени их завершенности // Современное право. 2005. № 6. С. 47–48.

⁹ Он же. Разграничение приготовления к преступлению и покушения на него // Следователь. 1999. № 1. С. 13–14.

¹⁰ См.: Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Неоконченное преступление и его виды. С. 89.

¹¹ См.: Редин М.П. Основание уголовной ответственности за неоконченное преступление и сущность неоконченного преступления // Российский следователь. 2002. № 10.

¹² См.: Там же.

¹³ Иванов В.Д., Мазуков С.Х. Стадии совершения преступления. Ростов н/Д, 1998. С. 5.

¹⁴ См.: Уголовное право. Общая часть / Под ред. В.П. Петряшева. М., 1999. С. 224–225.

¹⁵ См.: Кузнецова Н.Ф. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву: Автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 1953. С. 4.

¹⁶ См.: Она же. Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву: Моногр. М., 1958. С. 39–41.

¹⁷ См.: Курс уголовного права. Общая часть / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1999. С. 362.

¹⁸ См.: Малиновский А.А. Уголовное право зарубежных государств: Учеб. пособие. М., 1998. С. 22, 48, 75.

¹⁹ См.: Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран: Учеб. пособие. М., 1998. С. 102, 106.

2. Уголовная ответственность за неоконченное преступление наступает по статье настоящего Кодекса, предусматривающей ответственность за оконченное преступление, со ссылкой на статью 32 настоящего Кодекса.

¹ См.: Miljukov S., Dronova T. Opredelenie neokonchennogo prestuplenija v sovremennoj ugodovno-pravovoj literature // Ugodovnoe pravo. 2008. № 2. S. 43.

² См.: Nazarenko G.V., Sitnikova A.I. Neokonchennoe prestuplenie i ego vidy: Monogr. M., 2003. S. 30.

³ См.: Они же. От концепции стадий преступления к концепции неоконченных внастадийных деликтов // Современное образование – пути и перспективы развития в XXI веке: Материалы науч.-практ. конференции. Орел, 2002. С. 54–55.

⁴ См.: Sitnikova A.I. Prigotovlenie k prestupleniju i pokushenie na prestuplenie. M., 2006. S. 108.

⁵ См.: Nazarenko G.V., Sitnikova A.I. Neokonchennoe prestuplenie i ego vidy. M., 2003. S. 91.

⁶ См.: Kozlov A.P. Uchenie o stadijah prestuplenija. SPb., 2002. S. 20.

⁷ Там же. С. 349.

⁸ См.: Redin M.P. Sovershenstvovanie zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za prestuplenija po stepeni ih zavershennosti // Sovremennoe pravo. 2005. № 6. S. 47–48.

⁹ Он же. Razgranichenie prigotovlenija k prestupleniju i pokushenija na nego // Sledovatel'. 1999. № 1. S. 13–14.

¹⁰ См.: Nazarenko G.V., Sitnikova A.I. Neokonchennoe prestuplenie i ego vidy. S. 89.

¹¹ См.: Redin M.P. Osnovanie ugodovnoj otvetstvennosti za neokonchennoe prestuplenie i suwnost' neokonchennogo prestuplenija // Rossijskij sledovatel'. 2002. № 10.

¹² См.: Там же.

¹³ Ivanov V.D., Mazukov S.H. Stadii sovershenija prestuplenija. Rostov n/D, 1998. S. 5.

¹⁴ См.: Ugodovnoe pravo. Obwaja chast' / Pod red. V.P. Petrijasheva. M., 1999. S. 224–225.

¹⁵ См.: Kuznecova N.F. Otvetstvennost' za prigotovlenie k prestupleniju i pokushenie na prestuplenie po sovetskomu ugodovnomu pravu: Avtoref. ... dis. kand. jurid. nauk. M., 1953. S. 4.

¹⁶ См.: Она же. Otvetstvennost' za prigotovlenie k prestupleniju i pokushenie na prestuplenie po sovetskomu ugodovnomu pravu: Monogr. M., 1958. S. 39–41.

¹⁷ См.: Kurs ugodovnogo prava. Obwaja chast' / Pod red. N.F. Kuznecovoj. M., 1999. S. 362.

¹⁸ См.: Malinovskij A.A. Ugodovnoe pravo zarubezhnyh gosudarstv: Ucheb. posobie. M., 1998. S. 22, 48, 75.

¹⁹ См.: Krylova N.E., Serebrennikova A.V. Ugodovnoe pravo zarubezhnyh stran: Ucheb. posobie. M., 1998. S. 102, 106.

Характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях

А.В. ДАТИЙ – заместитель начальника лаборатории НИИ ФСИН России, доктор медицинских наук;

Е.М. ДАНИЛИН – ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;

А.А. ФЕДОСЕЕВ – начальник отдела НИИ ФСИН России

В статье представлена характеристика осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях, которая включает социально-демографические, уголовно-правовые и уголовно-исполнительные показатели, прослеживаются изменения, произошедшие в личности несовершеннолетних осужденных за прошедшие полгода, дается отдельная характеристика осужденным, находящимся в пяти учреждениях, где в соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. реализуется проект по перепрофилированию в воспитательный центр – новый вид исправительного учреждения для лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте.

Ключевые слова: воспитательные колонии; характеристика осужденных; личность несовершеннолетнего; воспитательный центр.

Characteristics of the convicts serving their sentence in approved schools

A.V. DATII – deputy chief at the laboratory of the Research Institute of the Russian Penal Service, Doctor of Medicine;

E.M. DANILIN – leading researcher at the Research Institute of the Russian Penal Service, candidate of Pedagogics, assistant-professor;

A.A. FEDOSEEV – chief of the department at the Research Institute of the Russian Penal Service

Given characteristics of offenders, serving their sentence in juvenile corrections includes: socio-demographical, penal and law showings. The changes happened in offender's personality for the past six months are traced. In article is given description of offenders, which are participated in pilot juvenile corrections (according to Conception of penal system's development in Russian Federation until 2020 year. The pilot project of the convert juvenile correction is held in five juvenile corrections).

Key words: approved schools; characteristic of the convicts; personality of the underaged; approved centre

При подготовке характеристики осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях (ВК), использовались результаты социологических исследований, проведенных сотрудниками НИИ ФСИН России в 2009–2011 гг., а также статистические данные (форма ОИУ-1 по состоянию

на 01.07.2011 г., форма ВК за 2009–2010 гг. и первое полугодие 2011 г.).

1. Социально-демографическая характеристика.

С 2005 г. наблюдается сокращение численности осужденных, отбывающих наказание в ВК: в 2005 г. таковых был 14 721 чел.,

2006 г. – 13 864, 2007 г. – 11 794, 2008 г. – 9561, 2009 г. – 7227, 2010 г. – 4053. 1 июля 2011 г. в ВК содержалось 3407 осужденных. Тенденция к сокращению количества сохранилась и в 2011 г.

Возраст осужденных. В 2010 г. осужденные распределялись по возрасту следующим образом: 14–15-летние – 225 чел. (5,5%), 16–17-летние – 3078 чел. (76,2%), 18–19-летние – 740 чел. (18,3%).

В 2011 г. возрастной состав осужденных выглядел следующим образом: 14–15-летние – 177 чел. (5,1%), 16–17-летние – 2540 (74,6%), 18–19-летние – 690 чел. (20,3%).

Пол осужденных. В 2011 г. осужденных мужского пола в ВК было 3134 чел. (92%), осужденных женского пола – 273 чел. (8%). В 2010 г. наблюдалось примерно такое же соотношение: доля осужденных мужского пола составляла 93%, осужденных женского пола – 7%. В ближайшее время данная тенденция сохранится: в ВК будут находиться 92–93% осужденных мужского пола и 7–8% осужденных женского пола.

Род занятий до осуждения. В настоящее время в ВК преимущественно содержатся лица, которые до осуждения учились в общеобразовательных школах и других учебных заведениях (74,7%). Из них значительная часть (61%) были учащимися общеобразовательных школ, 6,2% – спецшкол и спецпрофессиональных училищ, 6,1% – вспомогательных школ. Несмотря на то что учеба в подростковом возрасте выступает ведущим видом деятельности, а школа наряду с семьей должна быть основным институтом социализации личности, в ВК поступают нередко неграмотные или малограмотные несовершеннолетние. У них наблюдается высокая степень социальной и педагогической запущенности. В 2011 г. среди осужденных не имеющих никакого образования было 2%, имеющих только начальное образование – 44%, основное общее образование – 50,1%, общее образование – 3,3%, среднее профессиональное – 0,6%.

В 2010 г. среди осужденных в ВК не имели никакого образования 1,8%, имели начальное общее образование 35%, основное общее – 56,1%, общее образование – 4,9%, среднее профессиональное – 3,5%. Закрепляется тенденция к снижению уровня образования у осужденных.

Помимо учащихся среди осужденных 4,1% до направления в ВК работали, а 21,2% не работали и не учились.

Семейное положение осужденных. Ставшее аксиомой утверждение о том, что се-

мья является важнейшим институтом социализации личности и именно от вектора семейного воспитания зависит поведение несовершеннолетнего, получило наглядное подтверждение: почти половина (48%) осужденных, отбывающих наказание в ВК в 2011 г., воспитывались в неполных семьях, 8% были сиротами.

Тенденция ухудшения семейного воспитания и положения несовершеннолетних развивается. Это отрицательно сказывается на поддержании и укреплении социально полезных связей осужденных, их ресоциализации. О снижении уровня социально полезных связей осужденных, незначительной поддержке их со стороны родителей свидетельствует тот факт, что в 2011 г. треть подростков в ВК не получали посылок и передач, более чем половина осужденных не имела краткосрочных свиданий, а длительных и того больше – 70%.

Состояние здоровья осужденных. В первом полугодии 2011 г. среди осужденных, находящихся в ВК, зарегистрировано 3876 заболеваний, из них 1720 социально значимых болезней, что составляет 44,4% (ВИЧ-инфекция – 1,8%, вирусные гепатиты – 2,5%, сифилис – 1,5%, наркомания – 10,2%, алкоголизм – 10,6%). За прошедшие полгода структура заболеваемости практически не изменилась. Ведущее место по-прежнему занимают психические расстройства (63,4%). Данные исследования свидетельствуют о продолжающейся тенденции к ухудшению психического здоровья лиц, содержащихся в ВК, с некоторой стабилизацией.

В 2010 г. в ВК доля ВИЧ-инфицированных осужденных составляла 1,7%, наркоманов – 9,5%, алкоголиков – 9,6%, психически больных – 67,7%.

В 2011 г. в ВК отбывали наказание 62 осужденных-инвалида, что составляет 1,8% от общей численности осужденных. Количество лиц, которым инвалидность была установлена в 2010 г., составило 43 подростка (0,9%).

Прослеживается тенденция к стабилизации показателей, свидетельствующих о состоянии здоровья осужденных.

Отмечается высокий уровень поступления в ВК лиц, страдающих наркоманией, алкоголизмом, токсикоманией. Характерно увеличение числа случаев привлечения несовершеннолетних к уголовной ответственности после начала наркотизации.

Таким образом, подростки, поступающие в ВК, отличаются крайне низким уров-

нем физического и психического здоровья. Большинство из них страдает сочетанной патологией. Среди причин плохого состояния здоровья важное место отводится предшествовавшему образу жизни, низкому общекультурному уровню, а также недостаточному знанию вопросов гигиены и санитарии.

В дальнейшем прогнозируется поступление в ВК значительного количества несовершеннолетних осужденных с пониженным уровнем физического и психического здоровья.

2. Уголовно-правовая характеристика.

Вид совершенного преступления. В 2011 г. в ВК в основном отбывали наказание осужденные, совершившие умышленные тяжкие (62,3%) и особо тяжкие (31,9%) преступления. Доля осужденных, находящихся в ВК за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, возросла и составила 94,2% (в 2010 г. таких осужденных было 87,7%).

В 2011 г. осужденных, совершивших преступления небольшой или средней тяжести, содержалось в ВК соответственно 6 чел. (0,2%) и 196 чел. (5,6%). В конце 2010 г. таких осужденных было 1,1 и 11,2%. Таким образом, за прошедшее время произошло увеличение количества осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления с одновременным сокращением доли осужденных, совершивших преступления небольшой или средней тяжести. Данная тенденция остается актуальной.

Лица в несовершеннолетнем возрасте осуждаются за совершение более чем двадцати видов преступлений. Однако сфера преступных посягательств достаточно узкая и остается неизменной.

В 2011 г. осужденные отбывали наказание: за кражу (ст. 158 УК РФ) – 749 чел. (22,0%); грабеж (ст. 161 УК РФ) – 637 чел. (18,7%); разбой (ст. 162 УК РФ) – 494 чел. (14,5%); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) – 359 чел. (10,5%); убийство (ст. 105 УК РФ) – 301 чел. (8,8%); изнасилование (ст. 131 УК РФ) – 260 чел. (7,6%); преступления, связанные с наркотиками, – 82 чел. (2,4%).

В 2010 г. в ВК осужденные отбывали наказание: за кражу – 19,2%, разбой – 12,5%, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 9,0%, убийство – 6,7%, изнасилование – 5,1%.

Срок наказания. За прошедший период 2011 г. осужденные в ВК распределялись по срокам наказания следующим образом: до 2 лет включительно – 664 чел. (19,5%), от

2 до 3 лет – 1079 чел. (31,7%), от 3 до 5 лет – 1106 чел. (32,5%), от 5 до 10 лет – 558 чел. (16,3%).

Как правило, осужденные не успевают отбыть срок наказания в ВК, и их переводят в исправительную колонию (ИК). Данное обстоятельство негативно влияет на личность осужденного, обуславливает наличие перерыва в процессе его исправления и ресоциализации.

В настоящее время осужденные содержатся в ВК до 19 лет. Сейчас прорабатывается вопрос об увеличении этого возраста до 25 лет. Внесены предложения по изменению законодательства. Если их примут, то осужденные будут иметь возможность завершить процесс исправления и ресоциализации в одном учреждении, что очень важно. В этом случае можно прогнозировать сокращение количества нарушений режима содержания и порядка отбывания наказания со стороны лиц, готовящихся к переводу из ВК в ИК.

О целесообразности увеличения предельного срока пребывания осужденных в ВК высказываются как сотрудники учреждений и осужденные, так и их родственники: одобряют данное предложение 72% сотрудников, 62,7% осужденных и 88,6% их родственников.

В законе сохранится норма, дающая возможность переводить из ВК в ИК тех осужденных, которые достигли 18-летнего возраста, но не встали на путь исправления, сознательно препятствуют процессу ресоциализации и отрицательно влияют на других осужденных.

3. Уголовно-исполнительная характеристика.

Отношение осужденных к общеобразовательному обучению и профессиональной подготовке. В ВК поступают лица с высоким уровнем социальной и педагогической запущенности, не имеющие учебных, трудовых и профессиональных навыков. Это отражено в социально-демографической характеристике осужденных.

Изменения, происходящие и наблюдаемые у осужденных в процессе их обучения в школе и профессиональном училище (ПУ) ВК, можно считать важными показателями ресоциализации личности. Все осужденные, находящиеся в ВК и обязанные по закону обучаться в школе и ПУ, вовлечены в учебный процесс. За время пребывания в ВК, по мнению администраций учреждений, 67% осужденных изменили свое негативное отношение к учебе в школе на позитивное. Большинство осужденных проявляет до-

бросовестное отношение к учебе в школе. Однако у 22,3% осужденных отсутствует интерес к этому виду деятельности.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. большое внимание уделяется организации учебного процесса в школе и профессионального образования осужденных, обучению их социально значимым профессиям, востребованным на рынке труда. Это, бесспорно, окажет позитивное влияние на процесс ресоциализации.

Поведение осужденных. Среди осужденных в ВК доля лиц, характеризующихся сотрудниками учреждений положительно, составляет 38,3%, нейтрально – 39,4%, отрицательно – 19,9%, злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания – 2,4%. Примерно столько же осужденных относилось к каждой из категорий и в 2010 г. В этой части наблюдается стабильность на протяжении нескольких лет.

Сотрудникам учреждений особое внимание следует обращать на нейтрально характеризующихся лиц. Если этого не делать, то можно прогнозировать рост числа отрицательно характеризующихся осужденных и злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания, потому что именно нейтрально характеризующиеся лица (пассив) не определились, как себя вести в условиях мест лишения свободы. Они могут перейти как в группу осужденных с положительной характеристикой, так и в противоположную группу. Здесь необходимо учитывать особенность несовершеннолетних, которые сравнительно легко и быстро усваивают внутригрупповые интересы и при этом стремятся найти надежное покровительство у более сильных и авторитетных лиц.

Одной из эффективных мер, позволяющих снизить количество отрицательно характеризующихся осужденных, злостных нарушителей режима содержания и лиц, поставленных на профилактический учет, является изменение существующего ныне в ВК принципа организации осужденных. Отход от отрядной системы (коллективного содержания) позволит организовать эффективную индивидуальную работу с несовершеннолетними, выстроить систему профилактики правонарушений во время отбывания наказаний.

В 2011 г. 66% осужденных находились в обычных условиях отбывания наказания, 23,8% – в облегченных, 7% – в льготных, 3,2% – в строгих. Данную характеристику

осужденных следует учитывать при организации ВЦ, поскольку согласно модели этого учреждения осужденные, отбывающие наказания в различных условиях, должны размещаться отдельно друг от друга.

Готовность осужденных к освобождению. Большинство осужденных, содержащихся в ВК в настоящее время, не готовы к освобождению. Они опасаются, что будут испытывать различные трудности в бытовом и трудовом устройстве на свободе. В меньшей степени эти проблемы будут связаны с бытовым устройством (13%), в большей – с трудовым (61%), и лишь 26% осужденных, по их мнению, после освобождения трудностей не испытают вообще.

В решении проблем, которые могут возникнуть после освобождения, осужденные рассчитывают на помощь, во-первых, родственников, во-вторых, друзей, в-третьих, государственных органов. Около 17% опрошенных вообще не рассчитывают на чью-либо поддержку.

В ближайшее время ситуация в целом не изменится. Это обусловлено социально-экономической обстановкой в стране, уровнем безработицы, низкой конкурентоспособностью на рынке труда освободившихся из ВК, отсутствием у них достаточных профессиональных навыков. Можно прогнозировать, что с созданием ВЦ и реабилитационного центра в его структуре повысится эффективность системы подготовки осужденных к жизни после освобождения.

4. Характеристика осужденных, содержащихся в пилотных ВК.

Приказом ФСИН России от 31.12.2010 г. № 565 «О реализации отдельных положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года» утвержден пилотный проект по репрофилированию пяти воспитательных колоний в воспитательные центры. Знание характеристик осужденных поможет сотрудникам этих учреждений организовывать целенаправленную работу по выполнению требований названного нормативного документа.

Возраст осужденных. В настоящее время в пилотных ВК находится 449 осужденных. Они распределились по возрасту следующим образом: 14–15-летние – 22 чел. (4,8%); 16–17-летние – 355 чел. (79,2%); 18–19-летние – 72 чел. (16%). На общем фоне выделяется Можайская ВК, где 18–19-летние осужденные составляют значительную часть контингента – 33 чел. (26,8%), что на 6% больше, чем в целом по всем ВК страны.

Вид совершенного преступления. Осужден за совершение умышленных преступлений средней тяжести – 21 чел. (4,8%), тяжких преступлений – 291 чел. (64,8%), особо тяжких преступлений – 136 чел. (30,4%).

Осужденны первый раз – 283 чел. (63,2%), два раза – 88 чел. (19,5%), три раза и более – 78 чел. (17,3%).

По составам совершенных преступлений осужденные распределились следующим образом: за кражу – 72 чел. (16%), грабеж – 81 чел. (18%), убийства – 60 чел. (13,3%), разбой – 103 чел. (22,9%), умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 22 чел. (4,8%), изнасилование – 15 чел. (3,3%), преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних – 30 чел. (6,6%).

Срок наказания. В пилотных ВК осужденные имеют следующие сроки наказания: до 1 года – 23 чел. (5,3%), свыше 1 года и до 3 лет – 210 чел. (46,7%), свыше 3 и до 5 лет – 161 чел. (35,8%), свыше 5 и до 10 лет – 55 чел. (12,2%).

По всем показателям характеристики осужденных в пилотных ВК оказались идентичны характеристикам осужденных остальных учреждений данного типа за исключением небольшой разницы в отдельных цифровых значениях. Тенденции, характерные для осужденных ВК в целом, проявляются и в отношении лиц, находящихся в пилотных ВК.

Прогноз развития ситуации до 2016 г.

В течение 2012–2016 гг. будет осуществлено перепрофилирование воспитательных колоний в воспитательные центры. Численность лиц, осужденных в несовершеннолетнем возрасте и направленных отбывать наказание в ВЦ, к 2016 г. возрастет и достигнет 4,5–5 тыс. чел. Это произойдет потому, что, во-первых, наша страна постепенно выходит из демографической ямы, образовавшейся в 90-е гг. прошлого столетия, и процент населения подросткового возраста увеличивается, во-вторых, предельный возраст пребывания осужденных в ВЦ планируется повысить до 25 лет.

Несовершеннолетние осужденные мужского пола будут составлять 92–94%, осужденные женского пола – 6–8% от общего количества лиц, отбывающих наказание в ВЦ.

В основном контингент будет представлен городскими жителями (до 85%), учащи-

мися общеобразовательных школ и других учебных заведений (60–70%), а также лицами без определенных занятий (20–25%).

Уровень образования несовершеннолетних осужденных, скорее всего, будет падать, уровень социальной и педагогической запущенности возрастать.

Большинство осужденных будут находиться в возрасте 16–17 лет. Примерно на треть произойдет увеличение доли осужденных в возрасте 18 лет (при условии принятия поправок в законодательство об увеличении предельного возраста содержания осужденных в ВЦ). Количество осужденных в возрасте 14–15 лет может уменьшиться вследствие дальнейшей гуманизации уголовной политики государства в отношении несовершеннолетних.

Семейное положение значительной части несовершеннолетних осужденных продолжит оставаться сложным. Примерно половина рассматриваемых лиц будут выходцами из неполных семей, 7–8% – сиротами, а у 15–16% осужденных родителей лишат родительских прав.

К 2016 г. прогнозируется поступление в ВЦ примерно половины осужденных с низким уровнем физического и психического здоровья. Это объясняется общим ухудшением социально-демографических показателей и, в первую очередь, безразличием родителей и лиц, их заменяющих, к проблемам несовершеннолетних, в том числе и в плане здоровья.

К 2016 г. более 90% осужденных будут отбывать наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, имеющих преимущественно насильственный характер. Возрастет также число преступлений, связанных с оборотом наркотических и других психоактивных веществ. Можно ожидать всплеск преступности, связанной с межэтническими конфликтами и проявлениями экстремизма со стороны несовершеннолетних.

Примерно половину лиц, содержащихся в ВЦ, составят осужденные впервые, другую половину – осужденные второй, третий и более раз.

К 2016 г. практически все осужденные будут отбывать наказание в ВЦ с момента поступления и до освобождения. Таким образом, будет соблюден важный педагогический принцип непрерывности процесса исправления и ресоциализации. ■

Основы организации деятельности колоний-поселений с усиленным наблюдением (теоретическая модель)

И.Е. ТРЕТЬЯКОВ – начальник кафедры режима и надзора в УИС Самарского юридического института ФСИН России;

Р.З. УСЕЕВ – доцент кафедры режима и надзора в УИС Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук

В настоящей статье отражен ряд предложений по основам организации деятельности нового вида исправительных учреждений – колоний-поселений с усиленным наблюдением. Авторами формулируются и обосновываются предложения, касающиеся организационно-правового обеспечения деятельности колоний-поселений с усиленным наблюдением, организационно-штатной структуры, условий отбывания наказания осужденными, находящимися в них, и целого ряда вопросов, связанных с организацией деятельности и функционированием исправительных учреждений рассматриваемого вида.

Ключевые слова: колония-поселение с усиленным наблюдением; концептуальная модель; исправительное учреждение; осужденные.

Basic elements of working places with reinforced supervision activity (conceptual model)

I.E. TRETIAKOV – the chief of chair of a mode and supervision in penitentiary system, the Samara law institute Federal Service of Execution of Punishment, Russia;

R.Z. USEEV – the senior lecturer of chair of a mode and supervision in penitentiary system, the candidate of law. The Samara law institute Federal Service of Execution of Punishment, Russia.

In this article a number of suggestions concerning the activity of the new type of correctional institution – colony with intensified supervision – is made. The authors formulate and prove some proposals relating to legal-organizational support of new colonies with intensified supervision, their future regular-organizational structure, conditions of serving sentences by convicted and a number of problems concerning the forming and functioning of such correctional institutions.

Key words: a working place with reinforced supervision; conceptual model; correctional facility; an inmate.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. Правительством России обозначены основные новые виды ИУ: тюрьмы общего, усиленного и особого режимов, колонии-поселения с обычным и усиленным наблюдением, воспитательные центры, лечебно-исправительные и лечебно-профилактические учреждения.

Наличие отдельных теоретических разработок и концепций, сопровождающих пенитенциарную реформу в России, дает основание сформулировать на уровне гипотезы видение будущей колонии-поселения с усиленным наблюдением, особенности исполнения и отбывания наказания, содержания осужденных в данных учреждениях.

Поскольку концепция предусматривает создание двух типов колоний-поселений, возникает вопрос: будут ли данные учреждения находиться под вооруженной охраной?

Отчасти ответ на него дается в Концепции развития службы охраны учреждений уголовно-исполнительной системы на период до 2020 г., где указано, что колонии-поселения будут относиться к числу неохранных объектов УИС. Помимо этого в ней определены категории осужденных, которые будут отбывать наказание в колониях-поселениях с усиленным наблюдением¹.

В законопроекте, подготовленном управлением исполнения приговоров и специального учета ФСИН России, уже указаны категории лиц, которые за определенные

преступления будут отбывать наказание в виде лишения свободы в колониях-поселениях с усиленным наблюдением. К ним относятся мужчины и женщины, осужденные за преступления, совершенные по неосторожности; ранее отбывавшие наказание в виде лишения свободы либо осужденные к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести; ранее отбывавшие лишение свободы за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а также женщины, осужденные за совершение тяжких преступлений, ранее не отбывавшие лишение свободы². В литературе указываются также иные категории осужденных, которые могли бы отбывать наказание в колониях-поселениях с усиленным наблюдением³.

Предполагается, что осужденные в этих учреждениях будут размещены в комнатах (не более 6 чел. в каждой), а не в камерах, в отличие от тюрем нового типа. При этом должен быть соблюден принцип раздельного содержания, установленный ст. 80 УИК РФ. Начиная с подъема и до отбоя осужденным будет разрешено свободное передвижение в пределах границ территории колонии-поселения с усиленным наблюдением, кроме осужденных, отбывающих наказание в строгих условиях, а равно и за ее пределами, если этого требует характер выполняемой ими работы, учебы, реализации иных прав и законных интересов, предусмотренных законом⁴.

Одним из ключевых моментов организации деятельности будущей колонии-поселения с усиленным наблюдением является обеспечение в ней режимных требований, а также несения службы подразделениями режима.

С учетом того что в колонии-поселении с усиленным наблюдением отбывает наказание категория осужденных, не представляющая особой опасности для общества, в данном учреждении, как это отмечено в Концепции развития охраны учреждений УИС на период до 2020 г., вооруженная охрана не осуществляется. Таким образом, на надзор, а не на охрану будет возложена функция постоянного контроля и наблюдения за осужденными.

В целях гарантированного задержания осужденных при покушении на побег из-под надзора необходимо реконструировать действующие комплексы инженерно-технических средств охраны и надзора. Полагаем, что та категория осужденных, которая будет содержаться в колонии-поселении с усиленным наблюдением, должна быть в

меньшей степени криминально запущена и в целом характеризоваться либо нейтрально, либо положительно. Кроме того, сама сущность отбывания лишения свободы в колонии-поселении определяет отсутствие вооруженной охраны в отношении осужденных. В связи с этим считаем, что было бы целесообразно установить ограждение (линию надзора), которое одновременно стало бы границей колонии-поселения с усиленным наблюдением. Его следовало бы оборудовать линиями освещения и связи, средствами обнаружения и видеонаблюдения.

Необходимо в определенной степени модернизировать контрольно-пропускные пункты людей и транспорта. Они должны быть оборудованы современными техническими средствами идентификации личности, досмотра транспорта и грузов (средствами видеодосмотра, обнаружения человека, рентгеноскопами); средствами видеонаблюдения и объемными датчиками обнаружения; противотаранными устройствами для транспортного контрольно-пропускного пункта.

Для постоянного контроля за поведением осужденных и качественным выполнением задач персоналом учреждения следует предусмотреть внедрение интегрированной системы безопасности (ИСБ), обеспечивающей порядок на территории учреждения (речевая связь и оповещение, видеонаблюдение и видеообнаружение, контроль и управление доступом на объекты, сбор информации из режимных помещений и объектов о состоянии охранной и тревожной сигнализации, систем контроля, видеоинформации, получаемой при помощи видеочамер) и наблюдение за периметральными системами (линией надзора, средствами обнаружения и видеонаблюдения на линии надзора).

В соответствии с Концепцией развития службы охраны учреждений УИС на период до 2020 г. текущий ремонт и обслуживание инженерных и технических средств надзора (ИТСН) в тюрьмах и других учреждениях ФСИН России, где предусмотрена изоляция (вооруженная охрана), будет осуществляться независимыми специализированными организациями, имеющими разрешение (лицензию) на ведение данной деятельности – аутсорсинг. В целях единообразия сервиса ИТСН учреждений УИС считаем, что необходимо установить аналогичное правило и для колоний-поселений с усиленным наблюдением⁵.

В результате реконструкции инженерно-технического оборудования периметра учреждений по предлагаемому выше варианту, внедрения новейших технических систем безопасности предполагается переход на

прогрессивные способы несения службы по обеспечению надзора на объектах. Ввиду этого должен измениться состав служб и подразделений, осуществляющих надзор и контроль за осужденными, пропускной режим в учреждении, защиту объекта от внешних источников опасности.

Безусловно, основные задачи по осуществлению надзора в указанных учреждениях должна выполнять служба режима, которая в итоге возьмет на себя функции подразделений охраны. Очевидно, что она будет работать по 12- или 24-часовому графику.

В состав дежурной смены должны будут входить:

- руководители (оперативный дежурный, заместители (помощники) оперативного дежурного, осуществляющие организацию надзора внутри учреждения и по периметру колонии-поселения (патрулирование));

- группы, обеспечивающие надзор за осужденными и выполняющие задачи по обеспечению режимных требований на внутренней территории учреждения, осуществляющие пропускной режим, контроль периметра и прилегающей к нему территории;

- группа, обеспечивающая работу центрального поста технического контроля и видеонаблюдения (следит за поведением осужденных и качественным выполнением задач персоналом учреждения, осуществляет эффективное применение интегрированных систем безопасности).

Необходимо отметить, что отсутствие вооруженной охраны и соответствующих служб в колониях-поселениях с усиленным наблюдением и наличие только подразделений надзора приведет к формированию целого пакета документов с изменениями и дополнениями для уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации, а также разработке новых нормативных документов, регламентирующих деятельность и организацию несения службы по обеспечению режима и надзора в рассматриваемых учреждениях. Так, инструкция по охране исправительных учреждений, следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы прекратит свое действие на территории колоний-поселений с усиленным наблюдением. Очевидно, что впоследствии будет подготовлена инструкция по надзору за осужденными, содержащимися в колониях-поселениях с усиленным наблюдением.

Указанные выше изменения приведут к организационно-штатной реструктуризации колоний-поселений с усиленным наблюдением. Так, начальствующий состав отделов охраны будет перераспределен с

учетом усиления воспитательных, социальных, психологических и режимных служб учреждения.

Колонии-поселения с усиленным наблюдением могли бы быть организованы на базе действующих исправительных колоний общего или строгого режимов. Таким образом, расходы на переоборудование периметра учреждений, организацию несения службы вновь создаваемыми подразделениями режима, очевидно, были бы минимизированы. Кроме этого, колонии-поселения с усиленным наблюдением планируется организовывать в виде стационарных учреждений с развитым производством и инфраструктурой⁶, а именно к таким учреждениям в настоящее время в большинстве своем и относятся исправительные колонии общего и строгого режимов.

В настоящее время в колониях-поселениях осужденные содержатся без охраны, но под надзором администрации. Во время от подъема до отбоя они пользуются правом свободного передвижения в пределах колонии (п. «а» ч. 1 ст. 129 УИК РФ) и проживают, как правило, в специально предназначенных для них общежитиях (п. «б» ч. 1 ст. 129 УИК РФ). Таким образом, законодательно не дифференцированы условия отбывания наказания в зависимости от статуса осужденного (является он злостным нарушителем или нет), кроме того, ряд мер взысканий, предусмотренных ст. 115 УИК РФ, не распространяется на осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях.

Следует отметить, что качественный состав осужденных, отбывающих наказание в колониях-поселениях, за последние 10 лет серьезно изменился в худшую сторону. Оперативная обстановка в данных учреждениях остается сложной. Например, сравнительный анализ зарегистрированных случаев побега из-под надзора и из-под охраны демонстрирует высокую склонность к побегам осужденных, содержащихся в колониях-поселениях. Так, за 2007–2009 гг. из-под охраны в исправительных учреждениях совершено 138 побегов, а из-под надзора в колониях-поселениях – 118.

Значительным остается и число лиц, находящихся на профилактическом учете как склонных к побегу. Их суммарное количество за три года составило 973 чел., что значительно больше, чем в воспитательных колониях (295 чел.) и тюрьмах (112 чел.).

Наряду с этим озабоченность вызывает ситуация в сфере преступности и правонарушений в колониях-поселениях. Так, по количеству предотвращенных преступле-

ний колонии-поселения в целом занимают третье место среди других исправительных учреждениях. В среднем за 2007–2009 гг. предотвращено более 6 тыс. преступлений (в СИЗО – около 40 тыс., ИК – около 74 тыс.)⁷.

Все это заставляет переосмыслить те условия, в которых в настоящее время отбывают наказание осужденные. Вполне очевидно, что необходимо разделение осужденных по условиям отбывания наказания. Тем более, этот вопрос будет актуален для колоний-поселений с усиленным наблюдением.

Представляется, что по категориям осужденных, которые будут отбывать наказание в этих учреждениях, колонии-поселения с усиленным наблюдением будут занимать положение между действующими колониями-поселениями и исправительными колониями общего режима. При этом контингент, который будет содержаться в них, является достаточно сложным с точки зрения особенностей личностей осужденных и их криминальной запущенности. Поэтому с учетом работы системы «социальных лифтов» условия отбывания наказания в колониях-поселениях с усиленным наблюдением должны быть следующие: обычные, льготные и строгие.

В обычных условиях отбывания наказания должны содержаться осужденные, не нарушающие установленного порядка. Учитывая то, что за последнее десятилетие состав осужденных изменился не в лучшую сторону (об этом упоминалось выше), необходимо введение строгих условий отбывания наказания для осужденных, являющихся злостными нарушителями порядка, совершивших

правонарушения, установленные ст. 116 УИК РФ. Указанная категория лиц должна содержаться в запираемых помещениях.

Поскольку условия содержания осужденных в колонии-поселении усиленного режима, скорее всего, будут строже, чем в действующих колониях-поселениях, целесообразно введение кроме обычных и строгих еще и льготных условий отбывания наказания (за 6 месяцев до освобождения осужденного при отсутствии нарушений им установленного порядка и режима). Такие условия будут полезны осужденным, имеющим развитые социально полезные связи, собственное жилье за пределами учреждения либо возможность аренды жилья. В том случае, если рассматриваемая категория осужденных в силу различных обстоятельств не сможет проживать за пределами колонии-поселения с усиленным наблюдением, она должна будет содержаться отдельно от других осужденных учреждения. Аналогичное правило о раздельном содержании должно действовать в отношении осужденных, с которым определены обычные и строгие условия отбывания наказания.

Таким образом, изложенная концептуальная модель представляет видение основ организации деятельности колоний-поселений с усиленным наблюдением. При этом следует отметить, что вопросы организации деятельности новых исправительных учреждений являются дискуссионными и требуют плодотворной совместной работы законодателя, органов исполнительной власти ФСИН России и общественности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гришко А.Я. Правовое обеспечение реформы исполнения наказаний в виде лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2009. № 3. С. 22; Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект / Под общ. ред. А.А. Реймера. М.; Рязань, 2009. С. 22.

² См.: Проект федерального закона «О внесении изменений в статью 58 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Письмо ФСИН России от 10.02.2011 г. № 12/1–272.

³ См.: Реформирование уголовно-исполнительной системы: теоретический проект. С. 22.

⁴ См.: Там же.

⁵ Аутсорсинг (от англ. outsourcing (outer-source-using) – использование внешнего источника, ресурса) – передача организацией на основании договора определенных бизнес-процессов или производственных функций на обслуживание другой компании, специализирующейся в соответствующей области (см.: <http://ru.wikipedia.org>).

⁶ См.: Реймер А.А. Содержание и основные этапы реформирования уголовно-исполнительной системы // Ведомости УИС. 2009. № 12.

⁷ См.: Особенности содержания осужденных, признанных злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания в колониях-поселениях, до перевода в исправительные колонии общего или строгого режима до решения суда: Аналитический материал. М., 2010. С. 6–8, 13.

¹ Sm.: Grishko A.Ja. Pravovoe obespechenie reformy ispolnenija nakazanij v vide lishenija svobody // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. 2009. № 3. S. 22; Reformirovanie ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: teoreticheskij proekt / Pod obw. red. A.A. Rejmera. M.; Rjazan', 2009. S. 22.

² Sm.: Proekt Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v stat'ju 58 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Pis'mo FSIN Rossii ot 10.02.2011 g. № 12/1–272.

³ Sm.: Reformirovanie ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: teoreticheskij proekt. S. 22.

⁴ Sm.: Tam zhe.

⁵ Outsorsing (ot angl. outsourcing (outer-source-using) – ispol'zovanie vneshnego istochnika, resursa) – peredacha organizacii na osnovanii dogovora opredelennyh biznes-processov ili proizvodstvennyh funkcij na obsluzhivanie drugoj kompanii, specializirujuwejsja v sootvetstvujucej oblasti (sm.: <http://ru.wikipedia.org>).

⁶ Sm.: Rejmer A.A. Soderzhanie i osnovnye jetapy reformirovanija ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Vedomosti UIS. 2009. № 12.

⁷ Sm.: Osobennosti soderzhanija osuzhdennyh, priznannyh zlostnymi narushiteljami ustanovlennogo porjadka otbyvanija nakazanija v kolonijah-poselenijah, do perevoda v ispravitel'nye kolonii obwego ili strogogo rezhima do reshenija suda: Analiticheskij material. M., 2010. S. 6–8, 13.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

О законодательной регламентации поводов к возбуждению уголовного дела о преступлениях, совершаемых в исправительных учреждениях

В.В. МЕДВЕДЕВА – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России

В статье освещены проблемы, возникающие у сотрудников УИС на стадии возбуждения уголовного дела при приеме и проверке каждого сообщения о совершенном или готовящемся преступлении и принятии законного решения по нему. Решение данного вопроса автор видит в урегулировании правовой регламентации поводов к возбуждению уголовного дела.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела; заявление; рапорт; постановление прокурора; повод для возбуждения уголовного дела; исправительные учреждения; осужденные.

About legislative regulation of reasons for initiation of criminal cases on crimes committed in prisons

V.V. MEDVEDEVA – lecture of the Civil Law Department of Vladimir Law Institute of the Federal Service of Execution of Sentences of the RF

In the article the problems, arising in the PRISON personnel at the stage of excitation of criminal case when receiving, verifying and making a legitimate decision for each message about committed or prepared crime. The decision these problems author see it legal regulation of reasons for initiation of criminal proceedings.

Key words: stage of excitation of criminal case; statement; report; the prosecutor; the reason for the initiation of criminal proceedings; prisons; prisoners.

Уголовно-процессуальная деятельность в соответствии с п. 9 ст. 5 УПК РФ начинается с установления компетентным органом или должностным лицом предусмотренных законом поводов и основания к возбуждению уголовного дела. Именно с этого момента реализуются нормы процессуального права, а соответствующие органы государства получают право на производство процессуальных действий, направленных на выяснение условий, при которых возможно

и необходимо возбуждение дела и дальнейшее развитие процесса.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не раскрывает понятия «поводы к возбуждению уголовного дела», ограничиваясь лишь их перечнем в ч. 1 ст. 140.

Представляется, что под поводом к возбуждению уголовного дела необходимо понимать облеченные в установленную законом форму источники информации о со-

вершенном или готовящемся преступлении, которым закон придает значение юридических фактов, обязывая орган дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа в пределах, установленных УПК РФ, принять, рассмотреть и вынести по ним обоснованное решение.

В соответствии со ст. 140 УПК РФ поводами для возбуждения уголовного дела, в том числе и о преступлении, совершенном в местах лишения свободы, являются: заявление о преступлении; явка с повинной; сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из других источников и оформленное рапортом; постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Опрос сотрудников оперативного аппарата УИС показал, что большинство из них (69,7%) считают, что обычным поводом для начала доследственной проверки при совершении преступления в УИС является рапорт, который составляется чаще всего сотрудником УИС из числа оперативного аппарата, принявшим сообщение о преступлении, полученное из иных источников, 27,9% поводом считают заявление осужденных, 2,4% – явку с повинной. В связи с тем что постановление прокурора является нововведенным поводом к возбуждению уголовного дела, о его распространенности в исправительных учреждениях говорить пока сложно.

Почти аналогичные данные были получены в результате обобщения судебной практики, которая показала, что чаще всего уголовные дела о преступлениях, совершаемых в ИУ, возбуждаются по рапорту об обнаружении признаков преступления, составленному в соответствии со ст. 143 УПК РФ, и по заявлениям осужденных. Эти два повода повлекли возбуждение уголовного дела соответственно в 71% и 29% всех случаев.

Распространенность рапорта как повода к возбуждению уголовного дела в исправительном учреждении обусловлена тем, что чаще всего преступления в местах лишения свободы выявляются в ходе проведения режимных или оперативно-розыскных мероприятий. В частности, предметы, запрещенные к обороту, а также не подлежащие использованию осужденными в исправительном учреждении (наркотики, оружие, сотовые телефоны, спиртные напитки и т.д.), обнаруживают в основном в ходе обыска

заключенных, производственных, жилых и иных помещений, досмотра вещей, как хранящихся у осужденных в учреждениях, так и получаемых ими в виде передач, посылок, бандеролей.

Кроме того, в учреждениях уголовно-исполнительной системы источником информации о противоправном поведении могут являться: сообщения медицинского персонала об обнаружении у осужденных телесных повреждений, происхождение которых может быть результатом преступных действий других лиц; сведения о происшествиях, содержащиеся в журналах рапортов приема-сдачи дежурств, учета рапортов о нарушениях установленного порядка отбывания наказания, учета применения специальных средств, расследования и учета несчастных случаев на производстве и т.д.

Часто в сообщениях, полученных из иных источников, не говорится о преступлении – речь идет лишь о сведениях, требующих проверки с целью установления признаков общественно опасного деяния.

Как известно, источники информации о совершенном или готовящемся преступлении, указанные в ст. 140 УПК РФ (устное и письменное заявление, явка с повинной, рапорт, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании), проходят свой этап трансформации в повод для возбуждения уголовного дела, который и служит основанием для возникновения уголовно-процессуальных правоотношений. При этом каждый источник информации имеет свой временной промежуток, после которого он становится поводом для возбуждения уголовного дела.

Самый продолжительный этап, как правило, необходим для формирования сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, полученного из иных источников. В этой связи обращает на себя внимание отсутствие уголовно-процессуальной регламентации процедуры перехода информации о каких-либо фактах в информацию о преступлении.

Информация уполномоченному сотруднику поступает обычно в устной форме либо выявляется в ходе оперативно-розыскной деятельности. Зачастую полученные сведения требуют проведения дальнейших оперативно-розыскных мероприятий. Промежуток времени, отводимый для установления признаков преступления, может быть достаточно продолжительным. Итог данной

работы – процессуальное оформление рапорта об обнаружении признаков преступления либо внепроцессуальная деятельность – окончание оперативной разработки.

Отсутствие в уголовно-процессуальном кодексе законодательного закрепления процедуры и временного промежутка таких действий вполне обоснованно, так как оперативно-розыскная деятельность регламентируется законом об ОРД. Регистрация поступивших сведений о фактах на более раннем этапе может свести на нет всю оперативную работу. Кроме того, в некоторых ситуациях нецелесообразно ограничивать сроки проведения оперативных мероприятий.

Заявление о преступлении как повод к возбуждению уголовного дела информирует органы УИС о случившемся преступлении. Именно заявление содействует скорейшему обнаружению преступления, обеспечивает эффективность борьбы с ним. Но, как правило, пострадавшие из числа осужденных не всегда сообщают о совершении в отношении них противоправных действий. Объяснением этому является негативное отношение к администрации исправительного учреждения, отсутствие веры в эффективность результатов такого заявления. Кроме того, существенным тормозящим фактором является боязнь мести как со стороны лиц, совершивших преступление, так и со стороны отрицательно характеризующейся части осужденных. Другие осужденные (очевидцы, свидетели) также не склонны сообщать администрации ИУ об имевшемся преступлении по вышеуказанным причинам.

Тем не менее на практике, как указывалось ранее, более четверти всех поводов составляют заявления о преступлениях, поступающие от осужденных.

Как показал проведенный нами анализ уголовных дел, большинство заявлений осужденных о преступлении (почти 91,6%) поступают в течение трех дней с момента совершения преступления. Более чем в 83,3% из их указываются лица, совершившие преступление. Это помогает своевременно выявлять лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние, и применять к ним соответствующие меры воздействия.

Заявления о преступлении могут быть устными и письменными, исполненными в произвольной форме. Письменные заявления подписываются лицами, от которых они исходят. От заявителя не требуется объяснения или сообщения причин незаконных действий. Достаточно сообщения

о произошедшем факте. Устные заявления заносятся в протокол, который подписывается заявителем и лицом, принявшим заявление. Заявителю разъясняется уголовная ответственность за заведомо ложный донос в соответствии со ст. 306 УК РФ, причем он предупреждается об этом под подпись (ч. 6 ст. 141 УПК РФ).

Несмотря на данное прямое указание закона, эти требования правоприменителем часто не выполняются. Так, например, начальником исправительного учреждения УИС в г. Москве было возбуждено уголовное дело в отношении осужденного Т. по ч. 1 ст. 213 УК РФ по заявлению осужденного М. В заявлении, принятом оперуполномоченным К., отсутствовало предупреждение М. об ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УК РФ. Уже позже стало известно, что осужденные М. и Т. находились в личных неприязненных отношениях, конфликтовали. После очередного конфликта 13 декабря 2009 г. осужденный М. решил отомстить Т. и заявил о якобы совершенном последним преступлении. Не исключено, что, зная об ответственности за заведомо ложный донос, осужденный М. отказался бы от своих действий.

Однако значение разъяснения уголовной ответственности, предусмотренной ст. 306 УК РФ, заключается не только в превентивных мерах, позволяющих оградить заявителя от совершения преступления. Установленный законом порядок, в соответствии с которым заявления и письма граждан должны быть обязательно ими подписаны, а сам заявитель предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, служит одной из гарантий получения достоверных данных, на основе которых предстоит решать вопрос о возбуждении уголовного дела.

Следующим поводом является явка с повинной (ст. 142 УПК РФ), то есть добровольная подача заявления о содеянном преступлении лицом, его совершившим. Заявление о явке с повинной может быть сделано как письменно, так и устно. Исходя из данных следственно-судебной практики явка с повинной в качестве повода к возбуждению уголовного дела о новых преступлениях, совершенных именно в местах лишения свободы, применяется крайне редко, что продиктовано спецификой самого учреждения и категорией лиц, содержащейся в нем.

Следует отметить, что явка с повинной, сделанная в ИУ, нередко является самооговором о якобы ранее совершенном преступлении.

плении. Чаще всего это вызвано желанием осужденного быть этапированным к прежнему месту жительства. Поэтому на практике в местах лишения свободы встречаются случаи оформления явки с повинной в виде заявлений осужденных, в которых заявитель предупреждается об уголовной ответственности за заведомо ложный донос по ст. 306 УПК РФ во избежание возможного отказа от сделанной явки с повинной. Представляется, что это является грубейшим нарушением ст. 51 Конституции Российской Федерации, так как никто не обязан свидетельствовать против себя самого. Следует согласиться с А.Б. Диваевым, который отмечает, что «явку с повинной делает лицо, предположительно совершившее преступление, поэтому оно не предупреждается об ответственности за заведомо ложный донос». Такая позиция подтверждается и решениями Верховного Суда Российской Федерации (который признает право подозреваемого, обвиняемого на ложь).

Судебная практика должна учитывать, что заявления о явке с повинной – это не что иное, как добровольные волеизъявления (ч. 1 ст. 142 УПК РФ), а потому к ним следует относиться внимательно, если они получены от лиц, содержащихся в исправительном учреждении. Мы поддерживаем позицию процессуалистов, считающих, что полученное в неволе заявление о явке с повинной, если не были соблюдены требования ст. 46 и 51 УПК РФ об обеспечении лицу права на защиту, должно считаться не имеющим юридической силы и подлежать исключению из доказательственной базы (п. 1. ст. 175 УПК РФ).

Четвертым и последним поводом к возбуждению уголовного дела является постановление прокурора о направлении

соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Законодатель, указав постановление прокурора как повод к возбуждению уголовного дела, тем не менее не предусмотрел порядок его поступления в правоохранительные органы (прием и регистрацию). Думается, что прокурор может выявить признаки преступления в ходе осуществления надзора за деятельностью сотрудников ИУ по рассмотрению и проверке поступающих сообщений в целях выяснения наличия уголовно-правовых и уголовно-процессуальных предпосылок для возбуждения уголовного дела. Данный повод к возбуждению уголовного дела, очевидно, не будет столь же распространен, как, скажем, рапорт об обнаружении признаков преступления. Тем не менее постановление прокурора, как и другие поводы, предусмотренные в ст. 140 УПК РФ, заслуживает не меньшего внимания и регламентации со стороны законодателя. В уголовно-процессуальном законе следует предусмотреть отдельную статью, в которой раскрывалась бы сущность данного повода так же, как в ст. 141, 142, 143 УПК РФ раскрывается суть заявления, явка с повинной, рапорта. Несмотря на расширение перечня поводов к возбуждению уголовного дела, их правовая регламентация в уголовно-процессуальном законодательстве требует внесения уточнений и соответствующих дополнений, потому что пробелы в нормативных документах, бесспорно, оказывают негативное влияние на деятельность сотрудников УИС по приему, проверке сообщений о совершенных или готовящихся преступлениях и принятию законных решений по ним.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Автором было изучено 43 уголовных дела, рассмотренных судами Ленинского, Фрунзенского и Октябрьского районов г. Владимира.

² См.: Федеральный закон от 12.08.1995 г. № 144–ФЗ (ред. от 28.12.2010 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности». [http://: contact@consultant.ru](http://contact@consultant.ru)

³ Результат анкетирования сотрудников УИС Московского региона.

⁴ См.: Ким Д.В. Стадия возбуждения уголовного дела: Лекция. Барнаул, 1998. С. 12.

⁵ Диваев А.Б. Установление оснований для возбуждения уголовного дела о хищениях: Дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. С. 95.

⁶ См.: Сергеев В.А. Документ – не бумажка с подписью // Юридический вестник. 2002. № 5. С. 6.; Алиев Т.Т., Громов Н.А., Царева Н.П. Порядок собирания доказательств в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2003. № 5.

¹ Avtorom bylo izucheno 43 ugovolnyh dela, rassmotrennyh sudami Leninskogo, Frunzenskogo i Oktjabr'skogo rajonov g. Vladimira.

² Sm.: Federal'nyj zakon ot 12.08.1995 g. № 144–FZ (red. ot 28.12.2010 g.) «Ob operativno-rozysknoj dejatel'nosti». [http://: contact@consultant.ru](http://contact@consultant.ru)

³ Rezul'tat anketirovanija sotrudnikov UIS Moskovskogo regiona.

⁴ Sm.: Kim D.V. Stadija vobuzhdenija ugovolnogo dela: Lekcija. Barnaul, 1998. S. 12.

⁵ Divaev A.B. Ustanovlenie osnovanij dlja vobuzhdenija ugovolnogo dela o hiwienijah: Dis. ... kand. jurid. nauk. Tomsk, 2005. S. 95.

⁶ Sm.: Sergeev V.A. Dokument – ne bumazhka s podpis'ju // Juridicheskij vestnik. 2002. № 5. S. 6.; Aliev T.T., Gromov N.A., Careva N.P. Porjadok sobiraniya dokazatel'stv v ugovolnom processe // Advokatskaja praktika. 2003. № 5.

Отдельные вопросы взаимодействия следователя и сотрудников оперативных аппаратов ФСИН России при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств

Е.В. ЧЕРНЫШЕНКО – адъюнкт кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России

В статье рассматриваются понятие, формы и функции взаимодействия следователя и сотрудников оперативных аппаратов ФСИН России при раскрытии и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Обозначаются перспективы развития такого взаимодействия и проблемы, существующие на сегодняшний день в данной области.

Ключевые слова: расследование преступлений; наркотические средства; исправительное учреждение; взаимодействие.

Single questions of interaction of the investigator and officers of operative department of Federal Penal Service of Russia at the drug traffic investigation

E.V. CHERNYSHENKO – a postgraduate student of the Vologda Institute of Law and Economics of Federal Penal Service of Russia

At the article speaks about conception, forms and functions of interaction between investigator and officers of operative department of Federal Penal Service of Russia at the drug traffic investigation. Also in this article designate perspectives of progress this interaction and actual problems.

Key words: criminal investigation; drugs; penal institution; interaction.

Борьба с наркоманией, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ по-прежнему остается актуальной и значимой стороной деятельности правоохранительных органов Российской Федерации. В последние годы наблюдается тенденция к увеличению преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Согласно данным статистики в 2005 г. зарегистрировано 175 241 преступление, связанное с незаконным оборотом наркотиков, в 2006 г. – 192 911, 2007 г. – 210 126, 2008 г. – 213 614, 2009 г. – 218 401 и 2010 г. – 205 466¹. В том числе речь идет и о преступлениях, совершенных в исправительных учреждениях ФСИН России. Так, в 2006 г. зарегистрировано 184 преступления, 2007 г. – 248, 2008 г. – 291, 2009 г. – 281 и в 2010 г. – 311².

К наиболее распространенным обстоятельствам, способствующим совершению преступлений лицами, отбывающими наказание в учреждениях ФСИН России, относятся: низкий уровень профилактической работы, осуществляемой сотрудниками исправительных учреждений, недобросовестное исполне-

ние своих должностных обязанностей представителями отдела безопасности, службы охраны, оперативных отделов, неслужебные связи работников и сотрудников учреждений ФСИН России с осужденными³. Анализ практики расследования уголовных дел о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых в исправительных учреждениях, демонстрирует тенденцию к увеличению числа сотрудников ФСИН России – виновников преступлений рассматриваемой категории.

В связи с изложенным предупреждение, раскрытие и расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых в исправительных учреждениях, – одна из важнейших на сегодняшний день задач правоохранительных органов.

Эффективность расследования этих преступлений достигается, помимо всего прочего, за счет организованного и скоординированного взаимодействия сотрудников оперативных аппаратов ФСИН России и следователей органов внутренних дел ФСКН Рос-

сии. Оно представляет собой согласованную, подчиненную единому замыслу деятельность, осуществляемую под общим руководством следователя путем оптимального использования доступных следователям и оперативным сотрудникам средств и методов.

В научной литературе существует несколько взглядов на толкование понятия взаимодействия. Так, например, Р.С. Белкин определяет взаимодействие субъектов доказывания как одну из форм организации расследования преступлений, заключающуюся в основном на законе сотрудничестве следователя с органом дознания, согласованном по целям, времени и месту, которое осуществляется в целях полного и быстрого раскрытия преступлений, всестороннего и объективного расследования уголовного дела и розыска скрывшихся преступников, похищенных ценностей и иных объектов, существенных для дела⁴. В.В. Николайченко под взаимодействием участников расследования и раскрытия преступлений понимает основанную на законе и нормативно-правовых актах согласованную деятельность, направленную на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений⁵. Мнение о том, что деятельность следственных и оперативно-розыскных подразделений должна быть согласована по целям, месту и времени, поддерживается и некоторыми другими учеными.

Таким образом, согласованность при взаимодействии следователя и сотрудников оперативно-розыскных подразделений предполагает, прежде всего, согласование конкретных задач, которые необходимо решать общими усилиями. Предметом согласования могут быть не только задачи, но и перечень необходимых следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, место, время, тактика их производства, пути и способы преодоления возникших трудностей и другие вопросы.

Однако четкого определения цели взаимодействия следователя и оперативно-розыскных подразделений учреждений, исполняющих наказание, ни в литературе, ни в нормативных правовых актах не сформулировано, что зачастую приводит к смешению целей взаимодействия с его задачами⁶. Так, И.Ф. Герасимов полагает, что взаимодействие направлено на раскрытие, расследование и предупреждение преступлений⁷. А, например, Н.А. Бурнашева целью взаимодействия считает успешное раскрытие, расследование и предотвращение преступлений⁸.

Как мы уже отмечали, умело организованное взаимодействие позволяет повысить эффективность раскрытия и расследования преступлений, в том числе

связанных с незаконным оборотом наркотиков, совершаемых в исправительных учреждениях ФСИН России. При этом взаимодействие следователя и сотрудников оперативно-розыскных подразделений исправительных учреждений ФСИН России обладает многообразием форм организации. Существует несколько определений понятия «форма» применительно к теме статьи. Так, например, С.В. Бородин понимает под формой взаимодействия способ, с помощью которого взаимодействующие субъекты контролируют свою деятельность с целью решения стоящих перед ними задач⁹. А.Н. Балашов определяет формы взаимодействия как «способы связи, построения и проявления согласованной деятельности следователей и органов дознания при расследовании преступлений»¹⁰.

Исследуя конкретные формы взаимодействия, В.В. Николайченко выделяет следующие из них:

- направление запросов в исправительные учреждения с постановкой конкретных вопросов о предполагаемом преступнике, круге его общения, знакомых;
- истребование для изучения личного дела осужденного, карточки индивидуальной воспитательной работы;
- получение информации о предполагаемом преступнике в ходе бесед с оперативным составом и осужденными при посещении исправительного учреждения, где ранее судимый отбывал наказание¹¹.

Одной из форм взаимодействия оперативных аппаратов ФСИН России и следователей выступает совместное планирование первоначального этапа расследования, заключающегося в сочетании следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Но зачастую рассматриваемый вид взаимодействия сводится лишь к подбору понятых и привлечению специалистов к производству следственных действий. При этом участие следователей при производстве следственных действий в процессе расследования рассматриваемой категории преступлений имеет важное значение, особенно в силу отсутствия достаточного опыта, необходимых умений и навыков у сотрудников оперативно-розыскных аппаратов ФСИН России. Также значим и вклад сотрудников исправительных учреждений. Например, при производстве допроса подозреваемого, обвиняемого необходимо присутствие сотрудников оперативно-розыскных аппаратов исправительных учреждений, поскольку они располагают полными данными о личности преступника, особенностях его поведения, круге общения, способности ввести окружающих в заблуждение, а поэтому могут более

грамотно в каждом конкретном случае выработать соответствующую линию поведения, что позволит максимально качественно осуществить следственное действие.

Направления и этапы взаимодействия влияют на изменение его форм, видов, а также инициаторов. Так, например, при реализации дел оперативного учета инициатором взаимодействия выступают сотрудники оперативных аппаратов ФСИН России, но роль следователя остается одной из ведущих, в силу того что выбор момента и способа реализации оказывает существенное влияние на получение доказательств. Следовательно, от этого зависит результативность расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых на территории исправительных учреждений.

Также к формам организации взаимодействия можно отнести: направление письменных поручений, запросов, заданий; создание следственно-оперативных и следственных групп; оперативное сопровождение процесса расследования; принятие согласованных решений и др.

Создание оперативно-следственных групп в процессе расследования преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, позволяет решать вопросы сопровождения следственных действий оперативно-розыскными мероприятиями, а тактику расследования строить на их сочетании¹². При сборе данных, необходимых для предварительного расследования, оперативные аппараты используют свои специфические методы, приемы и средства. Тем самым эффективность действий следователя и сотрудников оперативных подразделений зависит от их совместных усилий.

На сегодняшний день вопросы взаимодействия оперативных аппаратов ФСИН России и следователя частично урегулированы УПК РФ, а также нормами, регламентирующими оперативно-розыскную деятельность. Однако на ведомственном правотворческом уровне должного отражения рассматриваемая проблема не нашла. Так, например, совместным приказом МВД России № 368, ФСБ России № 185, ФСО России № 164, ФТС России № 481, СВР России № 32, ФСИН России № 184, ФСКН России № 97, Минобороны России № 147 от 17 апреля 2007 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд» регламентированы вопросы легализации результатов оперативно-розыскной деятельности. Но при этом

нормативно не урегулированы такие формы взаимодействия следователя и оперативных аппаратов ФСИН России, как создание следственно-оперативных групп, принципы их организации и функционирования. В структуре МВД России организация работы следственно-оперативных групп регламентирована ведомственными документами, но деятельность ФСИН России имеет свою особую специфику и отражение ее на нормативно-правовом уровне необходимо.

Успешность организации процесса взаимодействия, эффективность его результатов во многом зависит от принципов, на которых оно строится. К таковым можно отнести: разграничение функций сторон, оптимальное использование сил и средств взаимодействующих сторон, своевременность, конспирацию, ответственность субъектов взаимодействия за результативность расследования.

В связи с вышесказанным видится необходимым принятие нормативного правового акта, который бы в полной мере отражал вопросы взаимодействия оперативных аппаратов ФСИН России и следователей ФСКН и МВД России при раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях. При этом целесообразно обратить внимание и на такую форму взаимодействия, как проведение координационных совещаний руководителей указанных органов и служб по вопросам совершенствования расследования рассматриваемой категории преступлений. Ввиду того что проблема роста преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств носит национальный характер, мероприятия по борьбе с данным явлением должны разрабатываться системно, в рамках таких координационных совещаний. На данный момент меры по предупреждению, пресечению такого рода преступности носят ситуативный характер. Часто информация, поступающая в оперативные подразделения, отрабатывается по факту, и, следовательно, эффективность принятых мер, как правило, не соответствует складывающейся наркоситуации.

Представляется целесообразным осуществлять взаимодействие ФСИН, МВД и ФСКН России в рамках служебной подготовки. Следователи ФСКН занимаются расследованием преступлений, совершаемых в исправительных учреждениях, таким образом, возможно их привлечение к проведению занятий по специальной подготовке сотрудников оперативных аппаратов ФСИН России с целью изучения опыта расследования и рассмотрения конкретных следственных ситуаций – это по-

зволит сотрудникам исправительных учреждений эффективнее планировать работу по предупреждению и пресечению рассматриваемых преступлений. В ходе таких занятий следователи ФСКН России должны акцентировать внимание на необходимом комплексе первоначальных действий при обнаружении признаков преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых на территории исправительных учреждений, применительно к конкретным ситуациям, так как это позволит обеспечить необходимую доказательственную базу на последующем этапе расследования.

Возможно проведение занятий в рамках служебной подготовки и с сотрудниками отделов безопасности исправительных учреждений, так как именно они осуществляют досмотр посылок, передач, бандеролей, в которых могут находиться наркотические средства. И чтобы их выявить, инспектор должен обладать знаниями о возможных приемах и ухищрениях, используемых с целью сокрытия наркотиков при их передаче осужденным. В рамках соответствующих занятий возможна демонстрация образцов наркотических средств в целях облегчения обнаружения их сотрудниками при производстве обыска, досмотра.

Одной из форм взаимодействия ФСИН и ФСКН России является применение имеющихся в распоряжении подразделений ФСКН России специальных розыскных собак

в целях обнаружения наркотических средств. Необходимость этого обусловлена тем, что осужденные, занимающиеся незаконным приобретением, изготовлением наркотических средств на территории исправительных учреждений, предпринимают попытки сокрытия наркотиков в помещениях колоний.

Таким образом, резюмируя сказанное, отметим: во-первых, на сегодняшний день нет единого взгляда на определение понятия взаимодействия следователя и оперативных подразделений в процессе раскрытия и расследования преступлений, его целей, форм; во-вторых, существующее состояние процесса взаимодействия следователей ФСКН и МВД России с сотрудниками оперативных подразделений ФСИН России при раскрытии и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств, совершаемых в исправительных учреждениях, нельзя признать удовлетворительным в силу отсутствия должного нормативно-правового регулирования; в-третьих, отмечаются факты недобросовестного отношения к рассматриваемому процессу со стороны взаимодействующих сторон, а также недостаточной профессиональной подготовленности сотрудников правоохранительных органов.

Устранение указанных недостатков призвано способствовать повышению эффективности борьбы с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков в учреждениях ФСИН России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: www.gks.ru

² См.: Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы: Информац.-аналит. сб. ФГУ НИИИИПТ ФСИН России: Тверь, 2008. С. 18–19; 2009. С. 18; 2011. С. 18.

³ См.: Ирисханов А.З. Совершенствование уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности по противодействию пенитенциарной преступности: Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008. С. 17.

⁴ См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики: В 3 т. М., 1997. Т. 3. С. 345.

⁵ См.: Николайченко В.В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: криминалистическая теория и практика: Дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2006. С. 211.

⁶ См.: Кривенко А.Н. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. М., 2006. С. 16.

⁷ См.: Герасимов И.Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1975. С. 125.

⁸ См.: Криминалистика: Учеб. / Под ред. А.Г. Филиппова. М., 2004. С. 413.

⁹ См.: Борозин С.В. Некоторые вопросы взаимодействия оперативного работника и следователя органов охраны общественного порядка. М., 1967. С. 24.

¹⁰ Балашов А.Н. Взаимодействие следователей и органов дознания при расследовании преступлений: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 30.

¹¹ См.: Николайченко В.В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления: криминалистическая теория и практика. С. 214–215.

¹² См.: Теория оперативно-розыскной деятельности: Учеб. / Под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова. М., 2007. С. 85.

¹ См.: www.gks.ru

² См.: Osnovnye pokazateli dejatel'nosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: Informac.-analit. sb. FGU NIIIP T FSIN Rossii: Tver', 2008. S. 18–19; 2009. S. 18; 2011. S. 18.

³ См.: Irishanov A.Z. Sovershenstvovanie ugovolno-processual'noj i operativno-rozysknoj dejatel'nosti po protivodejstviu penitenciarnoj prestupnosti: Dis. ... kand. jurid. nauk. Vladimir, 2008. S. 17.

⁴ См.: Belkin R.S. Kurs kriminalistiki: V 3 t. M., 1997. T. 3. S. 345.

⁵ См.: Nikolajchenko V.V. Penitenciarnye i postpenitenciarnye prestuplenija: kriminalisticheskaja teorija i praktika: Dis. ... d-ra jurid. nauk. Saratov, 2006. S. 211.

⁶ См.: Krivenko A.N. Vzaimodejstvie sledovatelja i organov, osuwestvljujuih operativno-rozysknuju dejatel'nost'. M., 2006. S. 16.

⁷ См.: Gerasimov I.F. Nekotorye problemy raskrytija prestuplenij. Sverdlovsk, 1975. S. 125.

⁸ См.: Kriminalistika: Ucheb. / Pod red. A.G. Filippova. M., 2004. S. 413.

⁹ См.: Borodin S.V. Nekotorye voprosy vzaimodejstvija operativnogo rabotnika i sledovatelja organov ohrany obwestvennogo porjadka. M., 1967. S. 24.

¹⁰ Balashov A.N. Vzaimodejstvie sledovatelej i organov doznaniya pri rassledovanii prestuplenij: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1973. S. 30.

¹¹ См.: Nikolajchenko V.V. Penitenciarnye i postpenitenciarnye prestuplenija: kriminalisticheskaja teorija i praktika. S. 214–215.

¹² См.: Teorija operativno-rozysknoj dejatel'nosti: Ucheb. / Pod red. K.K. Gorjainova, V.S. Ovchinskogo, G.K. Sinilova. M., 2007. S. 85.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

Ресоциализация несовершеннолетних осужденных на основе системы общественных воздействий: история и современность

В.М. ПОЗДНЯКОВ – профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов, профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор

В статье обращается внимание на значимость и эффективность такого средства исправления несовершеннолетних осужденных, как общественное воздействие. Анализируя накопленный отечественный опыт в сфере исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних, достижения психологической и педагогической наук, а также практику привлечения широкой общественности к исправлению подростков-правонарушителей, автор формулирует предложения, касающиеся процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных на современном этапе.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные; ресоциализация; общественное воздействие; исполнение наказания; воспитательный центр.

Resocialization of juvenile delinquents on the base of social influence system: history and contemporaneity

V.M. POZDNYAKOV – professor of People's Friendship University of Russia, professor of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penal System, doctor of psychological sciences, professor.

In the article the author pays attention to the importance and efficiency of such means of juvenile delinquents' correction as social influence. Analyzing the present national experience in the field of criminal punishment execution concerning juvenile delinquents, achievements of psychological and pedagogical sciences and also experience with the participation of wide public to young offenders' correction, the author formulates some proposals about process of juvenile delinquents' resocialization nowadays.

Key words: juvenile delinquents (young offenders); resocialization; social influence; punishment execution; educational facility.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. акцент делается на совершенствовании процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных: вскрытии узких мест в современной пенитенциарной практике и поиске неиспользуемых резервов. В рамках проводящейся сегодня экспериментальной отработки модели воспитательного центра – нового типа пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних – пока в недоста-

точной мере задействуются возможности такого средства исправления, как общественные воздействия. Аргументом в пользу высказанного критического замечания может служить материал проведенного историко-компаративного исследования, узловые моменты которого представлены в настоящей публикации.

Отечественная история свидетельствует, что уже в первой земледельческой колонии для несовершеннолетних правонаруши-

телей, созданной в 1819 г. по инициативе Я.И. Герда, стал реализовываться гуманный подход к исправлению «порочных и преступных детей»¹. При этом для их «нравственного исправления» привлекались члены Попечительного о тюрьмах общества, преследовавшего цель «наставления в правилах христианского благочестия и доброй праведности, создания условий для занятия приличными упражнениями»².

После принятия в 1864 г. Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, в стране стали массово создаваться различные виды исправительных учреждений для несовершеннолетних преступников³. При этом благодаря трудам таких ученых, как А.М. Богдановский, Д.А. Дриль, А.Ф. Кистяковский, П.И. Люблинский, П.Г. Редкин, Д.А. Тальберг, И.Я. Фойницкий, была теоретически обоснована⁴, а опытной исправительной практикой таких организаторов-педагогов, как М.П. Беклешев, А.Я. Герд, М.Н. Капустин, Д.В. Краинский, В.М. Левитский, Н.А. Окунев, П.И. Ровинский, Н.В. и К.В. Рукавишниковы, А.Д. Ушинский, подтверждена бесперспективность борьбы с преступностью несовершеннолетних применением лишь наказательных мер⁵ и одновременно доказана необходимость проведения с ними разноплановой исправительной превентивной и ресоциализирующей работы⁶.

В дореволюционной России было проведено 8 съездов представителей исправительных заведений для малолетних правонарушителей, в работе которых всегда участвовали правительственные чиновники, видные ученые, писатели, религиозные деятели, меценаты⁷. Благодаря широкому обмену передовым опытом использования разноплановых средств исправления, а также заинтересованному обсуждению путей профилактики правонарушений и созданию условий для расширенного подключения к нравственно-воспитательной работе с несовершеннолетними институтами попечительства и патроната⁸ в последующем происходила выработка прогрессивных ориентиров и в законодательстве (Закон об исправительных приютах (1866), Положение о патронате над несовершеннолетними, вышедшими из исправительных учреждений (1866), Закон об изменении форм и обрядов судопроизводства в отношении малолетних и несовершеннолетних преступников (1897), Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних (1909) и др.).

Если обозначить главные тенденции в изменении законодательства и практики исполнения наказаний в отношении несо-

вершеннолетних правонарушителей, имевшие место в России дореволюционного периода, представляется важным отметить, что тогда сложились ориентации, с одной стороны, на выведение подростков из «сетей традиционной тюрьмы»⁹, а с другой – на реализацию индивидуально-дифференцированного подхода в исправлении несовершеннолетних осужденных и привлечения широкой общественности к их реинтеграции в общество¹⁰. Нами поддерживается мнение С.А. Завражина о том, что в дореволюционной России в отличие от зарубежных стран конституировалось особое научное направление – предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних, которое интегрировало знания комплекса гуманитарных и естественных наук (юриспруденции, педагогики, психологии, биологии, физиологии, медицины, социологии) и обладало следующими генеральными параметрами: социальной ангажированностью (теснейшей связью с конкретной социокультурной ситуацией), практологичностью (преобладанием практикоориентированных подходов), критическим отношением к зарубежным исследованиям, педоцентрической и гуманистической направленностью. Разработанные в рамках данного направления концепции и исправительные средства не только находились на гребне мировой науки, но в некоторых отношениях и опережали развитие. Среди них следует назвать идеи об усвоении девиантного поведения через механизмы стигматизации и импрессионга (П.Ф. Лесгафт) и о нерасчленимой биосоциальной природе личности (В.М. Бехтерев), превентивно-исправительном воспитании (К.Д. Ушинский, А.Я. Герд, Д.А. Дриль), концепцию генеалогического предупредительного воспитания (И.А. Сикорский), методики коррекции вредных привычек и асоциальных тенденций в структуре личности подростка (И.А. Сикорский, В.М. Бехтерев и др.)¹¹.

В первые пятнадцать лет советской власти ученые и пенитенциаристы-практики (М.Н. Гернет, П.И. Люблинский, С.В. Познышев, В.И. Куфаев, Ю.Ю. Бехтерев, Б.С. Утевский и др.) продолжали отстаивать приоритетности реализации в исправительной работе с несовершеннолетними осужденными социально-поддерживающего подхода. При этом активно использовались материалы научных обследований правонарушителей и их общностей, полученные сотрудниками в 1920-е гг., многочисленных криминологических кабинетов (лабораторий, клиник), а также экспериментального пенитенциарного отделения при Государ-

ственном институте изучения преступности и преступника¹².

Значительным вкладом в теорию и практику организации исправительного процесса с несовершеннолетними правонарушителями стала психолого-педагогическая система А.С. Макаренко, обеспечивающая перевоспитание личности на основе ее всестороннего изучения, воспитывающего влияния коллектива и взаимоответственных отношений между воспитателями и воспитуемыми¹³. При этом А.С. Макаренко считал, что «особенно важно обеспечить новую ориентацию на широкое привлечение к работе с несовершеннолетними правонарушителями советской общественности»¹⁴. Конструктивные методики воспитательной работы с делинквентными подростками в 1920–1930-е гг. реализовывались и в профдеятельности таких видных отечественных психологов и педагогов, как П.П. Блонский, С.Т. Шацкий, В.Н. Соколя-Росинский.

Однако накопленные достижения психологической и педагогической наук, а также опыт по привлечению широкой общественности к исправлению несовершеннолетних правонарушителей в последующие три десятилетия практически не использовались, так как произошло «воцарение махровой идеологизации» в правоведении и наблюдалось игнорирование человека в пенитенциарной практике (особенно в рамках все более развертывавшейся гугаговской системы)¹⁵, а также сказывались последствия партийных репрессий в отношении педологии и психологии¹⁶.

Реальные условия востребованности психолого-педагогических знаний и методов, а также подключения общественности к исправлению и перевоспитанию несовершеннолетних осужденных сложились лишь в конце 1950-х – начале 1960-х гг. При этом обсуждению организационно-правовых основ и направлений включенности общественности в работу с осужденными был посвящен ряд монографических исследований, а также многочисленные публикации в ведомственных журналах¹⁷. В них доказывалось, что субъекты общественного воздействия могут оказывать действенное влияние на личность несовершеннолетних осужденных, особенно при участии трудовых коллективов, способных регулировать «осознание осужденными своего места в обществе»¹⁸. В этой связи при воспитательно-трудовых колониях были созданы наблюдательные комиссии, а также методические советы и советы воспитателей. В 1974 г. в штат колоний для несовершеннолетних были введены должности психологов, ко-

торым предстояло по аналогии с зарубежной пенитенциарной практикой обеспечить индивидуально-дифференцированный подход к исправлению осужденных¹⁹. Кроме того, спецкомендатуры, организованные в каждом регионе страны, должны были в тесном сотрудничестве с трудовыми коллективами предприятий, организаций и учреждений вести работу с отбывшими наказание, чтобы профилировать рецидив преступления. Для легализации участия общественности в работе с осужденными были внесены изменения в законодательство (ст. 9 и разд. 5 ИТК РСФСР), а также изданы специальные нормативные правовые акты (в частности, постановление Совета министров РСФСР от 18.11.1968 г., утвердившее Положение о советах общественности при ИТК, приказ МВД СССР от 20.03.1972 г. № 82, содержащий Инструкцию о привлечении внештатных сотрудников к исправлению и перевоспитанию осужденных, и др.).

Следует особо отметить, что в 1960–1980-е гг. был проведен ряд социально-педагогических экспериментов по широкому привлечению общественности к воспитательной работе с осужденными, в том числе в учреждениях Вологодской области – по возрождению элементов системы А.С. Макаренко и наставничеству над осужденными, в Белоруссии – по организации индивидуального шефства над трудновоспитуемыми осужденными, Харьковской области – по развитию коллективного шефства и кооперативных связей с пенитенциарными учреждениями. В итоге в пенитенциарной практике стали складываться предпосылки возрождения институтов попечительства и патроната²⁰. Одновременно о важности обеспечения комплексного подхода к исправлению и перевоспитанию несовершеннолетних осужденных речь велась на многочисленных научно-практических конференциях, в том числе всесоюзных, посвященных наследию А.С. Макаренко²¹.

Развитие демократизации и гласности в стране, начавшееся в 1985 г., сделало достоянием широкой общественности имевшиеся в истории органов и учреждений исполнения наказаний проблемы системного характера. Руководство МВД СССР, обладая расширенными возможностями посещения зарубежных мест лишения свободы, пришло к выводу о необходимости гуманизации условий отбывания наказания и совершенствования индивидуально-дифференцированного подхода при ресоциализации осужденных. В итоге в штат всех колоний были введены новые категории

специалистов: психологи (в соответствии с приказом МВД СССР от 02.09.1989 г. № 86) и социальные работники (приказ ГУИН Минюста России от 30.03.2000 г. № 41). При этом в качестве позитивной пенитенциарной новации следует рассматривать эксперимент по объединению усилий психологов и социальных работников в рамках центров психолого-педагогической и социальной работы с осужденными в колониях УФСИН России по Орловской области²².

Вместе с тем в свете расширяющихся в последнее десятилетие международных пенитенциарных контактов стало очевидным, что если за рубежом для выполнения требований международных правовых актов целенаправленно внедрялись разнообразные формы и технологии общественного воздействия на несовершеннолетних осужденных, то в современной российской практике сохранились лишь отдельные элементы из имевших место ранее²³. И это несмотря на то, что в 1999 г. был принят Федеральный закон № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и возросла роль институтов гражданского общества, был начат эксперимент по вводу института ювенальной юстиции.

В современных научных публикациях подчеркивается важность активного использования зарубежного опыта ресоциализации несовершеннолетних осужденных, в том числе распространены ссылки на авторитетных иностранных ученых, считающих доминантной характеристикой пенитенциарных систем конца XX столетия ее экспортный потенциал, прежде всего, в области исправительных технологий²⁴. Наиболее наглядно последний проявлялся, с одной стороны, в распространении в различных странах мира прогрессивной системы отбывания наказания, а с другой – в развитии и внедрении технологий ресоциализации и коллективного самоуправления в полуоткрытых и открытых пенитенциарных учреждениях.

Анализ публикаций зарубежных ученых свидетельствует, что в реализации прогрессивной системы отбывания наказания, несмотря на национальную специфику, всегда просматривается совмещение динамичного способа трансформации пенитенциарных условий с элементами индивидуально-дифференцированного подхода к заключенным. Имеющиеся же национальные особенности (количество фаз режима, системы знаков отличия и др.) во многом зависят от состояния социальной формации и уголовной политики, предопределяющей содержание и

назначение исправительного фактора и, соответственно, границы внедрения прогрессивного режима²⁵.

Реализация технологий ресоциализации и коллективного самоуправления предполагает создание особого типа исправительных заведений, где режим отбывания наказания приспособлен к поддержанию просоциальной открытости и доверия к заключенным, их органам самоорганизации. В этой связи в XX столетии апробированы различные пенитенциарные модели: участие заключенных в делах тюрьмы в соответствии с требованиями «Лиги взаимного благосостояния» (Т.М. Осборн, 1924)²⁶, «тюремная общность людей» (Х.В. Джилл, 1932)²⁷, «демократизация жизни заведения» (Т. Матисен, 1967)²⁸, «терапевтическая община» (Э. Штудт и др., 1968)²⁹. В отношении ресоциализации несовершеннолетних достаточно эффективными признаются реинтеграционная модель пенитенциарных учреждений, впервые апробированная в 1980-х гг. в штате Калифорния (США), а также социально-терапевтическая модель, в рамках которой первые учреждения были созданы еще в 1930-е гг. в Голландии и Дании, а разноплановые модификации имели впоследствии место во многих европейских странах³⁰.

Стержневой идеей реинтеграционной модели является то, что заключенный воспринимается как человек, который способен изменяться, если предварительно получил при консультировании со стороны специалистов (психологов, социальных работников и др.) эмпатическую обратную связь касательно своей личности и приобрел за счет участия в групповых социально-реабилитационных программах навыки просоциального поведения, которые в итоге позволяют ему уже реализовывать новый смысл бытия в условиях особого типа гуманной среды и механизмов коллективного самоуправления, складывающихся в полуоткрытых пенитенциарных учреждениях. В них при участии общественных организаций и привлекаемых извне специалистов (психотерапевтов, социологов, криминологов, социальных педагогов и др.) исправительный процесс строится через изучение личности и динамики человеческих взаимоотношений в группе, привитие навыков самостоятельности и совладающего поведения, ненасильственного общения и конструктивного разрешения возникающих конфликтов. К организации общинной жизнедеятельности осужденных с целью патронажа привлекаются институты гражданского общества, а порой и лица, ранее отбывавшие наказание, а ныне ведущие активный соци-

альный, нравственно зрелый, правопослушный образ жизни³¹. Кроме того, применение реинтеграционной пенитенциарной модели в отношении лиц, отбывших наказание, а также условно-досрочно освобожденных, обычно предоставляет широкие возможности по выбору ими участия в отвлекающих и попечительских программах³². Целью последних является вовлечение данной категории людей в более широкую систему общественных отношений, где в итоге и будет осуществляться их социальная реабилитация³³.

Реализация реинтеграционной модели, процессуально представляющей триединый процесс изменения личности осужденного (по американской рабочей аббревиатуре, процесс «3R») – «реформацию личностную», «реабилитацию социальную» и «реинтеграцию поэтапную в общество», – предъявляет особые требования к персоналу пенитенциарных учреждений. Прежде всего требуется введение в штат нового отряда квалифицированных специалистов (психологов, социальных педагогов, социальных работников и др.). Кроме того, особые квалификационные требования предъявляются к руководителям учреждений, которые, помимо соответствующей профессионально-правовой компетенции, должны обладать такими личностными свойствами, как развитый социальный интеллект, коммуникативные способности, умение убеждать в процессе индивидуального общения и воздействовать на группы заключенных³⁴.

Особенности функционирования европейских социально-терапевтических учреждений для несовершеннолетних представляется целесообразным рассмотреть на примере эволюции пенитенциарной системы ФРГ³⁵. В этой стране с середины 1960-х гг. реформа пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних осуществлялась в направлении создания социально-терапевтических и переходных (полуоткрытых) учреждений. При этом благодаря усилиям таких ученых, как К.П. Роттхаус, В. Раш, И. Нейбергер и др., была разработана научно обоснованная концепция оказания социальной и психологической помощи отбывающим наказания³⁶. Она базировалась на идеях из разноплановых теорий личности, требовала учета психологических механизмов социального научения заключенных, включаемых в так называемые группы проживания, и применения к ним преимущественно технологии когнитивно-поведенческой терапии. В зависимости от уровня просоциального изменения личности заключенного обеспечивалось его продвижение при отбывании

наказания к условиям внешней социальной среды, причем при одновременном обеспечении их внутрличностного развития в направлении все большей самостоятельности, повышения ответственности и социального самоопределения. В этих целях были введены технологии социально-психологического тренинга и исправительные программы в области общего и профессионального образования, труда, сохранения здоровья, приобщения к спорту и пр., позволявшие приобретать компетенцию в различных сферах жизнедеятельности³⁷.

С учетом признания групп проживания, представляющих собой автономные и небольшие по численности общности людей (до нескольких десятков человек), основным звеном в проведении ресоциализации в социально-терапевтических учреждениях и молодежных исправительных центрах для работы в них стали активно привлекаться психологи и социальные работники. Они были призваны обеспечить индивидуально-дифференцированный подход в работе с заключенными и создать гуманную исправительную среду³⁸. В процедурном плане особенностью социально-терапевтических учреждений стало то, что прием в них обычно производился на добровольной основе, а время нахождения в них составляло от 9 до 24 месяцев. Высокая эффективность деятельности как социально-терапевтических учреждений для несовершеннолетних, так и позднее возникших заведений для взрослых заключенных по сравнению с традиционными местами лишения свободы выражается в том, что рецидивность среди лиц, находившихся на заключительной стадии отбытия наказания в первом типе учреждений, составляет в среднем 47% против порядка 70% у оставшихся в традиционных заведениях³⁹.

В многочисленных публикациях зарубежных ученых начиная с 1970-х гг. и до настоящего времени ведется активная дискуссия по определению ведущих сфер приложения усилий психологов в исправительных учреждениях для несовершеннолетних. В числе важнейших профессиональных функций психологов обычно называются следующие:

- 1) психодиагностическая и прогностическая деятельность;
- 2) индивидуальная и групповая психотерапевтическая работа с осужденными;
- 3) осуществление кризис-интервенций;
- 4) оценивание пригодности, а также уровня исходного и дальнейшего психологического образования персонала учреждений⁴⁰.

Реализация психологами психодиагностической и прогностической деятельности

должна преследовать решение следующих задач:

- установление у осужденных пригодности и психологической готовности к участию в базовых групповых исправительных программах и составление индивидуального психокоррекционного плана на период их нахождения в учреждении;
- изучение мотивации к исправлению в социально-терапевтических заведениях;
- прогнозирование для принятия решения о переводе осужденных на условно-досрочное освобождение;
- оценка действенности в ресоциализационном аспекте осуществляемых образовательных, профессионально-трудовых и других программ.

При выполнении психологами второй из вышеуказанных профессиональных функций – индивидуальной и групповой психотерапевтической работы с осужденными – особо подчеркивается, что все психологические воздействия должны реализовываться без давления на личность. Среди мер индивидуального воздействия на несовершеннолетних должны превалировать терапевтические беседы в духе «роджерс-анского» интервью, а среди мер социально-психологического плана – групповое консультирование в рамках групп проживания, а также использование когнитивно-бихевиоральных методик, психотехник психодрамы и гештальттерапии. В целом в соответствии с концепцией видного американского психолога К. Роджерса (1966) в отношении несовершеннолетних правонарушителей требуется «недирективное руководство», в том числе на основе регулярно проводимого в микрогруппах коллективного обсуждения имеющихся у них проблем, связанных с причинами противоправного поведения, проистекающими из их прошлого, и субъективных трудностей, возникающих при отбытии наказания.

От реализации психологами третьей из вышеуказанных функций – участия в кризис-интервенциях – ожидается, что будут осуществляться оперативное реагирование и профилакто-реабилитационная работа с осужденными, находящимися в состоянии внутриличностного конфликта, имеющими склонность к совершению суицида, демонстрирующими виктимное или манипулятивно-провоцирующее поведение⁴¹.

Привлечение психологов к выполнению четвертой из вышеуказанных функций – оцениванию профпригодности, а также повышению уровня психологической компетентности персонала – рассматривается

как одна из актуальнейших проблем (особенно для социально-терапевтических учреждений, где должны прикладываться коллективные усилия по созданию гуманного взаимодействия и в целом благоприятной ресоциализирующей среды). В этой связи представляется важным совершенствовать профессионально-психологический отбор и психологическую подготовку персонала пенитенциарных учреждений прежде всего в области повышения социально-психологической компетенции, развития навыков психической регуляции и конструктивных стратегий совладающего поведения.

Осуществляя прогноз в области эффективности функционирования и внедрения в отечественную пенитенциарную систему зарубежных пенитенциарно-психологических новаций, следует остановиться на трех моментах. Во-первых, в силу отечественной ментальности делать прямые заимствования иностранного психотехнического инструментария без его опытного апробирования в российской практике, на наш взгляд, не следует. Видный отечественный обществовед XIX в. Н.К. Михайловский советовал ученым-гуманитариям «прилагать западные теории осмотрительно, принимая во внимание то, что условия нашей жизни имеют свои особенности». Во-вторых, целесообразно внести изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, чтобы в нем наряду с уже зафиксированным правом осужденных на получение психологической помощи (п. 6 ст. 12) была прописана и их обязанность участвовать в ресоциализирующих и социально-реабилитационных программах. В-третьих, нами разделяется позиция американских ученых, которые считают, что для продуктивного развития современных пенитенциарных систем следует критически осмыслить суть следующих пяти основных дилемм:

1. Предназначение. При значительном разнообразии и противоречивости ожиданий по отношению к пенитенциарной системе (особенно когда государственные органы озабочены лишь ситуативным определением ее места в политике борьбы с преступностью и ждут от нее лишь скоординированных реакций, когда большинство населения ее воспринимает преимущественно как орган защиты от преступников, а персонал мест лишения свободы ориентируется на реализацию гуманистической миссии обслуживания своих клиентов) возникает необходимость выбора общих приоритетов и преодоления ныне имеющегося расплывчатого понимания ее предназначе-

ния: то ли исправление правонарушителей, то ли ресоциализирующее управление ими, то ли контроль над риском, то ли реализация «доктрины заслуг», то ли обеспечение условий для справедливого отбытия наказания, то ли нечто другое.

2. Методы. Выбор лучших стратегий и, соответственно, технологий в работе пенитенциарных систем (например, надзор или помощь, опека или излечение) зависит не только от квалификации кадров и их методической оснащенности, но и от обозначенных на определенных исторических этапах приоритетов и частоты их внешнего регулирования. С точки зрения эффективного развития пенитенциарной системы крайне негативные последствия имеют частые изменения, так как, с одной стороны, у персонала могут возникать чувства, что он несостоятелен в выполнении своих основных функций или в реальной практике следует придерживаться бюрократического акцента, предполагающего приоритет установленной процедуры над творческим процессом. Кроме того, частая смена пенитенциарных доктрин может отрицательно сказываться на самой исправительной практике, не позволяя наращивать потенциал тех лиц, для обращения с которыми она предназначена.

3. Структура. Структуры современных пенитенциарных систем определяются, с одной стороны, требованиями международных стандартов обращения с заключенными, а с другой стороны, складывающимся внутри конкретной страны взаимоотношением тюремных и внетюремных учреждений, призванных вести борьбу с преступностью. Как свидетельствует прошлое, наибольшее расстройство в функционирование пенитенциарных систем вносят несогласованные и/или нескоординированные на государственном уровне действия других видов правоохранительных органов (например, когда суд в силу складывающихся в обществе тенденций начинает ужесточать наказательные санкции в отношении определенных категорий преступников или, наоборот, переносит акцент на альтернативные меры наказания; когда органы дознания в силу ведомственных интересов злоупотребляют использованием тюремного пространства в собственных целях и т.д.).

4. Персонал. Поскольку пенитенциарная система работает с людьми, то важнейший ее ресурс – квалифицированный персонал, мотивированный на реализацию главных целей. Однако низкий престиж тюремных работников в обществе, недостаточная материальная компенсация реально суще-

ствующих психологических и моральных издержек профессиональной деятельности, а также малые возможности для построения профессиональной карьеры и индивидуальной оценки качества труда могут негативно сказываться на ценностно-смысловых ориентациях сотрудников пенитенциарных учреждений. Кроме того, имеющий место жесткий контроль за второстепенными показателями работы (бумажная отчетность, участие в общих мероприятиях по надзору за заключенными и т.д.) может дополнительно способствовать отсеву наиболее творчески работающих специалистов. В связи с тем что организационная культура персонала зависит от длительного развития коллектива сотрудников и стабильности руководящего звена, то часто происходящие смены начальства и высокая текучесть кадров не способствуют общему успеху, тем более что одновременно существует постоянное противодействие их исправительным усилиям со стороны криминальной части сообщества заключенных.

5. Расходы. В силу реальной дороговизны и наблюдаемых тенденций увеличения расходов на пенитенциарную систему из государственного бюджета даже на общем фоне роста преступности в среде ученых и в «коридорах власти» постоянно возникают вопросы об обоснованности затрат на нее. Возникающее противоречие (желание общества содержать преступников в тюрьме и нехватка средств на это) некоторые страны пытаются разрешить через проведение приватизации мест лишения свободы. И хотя лишь длительный опыт функционирования частных пенитенциарных учреждений может вынести адекватную оценку об эффективности данного подхода, но уже сейчас очевидно, что приватизация представляет собой, с одной стороны, потенциальную угрозу единому административному и методическому руководству тюремной системой, а с другой стороны, она преимущественно возможна лишь в отношении мест заключения, где содержатся лица, которые не являются рецидивистами и с которыми можно упрощенно строить режим и эффективно организовывать труд⁴².

Нами разделяется позиция Л.М. Карнозой, члена независимого экспертно-правового совета Института государства и права РАН, о том, что при перспективном развитии системы уголовной юстиции в России должно возрасти участие общественности в деятельности ее институтов, а поэтому требуется поиск и внедрение эффективного процессуального механизма и новых форм

взаимодействия гражданского общества с учреждениями уголовной юстиции⁴³. В этой связи требуется оптимизация норм уголовно-исполнительного законодательства и ведомственной нормативной правовой базы, в том числе в направлении обеспечения их тесной взаимосвязи с общественной моралью, чтобы в итоге повысить авторитет и влияние законодательства и на лиц, отбывающих наказание.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. сделан акцент на ресоциализации осужденных с активным использованием общественных воздействий. Данный подход соответствует духу международных правовых актов, регламентирующих обращение с несовершеннолетними правонарушителями, которые ратифицированы Россией, а также отражает сложившуюся в развитых странах мира в конце XX столетия практику подключения к работе с несовершеннолетними осужденными широкой общественности (В. Стерн, 2000; М. Маколи, 2008; Л.М. Карнозова, 2010; Н. Кристи, 2011 и др.). На актуальность подобного подхода для отечественных исправительных учреждений указывают и данные нашего исследования (В.М. Поздняков, 2009), так как сегодня осужденным при нахождении в них удается реализовать преимущественно потребности низшего уровня (по модели А. Маслоу – витального и в безопасности). При входе же в пространство исправительных учреждений представителей институтов гражданского общества создаются условия для реализации осужденными и потребностей более высокого уровня (причастности к разным просоциальным общностям, признания, возвышения потребностей познавательного и эстетического плана, мотивации на самореализацию).

Организационно-правовые аспекты и психолого-педагогические условия оптимизации процесса ресоциализации несовершеннолетних осужденных, содержащихся в воспитательных колониях, уже были подвергнуты анализу в публикациях ряда ученых (Л.И. Беляева, 1995, 2004; Ю.В. Баранов, 2006, 2008; А.В. Пищелко, 1992, 2005; В.М. Литвишков, Д.В. Сочивко, 2006). Однако при обосновании современными юристами (Ю.В. Баранов, 2008) основных принципов ресоциализации (целостность процесса ресоциализации, учет времени, необходимая и достаточная опека, контроль за процессом ресоциализации, ритуал освобождения) осужденные продолжают восприниматься

преимущественно как объекты внешнего стимулирования.

При экспериментальной апробации модели воспитательных центров – нового типа пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей – представляется важным реализовать концепцию субъектно-соучаствующего подхода к исправлению осужденных (В.М. Поздняков, 2000). Она соответствует духу международных правовых актов исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних⁴⁴ и отечественным традициям «некарательной педагогики ресоциализации»⁴⁵. Ее сутью является учет психологических закономерностей и механизмов ресоциализации осужденных при включении их в разноплановые исправительные программы (режимно-поведенческого, социально-правового, образовательного, трудового, психокоррекционного, нравственно-духовного (религиозного) и досугово-бытового характера), которые организуются на основе широкого привлечения представителей институтов гражданского общества и гражданских специалистов гуманитарного профиля.

Комплекс ресоциализационных программ должен разрабатываться с учетом научно обоснованных классификаций осужденных, а также разработанных базовых индивидуальных и групповых психокоррекционных методик. При этом в отношении несовершеннолетних осужденных, имеющих психические отклонения и аддиктивные зависимости (наркотическую, алкогольную и др.), предварительно должна быть проведена медико-реабилитационная работа, связанная с их обязательным включением в специальные профилактические мероприятия и программы по здоровому образу жизни. Повторим, что представляется актуальным внести изменения в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, чтобы в нем наряду с уже зафиксированным правом осужденных на получение психологической помощи (п. 6 ст. 12 УИК РФ) была закреплена и их обязанность участвовать в ресоциализационных, социально- и медико-реабилитационных программах.

Субъектно-соучаствующий подход к ресоциализации несовершеннолетних осужденных востребует в управлении воспитательным центром методы партисипативного менеджмента⁴⁶, актуализирует повышение социально-психологической компетенции сотрудников УИС и формирование у различных категорий персонала новых профессионально-ролевых позиций.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О сути данного подхода см. подр.: Об открытии первой земледельческой колонии в 1819 г. в имении графа Румянцева Яковом Гердом // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. № 30; Шимановский. Очерк возникновения исправительно-воспитательных заведений для малолетних преступников в России. Одесса, 1884.

² См.: Краинский Д.В. Материалы к исследованию истории русских тюрем в связи с историей учреждения Общества попечительного о тюрьмах. Чернигов, 1912; Беляева Л.И. Патронат в России (XIX в. – начало XX в.). М., 1996; Лисин А.Г., Петренко М.И., Яковлева Е.И. Тюремная система Российской империи в XVIII – начале XX веков. М., 1996.

³ К 1900 г. в России уже существовало 45 исправительных учреждений для несовершеннолетних, которые в городах носили название приютов, а в сельской местности – земледельческих колоний. Самым крупным учреждением считалась Петербургская колония на 200 чел., основанная А.Я. Гердом, а среди приютов – московский Рукавишников приют на 120 чел. (см.: Невский В.В. Теория и практика исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних: Моногр. Домодедово, 1998. С. 51).

⁴ См.: Богдановский А. Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики. Одесса, 1870; Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления. Киев, 1878; Тальберг Д.А. Исправительные колонии и приюты в России. СПб., 1882; Дриль Д.А. Малолетние преступники. М., 1884.

⁵ Следует обратить внимание, что юрист А.Ф. Кистяковский уже в 1872 г. на основании изучения опыта работы приютов для малолетних правонарушителей и колоний для несовершеннолетних преступников (петербургских, московских, саратовских) и личного участия в создании Рубашевской колонии (под Киевом) пришел к выводу, что система исправления малолетних преступников без системы покровительства (патроната), социальной помощи по выходе из воспитательно-пенитенциарных заведений будет лишь «неудачной полумерой».

⁶ См.: Беляева Л.И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX вв.). М., 1995.

⁷ См. подр.: Поспелова О.И. Деятельность съездов представителей исправительных заведений для малолетних преступников в Российской империи // Социальные отклонения молодежи как философская, психолого-педагогическая и правовая проблема: Тезисы докладов участников междунар. конф. Владимир, 1996. С. 88–91.

⁸ См.: Павлова И.П. Тюрьма и благотворительность в Российской империи второй половины XIX – начала XX столетия. www.infoblago.ru/survey/article

⁹ Указанная тенденция, по мнению М. Маколи, отражает поддержку в России возникшего за рубежом социально-поддерживающего подхода (или велферизма), суть которого состоит в том, чтобы «помогать детям группы риска, перевоспитывая их, а не наказывая» (см. подр.: Маколи М. Дети в тюрьме. М., 2008. С. 18–19).

¹⁰ В повестку дня VIII Съезда представителей исправительных заведений для малолетних преступников (1911 г.) был включен вопрос о совершенствовании психолого-педагогической характеристики и медицинской экспертизы делинквентных детей.

¹¹ См.: Завражин С.А. Предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних в Российской империи: Моногр. М., 1996. С. 111.

¹² См. подр.: Поздняков В.М. Отечественная пенитенциарная психология: история и современность: Моногр. М., 2000. С. 49–69.

¹³ Теоретико-прикладной значимости воспитательной системы А.С. Макаренко и возможностям использования ее потенциала в современных условиях посвящено значительное количество зарубежных и отечественных публикаций. О перспективности идей А.С. Макаренко для развития современной психологии и пенитенциарной педагогики см.: Психологическая наука в России в XX столетии: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997. С. 392–398; Багреева Е.Г., Данилин Е.М. Возвращение к Макаренко. М., 2006.

¹⁴ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8 т. М., 1986. Т. 1. С. 122.

¹ О сути данного подхода см. подр.: Об открытии первой земледельческой колонии в 1819 г. в имении графа Румянцева Яковом Гердом // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. № 30; Шимановский. Очерк возникновения исправительно-воспитательных заведений для малолетних преступников в России. Одесса, 1884.

² См.: Краинский Д.В. Материалы к исследованию истории русских тюрем в связи с историей учреждения Общества попечительного о тюрьмах. Чернигов, 1912; Беляева Л.И. Патронат в России (XIX в. – начало XX в.). М., 1996; Лисин А.Г., Петренко М.И., Яковлева Е.И. Тюремная система Российской империи в XVIII – начале XX веков. М., 1996.

³ К 1900 г. в России уже существовало 45 исправительных учреждений для несовершеннолетних, которые в городах носили название приютов, а в сельской местности – земледельческих колоний. Самым крупным учреждением считалась Петербургская колония на 200 чел., основанная А.Я. Гердом, а среди приютов – московский Рукавишников приют на 120 чел. (см.: Невский В.В. Теория и практика исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних: Моногр. Домодедово, 1998. С. 51).

⁴ См.: Богдановский А. Молодые преступники. Вопросы уголовного права и уголовной политики. Одесса, 1870; Кистяковский А.Ф. Молодые преступники и учреждения для их исправления. Киев, 1878; Тальберг Д.А. Исправительные колонии и приюты в России. СПб., 1882; Дриль Д.А. Малолетние преступники. М., 1884.

⁵ Следует обратить внимание, что юрист А.Ф. Кистяковский уже в 1872 г. на основании изучения опыта работы приютов для малолетних правонарушителей и колоний для несовершеннолетних преступников (петербургских, московских, саратовских) и личного участия в создании Рубашевской колонии (под Киевом) пришел к выводу, что система исправления малолетних преступников без системы покровительства (патроната), социальной помощи по выходе из воспитательно-пенитенциарных заведений будет лишь «неудачной полумерой».

⁶ См.: Беляева Л.И. Становление и развитие исправительных заведений для несовершеннолетних правонарушителей в России (середина XIX – начало XX вв.). М., 1995.

⁷ См. подр.: Поспелова О.И. Деятельность съездов представителей исправительных заведений для малолетних преступников в Российской империи // Социальные отклонения молодежи как философская, психолого-педагогическая и правовая проблема: Тезисы докладов участников междунар. конф. Владимир, 1996. С. 88–91.

⁸ См.: Павлова И.П. Тюрьма и благотворительность в Российской империи второй половины XIX – начала XX столетия. www.infoblago.ru/survey/article

⁹ Указанная тенденция, по мнению М. Маколи, отражает поддержку в России возникшего за рубежом социально-поддерживающего подхода (или велферизма), суть которого состоит в том, чтобы «помогать детям группы риска, перевоспитывая их, а не наказывая» (см. подр.: Маколи М. Дети в тюрьме. М., 2008. С. 18–19).

¹⁰ В повестку дня VIII съезда представителей исправительных заведений для малолетних преступников (1911 г.) был включен вопрос о совершенствовании психолого-педагогической характеристики и медицинской экспертизы делинквентных детей.

¹¹ См.: Завражин С.А. Предупреждение отклоняющегося поведения несовершеннолетних в Российской империи: Моногр. М., 1996. С. 111.

¹² См. подр.: Поздняков В.М. Отечественная пенитенциарная психология: история и современность: Моногр. М., 2000. С. 49–69.

¹³ Теоретико-прикладной значимости воспитательной системы А.С. Макаренко и возможностям использования ее потенциала в современных условиях посвящено значительное количество зарубежных и отечественных публикаций. О перспективности идей А.С. Макаренко для развития современной психологии и пенитенциарной педагогики, см.: Психологическая наука в России в XX столетии: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997. С. 392–398; Багреева Е.Г., Данилин Е.М. Возвращение к Макаренко. М., 2006.

¹⁴ Макаренко А.С. Педагогические сочинения: В 8 т. М., 1986. Т. 1. С. 122.

¹⁵ См.: Буков В.А. Суд и общество в Советской России. М., 1992; Он же. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997.

¹⁶ О сути первой и других «волн репрессирования советской психологии» (в 1930-х и 1950-х гг.) см. подр.: Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1994. С. 143–160.

¹⁷ См.: Ширвинт Е.Г. К сорокалетию исправительно-трудовой политики Советского государства. М., 1957; Монахов В.И. Преступники и общество // Новый мир. 1960. № 8; Ременсон А.Л. Участие советской общественности в перевоспитании осужденных и его правовое регулирование в общесоюзном законодательстве // Проблемы развития советского исправительно-трудового законодательства. Саратов, 1961. С. 130–142. Колбановский В.Н. Психология личности преступника и его перевоспитание // К новой жизни. 1961. № 10; Лашко В.Т. Все ли мы используем для перевоспитания осужденных? // Советская юстиция. 1962. № 22; Беляев Н.А. Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. Л., 1963; Ковалев А.Г. Психология исправления и перевоспитания осужденных. Л., 1964; Яковлев А.М. Борьба с рецидивной преступностью. М., 1964; Мясичев В.Н., Ханкин Х. Главное условие исправления // К новой жизни. 1969. № 12.

¹⁸ См.: Елеонский В.А. Наблюдательные комиссии. М., 1966; Елеонский В.А., Прокопов М.П. Роль общественности в нравственном воспитании осужденных. М., 1976. С. 19–20.

¹⁹ См.: Башкатов И.П., Саблина Л.С. Психолог ВТК: Метод. руководство для работников ВТК. М., 1977.

²⁰ См.: Лузгин С.А. Социальная работа с осужденными в России: историческая ретроспектива, современность и будущее: Моногр. Рязань, 2006. С. 58–59.

²¹ См.: Педагогическое наследие А.С. Макаренко и проблемы воспитания осужденных: Материалы всесоюз. научн.-практ. конф., посвященной 90-летию со дня рождения А.С. Макаренко (22–24 декабря 1977 г.). Рязань, 1978; Педагогическое наследие А.С. Макаренко и проблемы исправления и перевоспитания осужденных: Материалы всесоюз. научн.-практ. конф., посвященной 100-летию со дня рождения А.С. Макаренко (31 марта – 1 апреля 1988 г.). Рязань, 1988.

²² См.: Лузгин С.А. Центры психолого-педагогической и социальной работы с осужденными как отечественная модель их исправления и ресоциализации в исправительных колониях: Учеб. пособие. Рязань, 2004.

²³ См.: Баранов Ю.В. Ресоциализация осужденных к лишению свободы и освобожденных от этого наказания: теоретико-методологические и правовые основы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

²⁴ См.: Milner A. African Penal Systems. London, 1969; White S.A. Maconochie and development of parole // Journal of Criminal Law and Criminology. 1976. V. 67. P. 72–88; Rico J. Crime et Justice Penale on Amerique Latine. Montreal, 1978.

²⁵ См.: White S. A. Maconochie and development of parole; Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997. С. 16–29.

²⁶ О сущности экспериментов М. Осборна в трех американских тюрьмах – Аубурн (1913), Синг-Синг (1914) и Портсмут (1919–1920) см.: Osborne T.M. Prisons and the Common Sense. Philadelphia, 1924.

²⁷ О сущности эксперимента Х.Б. Джилла в тюрьме Норфолк (1929–1932) см.: Rotman D.J. Conscience and Convenience: the Asylum and its Alternatives to Progressive America. Boston, 1980.

²⁸ См.: Mathiesen T. Resistance au changement dans les institutions penitentiaires // Etudes Relatives a la Recherche Criminologique. Strasbourg, 1967. P. 175–188.

²⁹ См.: Studt E., et al C. Unit, Search for Community in Prison. NY., 1968.

³⁰ См. подр.: Поздняков В.М. Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии: Моногр. М., 2000. С. 80–87.

³¹ См.: Стурова М.П., Чакубаш Ю.В. О пенитенциарной системе США // Экспресс-информация. М., 1991. № 6. С. 23.

³² См.: Штайнер Х.И. Криминология. М., 1994. С. 408–432.

³³ Позитивный опыт привлечения общественности к перевоспитанию осужденных был накоплен в советский период и в отечественных пенитенциарных учреждениях (в частности, одобренный МВД в 1975 г. белорусский опыт, в 1979 г. – харьковский опыт, в 1981 г. – хабаровский эксперимент по учреждению ЯБ 257/В и др.) (см. подр.: Алферов Ю.А. Пенитенциарная социология. Домодедово, 1995. С. 65–86).

¹⁵ См.: Bukov V.A. Sud i obwestvo v Sovetskoj Rossii. M., 1992; On zhe. Ot rossijskogo suda prisjaznyh k proletarskomu pravosudiju: u istokov totalitarizma. M., 1997.

¹⁶ О сути первой и других «волн репрессирования советской психологии» (в 1930-х и 1950-х гг.) см. подр.: Petrovskij A.V., Jaroshevskij M.G. Istorija psihologii. M., 1994. S. 143–160.

¹⁷ См.: Shirvint E.G. K sorokaletiju ispravitel'no-trudovoj politiki Sovetskogo gosudarstva. M., 1957; Monahov V.I. Prestupnik i obwestvo // Novyj mir. 1960. № 8; Remenson A.L. Uchastie sovetskoj obwestvennosti v perevospitanii osuzhdennyh i ego pravovoe regulirovanie v obwesozuznom zakonodatel'stve // Problemy razvitija sovetskogo ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva. Saratov, 1961. S. 130–142. Kolbanovskij V.N. Psihologija lichnosti prestupnika i ego perevospitanie // K novoj zhizni. 1961. № 10; Lashko V.T. Vse li my ispol'zuem dlja perevospitanija osuzhdennyh? // Sovetskaja justicija. 1962. № 22; Beljaev N.A. Celi nakazanija i sredstva ih dostizhenija v ispravitel'no-trudovyh uchrezhdenijah. L., 1963; Kovalev A.G. Psihologija ispravlenija i perevospitanija osuzhdennyh. L., 1964; Jakovlev A.M. Bor'ba s recidivnoj prestupnost'ju. M., 1964; Mjasihev V.N., Hankin H. Glavnoe uslovie ispravlenija // K novoj zhizni. 1969. № 12.

¹⁸ См.: Eleonskij V.A. Nabljudatel'nye komissii. M., 1966; Eleonskij V.A., Prokopov M.P. Rol' obwestvennosti v npravstvennom vospitanii osuzhdennyh. M., 1976. S. 19–20.

¹⁹ См.: Bashkatov I.P., Sablina L.S. Psiholog VTK: Metod. rukovodstvo dlja rabotnikov VTK. M., 1977.

²⁰ См.: Luzgin S.A. Social'naja rabota s osuzhdennymi v Rossii: istoricheskaja retrospektiva, sovremennost' i buduwee: Monogr. Rjazan', 2006. S. 58–59.

²¹ См.: Pedagogicheskoe nasledie A.S. Makarenko i problemy vospitanija osuzhdennyh: Materialy vsesozuzn. nauchn.-prakt. konf., posvjawennoj 90-letiju so dnja rozhdenija A.S. Makarenko (22–24 dekabrja 1977 g.). Rjazan', 1978; Pedagogicheskoe nasledie A.S. Makarenko i problemy ispravlenija i perevospitanija osuzhdennyh: Materialy vsesozuzn. nauchn.-prakt. konf., posvjawennoj 100-letiju so dnja rozhdenija A.S. Makarenko (31 marta – 1 aprlja 1988 g.). Rjazan', 1988.

²² См.: Luzgin S.A. Centry psihologo-pedagogicheskoj i social'noj raboty s osuzhdennymi kak otechestvennaja model' ih ispravlenija i resocializacii v ispravitel'nyh kolonijah: Ucheb. posobie. Rjazan', 2004.

²³ См.: Baranov Ju.V. Resocializacija osuzhdennyh k lisheniju svobody i osvobozhdennyh ot jetogo nakazanija: teoretiko-metodologicheskie i pravovye osnovy: Avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2008.

²⁴ См.: Milner A. African Penal Systems. London, 1969; White S.A. Maconochie and development of parole // Journal of Criminal Law and Criminology. 1976. V. 67. P. 72–88; Rico J. Crime et Justice Penale on Amerique Latine. Montreal, 1978.

²⁵ См.: White S. A. Maconochie and development of parole; Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. М., 1997. С. 16–29.

²⁶ О сущности экспериментов М. Осборна в трех американских тюрьмах – Аубурн (1913), Синг-Синг (1914) и Портсмут (1919–1920) см.: Osborne T.M. Prisons and the Common Sense. Philadelphia, 1924.

²⁷ О сущности эксперимента Х.Б. Джилла в тюрьме Норфолк (1929–1932) см.: Rotman D.J. Conscience and Convenience: the Asylum and its Alternatives to Progressive America. Boston, 1980.

²⁸ См.: Mathiesen T. Resistance au changement dans les institutions penitentiaires // Etudes Relatives a la Recherche Criminologique. Strasbourg, 1967. P. 175–188.

²⁹ См.: Studt E., et al C. Unit, Search for Community in Prison. NY., 1968.

³⁰ См. подр.: Pozdnjakov V.M. Psihologija v penitenciarnoj praktike zarubezhnyh stran v HH stoletii: Monogr. M., 2000. S. 80–87.

³¹ См.: Sturova M.P., Chakubash Ju.V. O penitenciarnoj sisteme SShA // Jekspress-informacija. M., 1991. № 6. S. 23.

³² См.: Shtajner H.J. Kriminologija. M., 1994. S. 408–432.

³³ Pozitivnyj opyt privlechenija obwestvennosti k perevospitaniju osuzhdennyh byl nakoplen v sovetskij period i v otechestvennyh penitenciarnyh uchrezhdenijah (v chastnosti, odobrennyj MVD v 1975 g. belorusskij opyt, v 1979 g. – har'kovskij opyt, v 1981 g. – habarovskij jekspiriment po uchrezhdeniju JaB 257/V i dr.) (sm. подр.: Alferov Ju.A. Penitenciarная sociologija. Domodedovo, 1995. S. 65–86).

³⁴ См.: Анисимков В.М. Проблемы совершенствования подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы // Проблемы совершенствования научных исследований и подготовки кадров для уголовно-исполнительной системы. М., 1998. С. 8–18.

³⁵ Об истории возникновения социально-терапевтических учреждений еще в 1930-х гг. в Голландии и Дании и специфике их развития в других европейских странах см.: Поздняков В.М. Психология в пенитенциарной практике зарубежных стран в XX столетии. С. 80–87.

³⁶ См.: Rotthaus K.P. Sozialtherapie in der Justizvollzugsanstalt Gelsenkirchen // Zeitschrift für Strafvollzug und Straffälligenhilfe. 1971. № 30. S. 323–333; Neuberger J. Die Kriminalpolitische Bedeutung der sozialtherapeutischen Anstalten // Justizverwaltungsblatt Nordrhein-Westfalen. 1971. № 108. S. 121–122; Rasch W. Formaler Aufbau und organisatorisches Grundkonzept der Modellanstalt Duren // Monatschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 1974. № 57. S. 27–41.

³⁷ См.: Quensel S. Der Strafvollzugsbeamte in der Gruppenarbeit // Aktuelle Kriminologie. 1969. S. 247 ff.; Dunkel F., Johnson E. Introduction of Therapy into Tegel Prison. Evaluation of an Experiment // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 1980. № 4. P. 233–247; Egg R. Behandlung hinter Gittern – ein Irrweg? Probleme sozialtherapeutischer Einrichtungen im Strafvollzug // BewHi. 1993. № 40. S. 373–388.

³⁸ См.: Bruns M. Theorie und Praxis des Wohngruppenvollzugs. Frankfurt/M., 1989; Laubenthal K. Der Wohngruppenvollzug - Entwicklung, Zielsetzung, Perspektiven // ZfStrVo. 1984. № 33. S. 67–73.

³⁹ Достоверность приведенных данных обеспечивалась тем, что сравнение по указанным типам отбывтия наказания осуществлялось не только в ракурсе одинаковости выборок заключенных по юридическим основаниям, но и в аспекте близости личностно-биографических характеристик. Результаты ресоциализирующей деятельности по конкретным учреждениям (а всего в Германии к началу 1990-х гг. имелось уже 14 подобных заведений с общей наполняемостью 820 мест) порой были и более весомыми. См. подр.: Losel F., Koferl P., Weber F. Meta-Evaluation der Sozialtherapie. Stuttgart, 1987; Egg R. Sozialtherapeutische Behandlung und Rückfalligkeit im längerfristigen Vergleich // MSchrKrim. 1990. № 73. S. 358–368.

⁴⁰ См.: Keiser G., Kerner H.J., Schoch H. Strafvollzug. Eine Einführung in die Grundlagen. 4 Aufl. Heidelberg, 1991. S. 132–135; Walter M. Strafvollzug. Stuttgart, 1991. S. 159–160; Lautental K. Strafvollzug. 2 Aufl. Berlin, 1998. S. 111–112.

⁴¹ См.: Wagner G. Aufgaben und Probleme des Psychologen im Strafvollzug // F. Losel (Hrsg.) Kriminalpsychologie. Bonn, 1983. S. 209–216; Haag F. Psychologen und Juristen im Strafvollzug // In: Festschrift für Pongratz. Köln, 1986. S. 217–227; Katein E., Kury H., Waldert H. Organisationsstrukturen und therapeutische Orientierung im Strafvollzug // Vschr Krim. 1986. № 69. S. 210–220.

⁴² См.: American Corrections / Ed. by Clear T.R., Cole G.F. 3rd. ed. Belmont California, 1994. P. 509–515.

⁴³ См.: Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа. М., 2010. С. 12–13.

⁴⁴ См.: Кашуба Ю.А., Бакаева Ю.В. Уголовные наказания, применяемые в отношении несовершеннолетних. СПб., 2009.

⁴⁵ См.: Карнозова Л.М. Уголовная юстиция и гражданское общество. Опыт парадигмального анализа.

⁴⁶ Во многих зарубежных языках (английском, немецком, французском и др.) термин «paricipation» означает «соучастование». При этом партисипативная модель менеджмента считается одной из наиболее эффективных для управления людьми в организациях и в XXI в., так как учеными феномен соучастования рассматривается онтологически по шкале межличностных отношений как относящийся к типу социальной установки «другой человек – ценность» (Е.Л. Доценко, 1996) и характеризующий взаимовоздействие людей в интервале между уровнями правового и нравственного общения (В.Н. Сагатовский, 1980). Поэтому совершенствуя управление в воспитательном центре с опорой на технологию партисипативного менеджмента мы получаем возможность ослаблять и прекращать противоборство между воспитанниками и администрацией данного учреждения, так как это соответствует концепции соучастующего подхода в разрешении конфликтов, разработанной конфликтологами.

³⁴ См.: Anisimkov V.M. Problemy sovershenstvovaniya podgotovki kadrov dlja ugovolno-ispolnitel'noj sistemy // Problemy sovershenstvovaniya nauchnyh issledovanij i podgotovki kadrov dlja ugovolno-ispolnitel'noj sistemy. M., 1998. S. 8–18.

³⁵ Ob istorii vzniknovenija social'no-terapevticheskikh uchrezhdenij ewe v 1930-h gg. v Gollandii i Danii i specifikie ih razvitija v drugih evropejskih stranah sm.: Pozdnjakov V.M. Psihologija v penitenciarnoj praktike zarubezhnyh stran v XX stoletii. S. 80–87.

³⁶ См.: Rotthaus K.P. Sozialtherapie in der Justizvollzugsanstalt Gelsenkirchen // Zeitschrift für Strafvollzug und Straffälligenhilfe. 1971. № 30. S. 323–333; Neuberger J. Die Kriminalpolitische Bedeutung der sozialtherapeutischen Anstalten // Justizverwaltungsblatt Nordrhein-Westfalen. 1971. № 108. S. 121–122; Rasch W. Formaler Aufbau und organisatorisches Grundkonzept der Modellanstalt Duren // Monatschrift für Kriminologie und Strafrechtsreform. 1974. № 57. S. 27–41.

³⁷ См.: Quensel S. Der Strafvollzugsbeamte in der Gruppenarbeit // Aktuelle Kriminologie. 1969. S. 247 ff.; Dunkel F., Johnson E. Introduction of Therapy into Tegel Prison. Evaluation of an Experiment // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. 1980. № 4. P. 233–247; Egg R. Behandlung hinter Gittern – ein Irrweg? Probleme sozialtherapeutischer Einrichtungen im Strafvollzug // BewHi. 1993. № 40. S. 373–388.

³⁸ См.: Bruns M. Theorie und Praxis des Wohngruppenvollzugs. Frankfurt/M., 1989; Laubenthal K. Der Wohngruppenvollzug - Entwicklung, Zielsetzung, Perspektiven // ZfStrVo. 1984. № 33. S. 67–73.

³⁹ Dostovernost' privedennyh dannyh obespechivalas' tem, chto sravnenie po ukazannym tipam otbytija nakazaniya osuwestvjalos' ne tol'ko v rakurse odinakovosti vyborok zakljuchennyh po juridicheskim osnovanijam, no i v aspekte blizosti lichnostno-biograficheskikh harakteristik. Rezul'taty resocializiruwej dejatel'nosti po konkretnym uchrezhdenijam (a vsego v Germanii k nachalu 1990-h gg. imelos' uzhe 14 podobnyh zavedenij s obwey napolnjaemost'ju 820 mest) poroj byli i bolee wesomymi. Sm. podr.: Losel F., Koferl P., Weber F. Meta-Evaluation der Sozialtherapie. Stuttgart, 1987; Egg R. Sozialtherapeutische Behandlung und Rückfalligkeit im längerfristigen Vergleich // MSchrKrim. 1990. № 73. S. 358–368.

⁴⁰ См.: Keiser G., Kerner H.J., Schoch H. Strafvollzug. Eine Einführung in die Grundlagen. 4 Aufl. Heidelberg, 1991. S. 132–135; Walter M. Strafvollzug. Stuttgart, 1991. S. 159–160; Lautental K. Strafvollzug. 2 Aufl. Berlin, 1998. S. 111–112.

⁴¹ См.: Wagner G. Aufgaben und Probleme des Psychologen im Strafvollzug // F. Losel (Hrsg.) Kriminalpsychologie. Bonn, 1983. S. 209–216; Haag F. Psychologen und Juristen im Strafvollzug // In: Festschrift für Pongratz. Köln, 1986. S. 217–227; Katein E., Kury H., Waldert H. Organisationsstrukturen und therapeutische Orientierung im Strafvollzug // Vschr Krim. 1986. № 69. S. 210–220.

⁴² См.: American Corrections / Ed. by Clear T.R., Cole G.F. 3rd. ed. Belmont California, 1994. R. 509–515.

⁴³ См.: Karnozova L.M. Ugolovnaja justicija i grazhdanskoe obstwo. Opyt paradigmalnogo analiza. M., 2010. S. 12–13.

⁴⁴ См.: Kашуба Ю.А., Бакаева Ю.В. Уголовные наказания, применяемые в отношении несовершеннолетних. СПб., 2009.

⁴⁵ См.: Karnozova L.M. Ugolovnaja justicija i grazhdanskoe obstwo. Opyt paradigmalnogo analiza.

⁴⁶ Vo mnogih zarubezhnyh jazykah (anglijskom, nemeckom, francuzskom i dr.) termin «paricipation» oznachaet «souchastvovanie». Pri jetom partisipativnaja model' menedzhmenta schitaetsja odnoj iz naibolee jeffektivnyh dlja upravlenija ljud'mi v organizacijah i v XXI v., tak kak uchenymi fenomen suchastvovaniya rassmatrivaetsja ontologicheskij po shkale mezhlchnostnyh odnoszenij kak odnosawijsja k tipu social'noj ustanovki «drugoj chelovek – cennost'» (E.L. Docenko, 1996) i harakterizujuwij wzaimodejstwie ljudej v intervale mezhdz urovnjami pravovogo i nrawstvennogo obwenija (V.N. Sagatovskij, 1980). Pojetomu sovershenstvujz upravlenie v wospitatel'nom centre s oporoj na tehnologiju partisipativnogo menedzhmenta my poluchaem wozmozhnost' oslabljat' i prekrawat' protivoborstwo mezhdz wospitannikami i administraciej dannogo uchrezhdenija, takkak jeto sootwetstvuet koncepcii souchastwujewego podhoda v razreshenii konfliktov, razrabotannoju konfliktologami.

Особенности рефлексии юридически значимых ситуаций воспитанниками исправительных учреждений

О.Б. ПАНОВА – начальник кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

В статье с педагогических позиций охарактеризован феномен самосознания несовершеннолетних осужденных и показаны его специфические особенности. В качестве средства активизации рефлексии рассматривается педагогическая поддержка.

Ключевые слова: самосознание несовершеннолетних осужденных; рефлексивная активность; педагогическая поддержка; социализация личности.

The peculiarities of juvenile delinquents' reflection of legally significant situations

O.B. PANOVA – the chief of the chair of juridical psychology and pedagogics, candidate of pedagogical sciences, docent, the Vologda Institute of Law and Economics

The author proposes pedagogical analysis of phenomena of infant prisoners' self-consciousness and reveals the distinctive features of it. Presented approach to forming of reflecting activity is based on the idea of pedagogical support.

Key words: infant prisoners' self-consciousness; reflecting activity; pedagogical support; personality socialization.

В поисках объяснений действий и поступков детей мы обращаемся к исследованию самосознания как источнику духовной энергии, сопряженной с погружением субъекта в свой внутренний мир, нахождением информационно-оценочной субстанции, выступающей в качестве мерила собственного правового или противоправного поведения.

Научные идеи Н.Г. Алексеева, А.А. Тюкова, Б.И. Хасана, И.Н. Семенова, С.Ю. Степанова и других исследователей ориентируют на рассмотрение рефлексии нормативных обстоятельств воспитанниками исправительных учреждений преимущественно в связи с ее регулятивным ресурсом¹.

Известно, что уже младший подросток склонен осваивать особые приемы правовой саморегуляции, обоснованно оценивать собственные возможности, смотреть на себя глазами других. И.С. Кон отмечает, что развитие способности к рефлексии активизируется в подростковом и юношеском возрасте. Благодаря рефлексии меняется мировоззрение и социальный статус подростка и юноши².

Особенности проявлений рефлексии у несовершеннолетних осужденных можно обнаружить при исследовании способностей воспитанников исправительных учреждений

к данному виду деятельности, в процессе изучения содержания рефлексивной активности, широты охвата проблем, которые «перерабатываются» в их внутреннем мире. Принято считать, что несовершеннолетние правонарушители не склонны обдумывать и анализировать собственные действия в юридическом контексте³. В то же время точка зрения Е.В. Змановской на способность к осмыслению большинства совершаемых преступных деяний в подростковом и юношеском возрасте позволяет относиться к рефлексивности несовершеннолетних правонарушителей не столь однозначно⁴.

С целью выявления склонности к рефлексии у несовершеннолетних осужденных к лишению свободы нами была использована методика определения индивидуальной меры рефлексивности А.В. Карпова. В соответствии с процедурой ее проведения испытуемым – 120 воспитанникам Вологодской воспитательной колонии – было предложено подтвердить или опровергнуть двадцать семь утверждений опросника, например: «Прочитав хорошую книгу, я всегда потом долго думаю о ней; хочется с кем-нибудь обсудить», «Совершив какой-нибудь промах, я долго потом не могу отвлечься от мыслей о

нем», «Я предпочитаю действовать, а не размышлять над причинами неудач» и др.

В результате обработки данных были получены следующие результаты: высокий уровень рефлексивности продемонстрировали 9% воспитанников исправительного учреждения, средний – 40,5%, низкий – 50,5%. В целом удельный вес воспитанников, обладающих высоким и средним уровнями, составил 49,5%. В контрольной группе, которую составили учащиеся профессионального училища № 30 г. Вологды, результаты аналогичного исследования имели существенные отличия. Так, высокий уровень рефлексивности проявился у 25% испытуемых, средний – у 68%, низкий – у 7%; удельный вес несовершеннолетних с высоким и средним уровнями склонности к рефлексии составил 93%. Таким образом, одной из особенностей, которую следует учитывать в работе с несовершеннолетними осужденными, является существенное доминирование численности обладателей низкого уровня рефлексивности.

Изучение содержания рефлексивной деятельности воспитанников позволило заключить, что охват юридически значимых проблем, интересующих несовершеннолетних осужденных на уровне самооценки, является достаточно ограниченным. Наибольшую актуальность для большинства опрошенных имеет аспект, отражающий отношение к совершенному преступлению сквозь призму имеющих место субъективно переживаемых последствий. Так, на вопрос «Ощущаете ли Вы последствия от совершенного преступления?» положительный ответ дали все без исключения респонденты из числа воспитанников Архангельской, Брянской, Вологодской, Колпинской воспитательных колоний. При ответе на вопрос «Ощущаете ли Вы выгоду от совершенного преступления?» утвердительно высказались 29% несовершеннолетних Архангельской ВК, 26% – Брянской ВК, 27% – Вологодской ВК, 28% – Колпинской ВК. Среди обстоятельств, определивших получение так называемой «выгоды», преобладали: «приобрел средства для существования», «отомстил обидчику», «получил возможность развлечься».

На вопрос «Ощущаете ли Вы нехорошие последствия от совершенного преступления?» ответ «Да, ощущаю» дал 71% воспитанников Архангельской ВК, 74% – Брянской ВК, 73% – Вологодской ВК, 72% – Колпинской ВК. К наиболее значимым негативным последствиям несовершеннолетние осужденные отнесли: «жизнь стала зависеть от режима»,

«не могу заняться любимым делом», «потерял друзей». В ряду менее значимых последствий представлены: «заболели родители», «не могу увидеть родственников». Практически без внимания остались последствия, отражающие ущерб, который был причинен пострадавшей стороне; появление судимости как обстоятельства, осложняющего последующее жизнеобеспечение; ограничения в культурном и социальном развитии. Таким образом, содержание рефлексивной деятельности воспитанников исправительных учреждений может быть охарактеризовано как преимущественно эгоцентристское, обращенное на собственные сиюминутные интересы, не учитывающее в большинстве случаев реальных результатов содеянного. Несовершеннолетние осужденные проявляют склонность к рефлексивной активности в связи с потребностью пожалеть себя, посетовать по поводу своих собственных лишений. Иными словами, вектор работы их внутреннего мира – своеобразных диалогов с собой – содержательно направлен в сторону исключительно личных проблем, удовлетворения самых простых житейских потребностей.

Проведенное исследование позволило выявить несоответствие между пониманием несовершеннолетними необходимости обдумывания и оценивания своих собственных действий и реальным рефлексивным опытом. Так, 48% респондентов из числа воспитанников Вологодской ВК, 54% – из Колпинской ВК, 60% – из Брянской ВК «знали, что необходимо обдумывать последствия своих поступков, но не задумывались о неизбежности наказания». Более половины опрошенных обнаружили понимание необходимости систематического оценивания своих действий. Так, с высказыванием «Надо жить, каждый день давая себе отчет о том, что и как сделано» согласились 63% воспитанников Вологодской ВК и 77% воспитанников Брянской ВК. В то же время 37% респондентов Вологодской ВК и 23% Брянской ВК полагают, что «надо жить одним днем, не задумываясь о будущем и не давая оценки своим поступкам».

Следует подчеркнуть неготовность значительной части несовершеннолетних осужденных к оценке собственных противоправных поступков. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что осознание виновности в совершенном преступлении характерно для ограниченного количества воспитанников. О полном признании вины заявили 28% несовершеннолетних осужденных Вологодской ВК, 42% – Брянской ВК, 45% – Колпинской ВК, о частичном призна-

нии вины заявили 38% воспитанников Вологодской ВК, 13% – Брянской ВК, 14% – Колпинской ВК.

Обобщая полученные данные, можно заключить, что наличие высокого и среднего уровней рефлексивности у определенной части несовершеннолетних осужденных может рассматриваться как ресурс для их позитивного изменения, призванный обеспечить успешную деятельность по сопоставлению собственного правозначимого поведения с действующими нормами права. Что касается воспитанников, продемонстрировавших низкие показатели индивидуальной меры рефлексивности, то применительно к ним актуализируется потребность в формировании первоначального интереса к самоанализу и самооценке в юридически значимых ситуациях с перспективой дальнейшего развития в потребность.

При этом и те дети, которые проявляют достаточный уровень рефлексивности, и те, которые не обладают таковым, нуждаются в педагогическом сопровождении, предусматривающем целенаправленное включение в деятельность по обдумыванию собственных поступков, своего настоящего и будущего, сопоставлению их с нормами действующего права. Сам ребенок без помощи «умных» взрослых далеко не всегда решится на «самокопание», не дающее, по его мнению, видимой пользы. Для того чтобы задать самому себе вопрос о правильности собственных поступков, он должен проявить определенное мужество. Ведь не случайно применительно к совести (а именно она в обыденном сознании отражает рефлексивность) привычно употребляются такие выражения, как «муки совести», «суд совести», «угрызения совести», «совесть заела» и т.п., а в русских пословицах – «совесть спать не дает», «совесть беззуба, а с костями сгложет» и др.

В процессе педагогического сопровождения рефлексивной деятельности воспитанников сотрудник исправительного учреждения призван «разбудить» в своих подопечных чутье на правильное и неправильное поведение, прикоснуться к сокровенному тайнику души ребенка, с тем чтобы тот выразил одобрение или осуждение своих поступков. Поддержка духовной активности несовершеннолетних предусматривает ее ориентацию на поиск способов оптимального удовлетворения жизненных потребностей⁵.

Не менее важным представляется оказание помощи осужденным в уходе от ограниченности узко личными рефлекслируемыми аспектами и расширении их сферы до уров-

ня общечеловеческих проблем, осмысливаемых во внутреннем мире конкретного воспитанника. Индивидуальность каждого осужденного при этом проявится в неодинаковости ситуаций, подлежащих оценке, пониманию причин их возникновения, способов решения. Содержательность и разносторонность правозначимой рефлексивной деятельности во многом определяется творческим и интеллектуальным потенциалом, жизненным опытом, формируемыми при поддержке педагога.

Механизмом активизации рефлексивной деятельности выступает мотивационная зараженность, базирующаяся на смысло-содержащем информационном материале, открытости его представления, благоприятной психологической атмосфере, доверии и искренности. Такое понимание проблемы не является для нас сугубо умозрительным, оно пришло в процессе педагогического взаимодействия с воспитанниками Вологодской ВК в ходе реализации программы правовой социализации несовершеннолетних осужденных «Человек в правовом поле».

С целью стимулирования активности детей нами использовались рефлексивные задачи, содержащие юридически значимые ситуации. Практика показала, что особый интерес представляют те из них, которые не прямо, а опосредованно обращены к сознанию воспитанника при побуждении его к осмыслению правильности своего собственного выбора. Опосредованность проявляется в том, что несовершеннолетнему предлагается спроектировать модель своего юридически значимого поступка на фоне обстоятельств, касающихся другого, по сходного с ним человека. Сходство может проявляться в возрасте, среде общения, субкультуре и др.

Приведем в качестве иллюстрации следующую задачу. После просмотра художественного фильма «Сто первый километр», персонаж которого оказался в ситуации выбора, продолжить преступную деятельность или уехать в Москву и закончить там школу, порвав тем самым с воровской жизнью, воспитанникам были предложены вопросы: «Какой жизненный путь Вы бы пожелали главному герою?», «Что бы Вы предпочли в подобной ситуации для себя?». Среди пятидесяти двух участников зрительской конференции мнения распределились следующим образом: 43 воспитанника (82,6%) сделали выбор в пользу честной жизни как для киногероя, так и для себя; 9 (17,4%) – в пользу продолжения так называемой во-

ровской карьеры. Сторонники первой точки зрения отмечали в своих минисочинениях: «Ему надо уходить от плохих людей. Я бы ушел, но делать это надо вовремя», «Сперва Ленка оступился и выбрал воровство. Но у него есть шанс исправиться. Я бы так поступил и уехал в Москву. Там бы меня не нашли», «Мне кажется, что он выбрал правильный путь и сел на поезд. Я бы сел на поезд и начал новую жизнь» и др. Противоположное мнение было представлено следующими рассуждениями: «У него получалось воровать. Я бы на его месте выбрал блатную жизнь», «Ему завтра идти грабить ювелирный магазин. Если он убежит, ему конец. Я бы остался» и т.п.

Воспитанников следует убеждать в важности самооценки и самоанализа, в том числе через обращение к примерам из жизни выдающихся людей, проявлявших склонность к ведению дневников, записей

соответствующего содержания. Детей необходимо обучать методам рефлексивной деятельности, способам фиксации своих мыслей и переживаний по поводу значимых жизненных ситуаций, в том числе с юридическим контекстом; стимулировать стремление к претворению ими позитивных идей в реальные поступки.

Живое общение с несовершеннолетними осужденными позволяет утверждать, что работу внутреннего мира воспитанника исправительного учреждения можно активизировать посредством его ориентированности не только на правопослушание («не нарушай закон»), но, в первую очередь, на нахождение связи между нормативным поведением и выстраиванием бытия: чем правовое поведение по содержанию, широте и глубине будет более разнообразным, тем более успешно будет выстраиваться линия жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Алексеев Н.Г. Способность к рефлексии как существенный момент интеллектуальной культуры современного специалиста // Проблемы и методы формирования интеллектуальной культуры специалиста. 1984. № 4. С. 26–31; Тюков А.А. О путях описания психологических механизмов рефлексии // Проблемы рефлексии. Новосибирск, 1987. С. 68–76; Хасан Б.И. Операции рефлексивной коррекции в конфликтном взаимодействии // Проблемы логической организации рефлексивных процессов. Новосибирск, 1986. С. 2–63; Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 31–41.

² См.: Кон И.С. Психология юношеского возраста (Проблемы формирования личности): Учеб. пособие. М., 1979.

³ См.: Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психологический журнал. 1997. № 2. Т. 18. С. 58–78; Пonomarenko И.И. Развитие рефлексивности у подростков с отклоняющимся поведением: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Симферополь, 2003.

⁴ См.: Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2004.

⁵ См.: Кевля Ф.И. Педагогические технологии: диагностика, прогнозирование и поддержка личностного развития ребенка: Моногр. Вологда, 2009.

¹ См.: Алексеев Н.Г. Способность к рефлексии как существенный момент интеллектуальной культуры современного специалиста // Проблемы и методы формирования интеллектуальной культуры специалиста. 1984. № 4. С. 26–31; Тюков А.А. О путях описания психологических механизмов рефлексии // Проблемы рефлексии. Новосибирск, 1987. С. 68–76; Хасан Б.И. Операции рефлексивной коррекции в конфликтном взаимодействии // Проблемы логической организации рефлексивных процессов. Новосибирск, 1986. С. 2–63; Степанов С.Ю., Семенов И.Н. Психология рефлексии: проблемы и исследования // Вопросы психологии. 1985. № 3. С. 31–41.

² См.: Кон И.С. Психология юношеского возраста (Проблемы формирования личности): Учеб. пособие. М., 1979.

³ См.: Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психологический журнал. 1997. № 2. Т. 18. С. 58–78; Ponomarenko И.И. Развитие рефлексивности у подростков с отклоняющимся поведением: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. Симферополь, 2003.

⁴ См.: Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения): Учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2004.

⁵ См.: Кевля Ф.И. Педагогические технологии: диагностика, прогнозирование и поддержка личностного развития ребенка: Моногр. Вологда, 2009.

Психологические проблемы условно-досрочного освобождения от отбывания наказания в виде лишения свободы

А.А. КАНЧУРИНА – старший психолог психологической лаборатории Областной больницы им. Ф.П. Гааза УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области;

О.В. ШАТРОВОЙ – старший психолог отдела охраны Областной больницы им. Ф.П. Гааза УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, кандидат психологических наук, доцент

В статье представлены обобщенные результаты экспертной оценки критериев условно-досрочного освобождения из мест лишения свободы. Совокупность критериев позволяет на основании качественных показателей давать количественную оценку, которая выражается предлагаемым индексом криминальной зараженности и помогает в принятии объективного решения в отношении условно-досрочного освобождения осужденного. Многомерный анализ данных, вошедших в три основных фактора, образовавших индекс, позволил определить круг переменных, релевантных задаче условно-досрочного освобождения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : неспецифический индекс криминальной зараженности; криминальная деятельность; просоциальные и криминальные переменные; криминальная специализация; специфичный криминальный симптомокомплекс.

Psychological problems of conditional early release from serving a punishment by imprisonment

A.A. KANCHURINA – a senior psychologist of the psychological laboratory of the Federal Budget Therapeutic and Preventive Institution «F.P.Gaaza Regional Hospital of the Federal Penal Service Administration in St. Petersburg and Leningrad region»;

O.V. SHATROVOY – a senior psychologist of the security division of the Federal Budget Therapeutic and Preventive Institution «F.P.Gaaza Regional Hospital of the Federal Penal Service Administration in St. Petersburg and Leningrad region», candidate of Psychology, associate Professor

In article the generalized results of an expert estimation of criteria conditionally – an early release from imprisonment places are presented. Set of criteria allows to state on the basis of quality indicators a quantitative estimation which is expressed by an offered index of criminal contamination and helps with acceptance of the objective decision concerning conditionally-early release condemned. The multidimensional analysis of the data which has entered into three major factors, formed an index has allowed to define a circle of variables relevant to a problem conditionally-early release.

Key words : a nonspecific index of criminal contamination; criminal activity; prosocial and criminal variables; the criminal specialization; specific criminal complex of symptoms.

В пенитенциарной практике для решения задач исправления важно определение индивидуальных особенностей личности осужденного, отражающих типичные формы реагирования, механизмы приспособления и характер социального взаимодействия в среде человеческих отношений. Особенности личности осужденного характерно отражены в совершенном им преступлении. Преступление является видом поведения, деятельности. Оно социально значимо, а его совершение – одно из социальных проявлений личности. Субъектом преступления является личность, сформировавшаяся

в определенных общественных отношениях. Антиобщественные установки, взгляды, ориентации и другие отрицательные личностные особенности преступников – продукты усвоения ими аналогичных взглядов и ориентаций социальной среды. Социальная среда «детерминирует индивидуальное преступное поведение двояко: непосредственно перед совершением преступления – в форме конкретной жизненной ситуации, и опосредованно – в форме неблагоприятных воздействий на предыдущее развитие личности»¹.

Роль социальной среды в совершении преступлений опосредуется позицией человека,

его способностью противостоять деструктивным влияниям, выбирать определенную стратегию поведения, самостоятельно воздействовать на среду. Признание определяющей роли социальной среды в совершении преступлений вовсе не означает пассивной позиции человека, фатальной неизбежности преступного поведения под воздействием неблагоприятных условий среды и обстоятельств. Человек обладает способностью противостоять вредным влияниям, выбирать определенный вариант поведения и образ действий, активно воздействовать на среду и изменять ее. Эта способность есть продукт социализации личности. Эффективность ресоциализации осужденных зависит от степени криминальной зараженности личности, рассмотренной в классификации А.Г. Ковалева и Г.М. Миньковского, где авторы условно разделили преступников на три типа:

1) глобальный преступный тип характеризуется полной криминальной зараженностью (личность с устойчивой системой антисоциальных установок и отношений, включающих активный поиск повода и ситуации для преступного деяния);

2) парциальный преступный тип характеризуется частичной криминальной зараженностью (личность с общей неустойчивостью направленности, поэтому преступление носит ситуативный характер или происходит при наличии подстрекательства, примера преступного поведения);

3) предкриминальный тип отличается невыраженной криминальной зараженностью (личность с ослабленным морально-психологическим складом, поэтому для правонарушителей этого типа преступление является случайным, противоречащим общей направленности личности)².

Выделенные группы дают возможность определять специфический симптомокомплекс, релевантный криминальной специализации. В наиболее законченном варианте криминальная специализация входит в криминальную деятельность и личностные особенности являются основой криминализированных профессионально важных качеств. Задачи пенитенциарной практики помимо целенаправленного педагогического воздействия, основанного на специфике определенного криминального симптомокомплекса, включают необходимость определения уровня криминальной зараженности для принятия решения об условно-досрочном освобождении. В практике пенитенциарных психологов одним из самых востребованных видов работ является исследование личности осужденного в связи с реализацией его права на условно-до-

срочное освобождение. В соответствии со ст. 175 УИК РФ и ст. 93 УК РФ такое право предоставляется всем осужденным, отбывшим в местах лишения свободы определенную часть срока (в зависимости от тяжести преступления). Суд учитывает при принятии положительного решения мнение администрации учреждения, в котором осужденный отбывал наказание, прежде всего отсутствие действующих взысканий, и то, что осужденный более не нуждается в дальнейшем отбывании наказания. Данная формулировка не разъясняет конкретных формальных показателей степени исправления, поэтому актуален поиск конкретного показателя, который бы мог охарактеризовать личность осужденного с точки зрения процесса его исправления и постпенитенциарной адаптации в обществе с минимальным риском повторного совершения преступления.

Круг релевантных переменных в данном случае образует неспецифический симптомокомплекс криминальной зараженности. Для повышения надежности прогноза следует подсчитывать индекс криминальной зараженности.

Оценка криминальной зараженности должна быть интегральной и учитывать все многообразие составляющих факторов³. Все учитываемые факторы целесообразно разделить на просоциальные, асоциальные и криминальные. Оптимально рассматривать следующие факторы: личностный, деятельность, среды. Неспецифический индекс криминальной зараженности включает в себя специфический показатель сформированности психологической системы криминальной деятельности. Все учитываемые факторы подчинены принципу системности.

В личностном факторе следует рассматривать четыре уровня, обуславливающих поведение после условно-досрочного освобождения: биологический фактор, вытекающий из природных свойств, проявляющийся в бессознательной регуляции; фактор, определяющий индивидуальные особенности психического отражения и психических функций; фактор, вытекающий из опыта, знаний, умений, навыков; фактор, характеризующий направленность, то есть его мотивы, интересы, ценности, установки и т.п.

В основе фактора среды, воздействующего на формирование поведения, отношений, характера и всей совокупности личностных свойств, лежит ближайшее окружение осужденного, которое в большей или меньшей степени оказывает на него влияние в зависимости от степени значимости этого окружения для него в настоящее время. Это реальные формальные группы, которые способствуют

ют формированию социального положения, правил, норм, которые он как член группы соблюдает. Референтная группа определяет межличностные роли, мнение членов этой группы становится значимо для индивида, поскольку данная социальная ситуация оказывается для него в той или иной степени осознаваемой необходимостью. Фоновое окружение составляют люди, проживающие в непосредственной близости и имеющие на личность осужденного опосредованное влияние. Группа определяет и особенности поведения индивида соответственно отведенным ему социальным ролям как в ней, так и по отношению к членам других групп и другим группам в целом. Если реальная формальная группа определяет социальные характеристики своего члена, то референтная группа определяется межличностными связями. В референтную группу входят те лица, чье мнение значимо для индивида, которые влияют на его жизнь и в большой мере определяют ее. Референтная группа – это группа значимых людей, которые способствуют формированию отношений индивида с окружающей средой, формируют отношение к миру, оказывают влияние на поведение, в том числе и в ситуациях выбора. Фоновое окружение – социальная среда в виде малых групп, которые могут оказывать то или иное влияние на личность, членом которых она не является. К таким группам принадлежат соседи, уличные группировки и другие небольшие сообщества разной степени социальной адекватности. Фоновое окружение в значительной степени определяет поведение человека. На надежность влияет степень деструктивности или конструктивности взаимоотношений с фоновым окружением и их интенсивность⁴.

Рассматривая фактор деятельности, следует отметить, что в процессах ее системогенеза важные для нее качества и их подсистемы выступают в роли тех внутренних условий, через которые преломляются внешние воздействия и требования деятельности, следовательно, развитие важных для деятельности качеств и их подсистем является узловым моментом формирования психологической системы деятельности. Рассматривая принцип единства сознания и деятельности, С.Л. Рубинштейн показал, как через деятельность в ее конкретно-историческом значении осуществляется детерминация личности. Деятельность может быть только деятельностью субъекта, и все формирующиеся в ней психические свойства и процессы являются неотъемлемыми качествами лишь целостного индивида.

Исследования Р.В. Шрейдер показывают, что в процессе деятельности происходит рост

абсолютных показателей продуктивности способностей, а изменения в развитии способностей носят неравномерный и гетерохронный характер. То или иное соотношение более общих и более специальных звеньев структуры профессионально значимых качеств складывается в зависимости от содержания конкретной деятельности. Чем сложнее деятельность и чем больше в ее реализации представлены специальные способности, тем больше будут сдвинуты временные границы начала специализации в сторону ранних возрастных границ профессионализации, тем прочнее закрепятся навыки. Экстраполируя изложенное на систему криминальных отношений, можно говорить о более раннем и прочном развитии криминальной зараженности при наличии внутренних и внешних условий.

Согласно предложенной Б.Г. Ананьевым схеме развитие психических свойств проявляется как развитие функциональных и операционных механизмов. Функциональные механизмы в своем первоначальном, очень раннем возникновении реализуют филогенетическую программу и складываются задолго до возникновения операционных механизмов, составляя их внутреннее основание, на котором в процессе научения, воспитания и накопления опыта поведения строится все более усложняющаяся система перцептивных действий, то есть операционные механизмы. Для каждой психической функции формируются свои операционные механизмы, а их развитие переводит в новую фазу развития функциональные механизмы, и так как возможности их прогрессивно возрастают, повышается уровень системности.

Начиная осваивать деятельность, субъект обладает определенными психическими свойствами, ряд из которых является профессионально важным. Профессионально важные качества характеризуются уровнем развития функциональных и операционных механизмов, но они не приспособлены к конкретной деятельности, главным образом это относится к операционным механизмам. В процессе становления психологической системы деятельности происходит перестройка операционных механизмов психических свойств в соответствии с требованиями деятельности. В.Д. Шадриков назвал этот процесс перестройкой операционных механизмов в оперативные. Он представляет собой переход от психического свойства к профессионально важным качествам. Развитие оперативных механизмов представляет собой один из узловых моментов формирования психологической системы деятельности. Описанные механизмы личностного развития в процессе становле-

ния психологической системы криминальной деятельности позволяют более надежно в анамнестическом исследовании оценить степень ее сформированности⁵.

На основании рассмотренных факторов методом экспертной оценки были отобраны показатели, составившие предлагаемый ниже индекс криминальной зараженности. В экспертную группу входили специалисты психологической службы УФСИН по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Величина каждого показателя равняется удельному весу по отношению к общему количеству переменных. Для расчета каждый из представленных показателей выражен по удельному весу от общего числа представленных в индексе. Сам индекс (Икз) равен отношению просоциальных факторов (Пр) к асоциальным (А) и криминальным (К):

$$\text{Икз} = \frac{\text{Пр}}{(\text{А} + \text{К})}$$

К просоциальным параметрам (Пр) из сферы личностных особенностей следует отнести внутренний локус контроля, адаптационный потенциал (способность преодоления личностью неблагоприятных условий для ее развития), социальную направленность (выполнение социально значимой роли в обществе), психическую устойчивость.

Из средовых параметров к просоциальным следует отнести: гармоничные семейные взаимоотношения, социально ориентированную референтную группу (друзья, единомышленники, значимые другие), социально ориентированную формальную группу (трудовой коллектив), благоприятное фоновое окружение (соседи).

Фактор деятельности в просоциальном аспекте представлен деятельностью, создающей социально полезный продукт в различных сферах.

К параметрам, с большой вероятностью увеличивающим асоциальную и криминальную компоненту индекса криминальной зараженности (А + К) на уровне личностных характеристик, следует отнести наличие

черепно-мозговых травм, деструктивную агрессию и импульсивность, внешний локус контроля, низкий уровень волевого самоконтроля, наличие явных акцентуаций характера и психопатий, зависимостей.

На уровне средовых параметров – степень криминализированности семьи, криминализированность референтной группы вне мест лишения свободы, подельников, статус в криминальной субкультуре, факт постановки на профилактический учет в период отбывания наказания.

На подуровне деятельности следует учесть наличие криминальной специализации, судимостей в прошлом, вероятность возобновления криминальной активности в рамках просоциальной деятельности.

Указанный индекс носит факультативный характер, и поэтому при принятии решения об условно-досрочном освобождении обязательной является правовая оценка возможности применения данной меры на основе УИК и УК РФ.

Вероятным результатом позитивного прогноза будет рассматриваться условно-досрочное освобождение осужденных третьего типа по представленной выше классификации Г.М. Миньковского. Вероятность принятия положительного комплексного решения по вопросу об условно-досрочном освобождении возрастает в случае, если расчетная величина индекса превышает единицу, и, напротив, если индекс меньше единицы, то прогноз адаптации после освобождения менее благоприятный.

Подготовка показателей для расчета индекса криминальной зараженности производится пенитенциарным психологом учреждения посредством проведения комплекса мероприятий по подготовке к условно-досрочному освобождению и социальным работником, также при консультативном участии врачей: психиатра и нарколога. Каждый фактор рассчитывается по удельному весу от общего числа факторов, отобранных в индекс на основании метода экспертной оценки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Антонян Ю.М., Бородин С.В. Преступность и психические аномалии. 1987. С. 46.

² См.: Ушатиков А.И., Казак Б.В. Основы пенитенциарной психологии: Учеб. / Под ред. С.Н. Пономарева. Рязань, 2001.

³ См.: Мамайчук И.И. Экспертиза личности в судебно-следственной практике: Учеб. пособие. СПб., 2002.

⁴ См.: Писарев О.М. Психология пенитенциарного социума: Учеб. пособие для начального проф. образования, переподготовки и повышения квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы Минюста России. Томск, 2004.

⁵ См.: Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997.

¹ Antonjan Ju.M., Borodin S.V. Prestupnost' i psihicheskie anomalii. 1987. S. 46.

² Sm.: Ushatikov A.I., Kazak B.V. Osnovy penitenciarnoj psihologii: Ucheb. / Pod red. S.N. Ponomareva. Rjazan', 2001.

³ Sm.: Mamajchuk I.I. Jekspertiza lichnosti v sudebno-sledstvennoj praktike: Ucheb. posobie. SPb., 2002.

⁴ Sm.: Pisarev O.M. Psihologija penitenciarного sociuma: Ucheb. posobie dlja nachal'nogo prof. obrazovaniija, perepodgotovki i povyshenija kvalifikacii sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Minjusta Rossii. Tomsk, 2004.

⁵ Sm.: Psihologicheskaja nauka v Rossii XX stoletija: problemy teorii i istorii / Pod red. A.V. Brushlinskogo. M., 1997.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ТЕХНОЛОГИИ

Технико-внедренческая деятельность в системе государственно-частного партнерства: понятие и основные признаки

■ **Е.Е. СЕРЕБРЯКОВА** – преподаватель кафедры предпринимательского права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (филиал в г. Вологде)

В статье содержится анализ одного из важнейших направлений государственной политики в системе государственно-частного партнерства, формой которого является технико-внедренческая деятельность, представляющая собой основу функционирования особых экономических зон технико-внедренческого типа.

Ключевые слова: технико-внедренческая особая экономическая зона; научно-техническое развитие; технико-внедренческая деятельность; правовой статус; государственно-частное партнерство; инновации.

Technical-promotional activities: the concept and main features

■ **E.E. SEREBRYAKOVA** – lecturer in business law branch of the MSAL after O.E. Kutafin in Vologda

The article contains the analysis of one of the most important directions of the state policy in the system of state-private partnership, one of the forms of which is a technology-innovative activity as the basis for the functioning of special economic zones of technology-innovative type.

Key words: technical-promotional special economic zone; scientific and technical development; technology-innovative activity; legal regime; state-private partnership; innovation.

Анализ основных характеристик технико-внедренческой деятельности имеет важное значение, поскольку именно посредством стимулирования ее осуществления решаются задачи, стоящие перед государством при учреждении особых экономических зон технико-внедренческого типа.

Понятие технико-внедренческой деятельности содержится в ст. 10 федерального закона «Об особых экономических зонах в Российской Федерации»¹ (далее – Закон об ОЭЗ). Так, ею называется создание, производство и реализация научно-технической продукции, разработка и реализация программ для электронных вычислительных машин (ЭВМ), баз данных, топологий инте-

гральных микросхем, информационных систем, а также оказание услуг по внедрению и обслуживанию таких продуктов.

В соответствии с этим определением в качестве первого признака технико-внедренческой деятельности можно рассматривать ее неоднородность, так как она включает в себя:

- создание, производство и реализацию научно-технической продукции;
- создание и реализацию программ для ЭВМ, баз данных, топологий интегральных микросхем, информационных систем;
- оказание услуг по внедрению и обслуживанию вышеуказанных продуктов.

Слово «создавать» означает «делать, доделывать, творить или производить из не-

бытия в бытие»². В праве оно используется в различных нормативных актах. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»³ регламентирует порядок создания судов, а Гражданский кодекс Российской Федерации – порядок создания юридического лица:

1. Статья 51 о государственной регистрации юридических лиц: юридическое лицо считается созданным со дня внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр юридических лиц.

2. Статья 218 о приобретении права собственности: право собственности на новую вещь, изготовленную или созданную лицом для себя с соблюдением закона и иных правовых актов, приобретается этим лицом.

В данном случае идет речь о создании нематериальных объектов: научно-технической продукции, программных продуктов и т.д.

Следует отметить, что к технико-внедренческой деятельности относится реализация научно-технической продукции, доведение ее до промышленного применения, оказание услуг по внедрению и обслуживанию продуктов и систем.

Реализация научно-технической продукции предполагает заключение договоров, опосредующих передачу прав в отношении ее, в первую очередь лицензионных. Именно коммерциализация, или доведение до промышленного применения существующего продукта, является итоговым показателем всей произведенной работы. Она может включать в себя изготовление, испытание и реализацию опытных партий. При этом оказание услуг по внедрению и обслуживанию продуктов и систем осуществляется на основании договора возмездного оказания услуг.

Таким образом, технико-внедренческая деятельность предполагает как оказание услуг, так и выполнение работ. Ранее в нее не входило производство, что многими авторами расценивалось как определенная недоработка законодателя. Так, А.М. Экмалян указывал на то, что в технико-внедренческих особых зонах в соответствии с законодательством Российской Федерации производство продукции осуществляться не может, и по этой причине оно выносится за границы технико-внедренческих ОЭЗ, что требует организации строительства производственных площадей, поиска партнеров по производству и пр.⁴ Следовательно, инновационный экономический эффект от технико-внедренческих зон достигался бы быстрее при нахождении производства на их территории.

В этой связи предлагается дополнить ст. 10 Закона об ОЭЗ, устанавливающую по-

рядок осуществления предпринимательской деятельности на территории ОЭЗ, положениями, которые расширяют определение технико-внедренческой деятельности, и тем самым предоставят резидентам этих зон право осуществлять не только создание, но и производство и реализацию инновационной, высокотехнологичной продукции, различных программ, систем сбора, обработки и передачи данных, систем распределенных вычислений, оказание услуг по внедрению и обслуживанию указанных продуктов и систем, а также расширить возможности участия в этой деятельности индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций, не являющихся резидентами⁵.

Кроме того, А.М. Экмалян предлагал изложить ч. 2 ст. 10 в следующей редакции: «Резидент технико-внедренческой особой экономической зоны вправе вести на территории особой экономической зоны только технико-внедренческую деятельность. Для целей настоящего Федерального закона под технико-внедренческой деятельностью понимаются создание, производство и реализация инновационной, высокотехнологичной продукции, программных продуктов, систем сбора, обработки и передачи данных, систем распределенных вычислений, разработанных в технико-внедренческой особой экономической зоне, а также оказание услуг по внедрению и обслуживанию таких продуктов и систем»⁶.

В настоящее время п. 2 ст. 10 Закона об ОЭЗ содержит следующую норму: «Производство научно-технической продукции в границах технико-внедренческой особой экономической зоны допускается по решению экспертного совета по технико-внедренческим особым экономическим зонам, руководящегося приоритетными направлениями развития науки, технологий и техники и перечнем критических технологий Российской Федерации, утвержденными Правительством Российской Федерации».

Важным является и вопрос о том, должна ли технико-внедренческая деятельность включать в себя каждый из указанных выше компонентов, иными словами, может ли создание научно-технической продукции быть названо технико-внедренческой деятельностью, если оно не предполагает последующую реализацию полученных технологий, систем, программ и т.п. По нашему мнению, из смысла легального определения следует, что технико-внедренческая деятельность может не включать в себя каждый из указанных ее видов, однако, даже если какой-то ее результат не получил последующей реализации, должна соблюдаться общая направ-

ленность на доведение продуктов до потребителей.

При этом не любая деятельность по созданию, реализации научно-технической продукции, доведению ее до промышленного применения, оказанию услуг по внедрению и обслуживанию продуктов и систем является технико-внедренческой. Общим является то, что каждый из видов деятельности может быть назван технико-внедренческим только в том случае, если он осуществляется на территории особой экономической зоны ее резидентами. Это второй признак технико-внедренческой деятельности, являющийся сущностным, выделяющий ее среди иных аналогичных.

Итак, предлагаем внести изменения в п. 2 ст. 10 Закона об ОЭЗ и изложить его в следующей редакции: «Для целей настоящего Федерального закона под технико-внедренческой деятельностью понимается создание и реализация научно-технической продукции, доведение ее до промышленного применения, включая изготовление, испытание и реализацию опытных партий, а также создание программных продуктов, систем сбора, обработки и передачи данных, систем распределенных вычислений и оказание услуг по внедрению и обслуживанию таких продуктов и систем, осуществляемые в границах технико-внедренческой особой экономической зоны резидентами такой особой экономической зоны».

Также спорным можно считать вопрос о том, является ли технико-внедренческая деятельность предпринимательской, то есть можно ли выделять в качестве характеризующего ее признака предпринимательский характер осуществления.

Согласно ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке.

Соответственно, можно выделить пять признаков предпринимательской деятельности:

1. Самостоятельность осуществления, которая может быть как имущественной (наличие у субъекта обособленного имущества, составляющего его экономическую базу), так и организационной (возможность принятия самостоятельных решений).

2. Хозяйственный (предпринимательский) риск. Как отмечает И.К. Шевченко, «можно с уверенностью сказать: неопределенность

и риск в предпринимательской деятельности играют очень важную роль, заключая в себе противоречие между планируемым и действительным, то есть источником развития предпринимательской деятельности»⁷. Предпринимательский риск, по его мнению, имеет объективную основу «из-за неопределенности внешней среды по отношению к фирме»⁸. Более того, именно внешняя среда включает в себя «объективные экономические, социальные и политические условия, в рамках которых фирма осуществляет свою деятельность и к динамике которых она вынуждена приспосабливаться»⁹.

3. Направленность на систематическое извлечение прибыли.

4. Осуществление в формах, предусмотренных законом: пользование имуществом, продажа товаров, выполнение работ, оказание услуг.

5. Наличие государственной регистрации субъекта.

Самостоятельность, безусловно, присуща технико-внедренческой деятельности, поскольку она осуществляется субъектами права, обладающими определенной имущественной базой. Вместе с тем следует отметить, что организационная самостоятельность резидентов особой экономической зоны может быть ограничена установлением основных направлений функционирования данной зоны.

Риск также присущ технико-внедренческой деятельности. Так, О.А. Городов, рассматривая признаки инновационной деятельности, утверждает, что такая деятельность «в наибольшей степени, чем иные гражданские виды деятельности, подвержена факторам риска, воздействие которых на промежуточные и конечный результаты этой деятельности невозможно априори точно определить»¹⁰. На наш взгляд, это характерно и для технико-внедренческой деятельности, так как «в общем виде инновационный риск определяется как вероятность потерь, возникающих при инвестировании в создание нового или усовершенствованного продукта, в разработку новой технологии, реализация которых на рынке зависит от эластичности спроса на него»¹¹.

Направленность на систематическое извлечение прибыли также свойственна технико-внедренческой деятельности, поскольку она, как правило, предполагает осуществление прикладных научных исследований, результаты которых предназначены для внедрения в производство.

Как и предпринимательская, технико-внедренческая деятельность может вклю-

чать в себя выполнение работ и оказание услуг, но при этом она отличается тем, что имеет целью создание научно-технической продукции.

Осуществляют ее лица, имеющие государственную регистрацию. Так, в соответствии с п. 2 ст. 9 Закона об ОЭЗ резидентами технико-внедренческой особой экономической зоны признаются индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, за исключением унитарных предприятий. Извлечение прибыли является основной целью их деятельности, при этом в отношении данных лиц не запрещена и некоммерческая деятельность, которой может быть признано создание научно-технической продукции и иных указанных выше объектов. Таким образом, технико-внедренческая деятельность может быть как предпринимательской, так и носить непредпринимательский характер в зависимости от ее конкретного содержания.

Еще одна особенность технико-внедренческой деятельности связана с ее результатами, то есть с объектами, на создание и реализацию которых она направлена. Ими могут быть научно-техническая продукция, программы, системы сбора, обработки и передачи данных, системы распределительных вычислений. Определений данных объектов Закон об ОЭЗ не содержит: их можно найти в других нормативных актах, в ст. 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике». Ею признается научный и (или) научно-технический результат, прежде всего результат интеллектуальной деятельности, предназначенный для реализации.

В соответствии со ст. 1225 ГК РФ продуктами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, которым предоставляется правовая охрана (интеллектуальная собственность), являются: 1) произведения науки, литературы и искусства; 2) программы для ЭВМ; 3) базы данных; 4) исполнения; 5) фонограммы; 6) сообщения, передаваемые в эфир или по кабелю радио- или телепередач; 7) изобретения; 8) полезные модели; 9) промышленные образцы; 10) селекционные достижения; 11) топологии интегральных микросхем; 12) секреты производства (ноу-хау); 13) фирменные наименования; 14) товарные знаки и знаки обслуживания; 15) наименования мест происхождения товаров; 16) коммерческие обозначения.

Термин «технико-внедренческая деятельность» используется для целей Закона об

ОЭЗ. В иных нормативно-правовых актах, научной и учебной литературе присутствуют указания на иные виды деятельности, направленные на получение нового интеллектуального продукта. Так, в Федеральном законе «О науке и государственной научно-технической политике»¹² идет речь о научно-исследовательской деятельности, которая направлена на получение и применение новых знаний, предназначенных для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы. К ней относятся:

– фундаментальные научные исследования – получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей природной среды;

– прикладные научные исследования – применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач.

Указанный выше закон содержит также понятие «экспериментальная разработка». Под ней понимается деятельность, которая основана на знаниях, приобретенных в результате проведения научных исследований или практических опытов, и направлена на сохранение жизни и здоровья человека, создание новых материалов, продуктов, процессов, устройств, услуг, систем или методов и их дальнейшее совершенствование.

В Гражданском кодексе Российской Федерации используются термины «опытно-конструкторские работы» и «технологические работы». Так, по договору на выполнение опытно-конструкторских работ исполнитель обязуется создать образец нового изделия, конструкторскую документацию на него или новую технологию, а заказчик – принять работу и оплатить ее.

При этом термин «технико-внедренческая деятельность» в ГК РФ не используется, что обуславливает сложности соотношения указанных видов деятельности.

На получение интеллектуального продукта направлена также инновационная деятельность. К сожалению, легальное ее определение отсутствует, но при этом существует множество научных толкований.

Так, например, М.В. Волынкина называет инновационной деятельностью «процесс преобразования научного знания в новшество и доведение полученного интеллектуального продукта до рынка»¹³. П.Н. Завлин понимает под ней «деятельность, направленную на использование результатов на-

учных исследований и разработок для расширения и обновления номенклатуры и улучшения качества выпускаемой продукции (товаров, услуг), совершенствования технологии их изготовления с последующим внедрением и эффективной реализацией на внутреннем и зарубежных рынках»¹⁴.

Технико-внедренческая деятельность по своей сути близка к инновационной деятельности, а также такому явлению, как прикладные научные исследования. Общей для них является направленность на последующую реализацию итогов научной работы.

Не оспаривая важность поддержания государством фундаментальных научных исследований, хотелось бы обратить внимание на то, что в условиях рыночной экономики научная деятельность приобретает коммерческие черты. В частности, она связана не только с получением нового интеллектуального продукта, но и с реализацией его другим участникам рынка.

Так, М.В. Волюнкина, рассматривая опыт США, отмечает, что там «инновация определяется как использование нового продукта (услуги, метода) в практике бизнеса, непосредственно следующее за его открытием; новый подход к конструированию, производству и сбыту продукции, позволяющий обойти конкурентов. Поэтому целью инновационной деятельности является не только социально-экономический эффект от использования интеллектуального потенциала, но и получение прибыли. Следовательно,

необходимыми компонентами инновационной деятельности являются:

- развитие прикладной науки;
- создание пилотного образца;
- оформление технической документации на новый продукт;
- юридическое оформление прав на интеллектуальную собственность;
- серийное производство;
- передача инновационного продукта в коммерческий оборот»¹⁵.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно выделить следующие основные признаки технико-внедренческой деятельности как основы функционирования особых экономических зон технико-внедренческого типа:

- неоднородность, то есть включение в себя создания продукции, ее реализации, доведения до промышленного применения, оказания услуг по внедрению и обслуживанию продуктов и систем;
- осуществление субъектами предпринимательского права – резидентами особой экономической зоны; при этом она может как быть предпринимательской, так и носить некоммерческий характер;
- наличие таких результатов, как научно-техническая продукция, программные продукты, системы сбора, обработки и передачи данных, системы распределительных вычислений;
- близость к прикладным научным исследованиям и инновационной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Федеральный закон от 22.07.2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Российская газета. 2005. 27 июля.

² Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2006. С. 448.

³ См.: Российская газета. 1997. 6 янв.

⁴ См.: Екmaljan A.M. О необходимости внесения изменений и дополнений в правовые основы особых экономических зон Российской Федерации // Государство и право. 2009. № 1. С. 88.

⁵ См.: Там же.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ Шевченко И.К. Организация предпринимательской деятельности: Учеб. пособие. Таганрог, 2004. С. 56.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Городов О.А. Правовая инноватика (правовое регулирование инновационной деятельности). СПб., 2008. С. 28.

¹¹ Там же.

¹² См.: Федеральный закон от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Российская газета. 1996. 3 сент.

¹³ Волюнкина М.В. Правовой инновационный опыт регионов // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 57.

¹⁴ Основы инновационного менеджмента: теория и практика: Учеб. пособие / Под ред. П.Н. Завлина, А.К. Казанцева, Л.Э. Миндели. М., 2000. С. 11.

¹⁵ Волюнкина М.В. Правовой инновационный опыт регионов. С. 57.

¹ См.: Federal'nyj zakon ot 22.07.2005 g. № 116-FZ «Ob osobych jekonomicheskix zonah v Rossijskoj Federacii» // Rossijskaja gazeta. 2005. 27 ijulja.

² Dal' V.I. Tolkovij slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. M., 2006. S. 448.

³ См.: Rossijskaja gazeta. 1997. 6 janv.

⁴ См.: Jekmaljan A.M. O neobходимosti vnesenija izmenenij i dopolnenij v pravovye osnovy osobych jekonomicheskix zon Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo. 2009. № 1. S. 88.

⁵ См.: Там же.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ Shevchenko I.K. Organizacija predprinimatel'skoj dejatel'nosti: Ucheb. posobie. Taganrog, 2004. S. 56.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Gorodov O.A. Pravovaja innovatika (pravovoe regulirovanie innovacionnoj dejatel'nosti). SPb., 2008. S. 28.

¹¹ Там же.

¹² См.: Federal'nyj zakon ot 23.08.1996 g. № 127-FZ «O nauke i gosudarstvennoj nauchno-tehnicheskoi politike» // Rossijskaja gazeta. 1996. 3 sent.

¹³ Volynkina M.V. Pravovoj innovacionnyj opyt regionov // Zhurnal rossijskogo prava. 2006. № 5. S. 57.

¹⁴ Osnovy innovacionnogo menedzhmenta: teorija i praktika: Ucheb. posobie / Pod red. P.N. Zavlina, A.K. Kazanceva, L.E. Mindeli. M., 2000. S. 11.

¹⁵ Volynkina M.V. Pravovoj innovacionnyj opyt regionov. S. 57.

Защита прав человека в административно-управленческом процессе и ее соотношение с законностью в государственном управлении

Д.Ч. КУПЕЕВА – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Института экономики и управления г. Пятигорска (представительство в г. Владикавказе), соискатель Всероссийского научно-исследовательского института МВД России

В статье анализируются способы защиты прав человека и гражданина в административно-управленческом процессе. Рассматривается соотношение понятий защиты прав и законности, раскрываются правовые аспекты защиты прав человека.

Ключевые слова: права человека; административный процесс; власть; управление; государственное управление; законность; защита прав человека.

Protection of human rights in governmental process and its parity with legality in the governmental management

D.CH. KUPEEVA – the teacher of chair of civil-law disciplines in Representation to Vladikavkaz Nonstate educational institution of the higher vocational training Economy and Management Institute of the city of Pyatigorsk, the competitor of the All-Russia scientific research institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article is devoted to research ways of protection of human rights and the citizen in governmental process. Legal aspects of protection of human rights are considered. The article studies the practice of application of legality. Author suggests recommendation and proposals on developing of legislative activity.

Key words: human rights; administrative process; the power; the government; legality; protection of human rights.

Проблема эффективности государственного управления в России не теряет своей актуальности уже не одно десятилетие. Отчасти это обусловлено тем, что она связана с необходимостью обеспечения прав и свобод человека, соблюдения интересов граждан при издании нормативно-правовых актов органов государственной власти.

Защита прав человека в административно-управленческом процессе тесно сопрягается с обеспечением законности в государственном управлении. При этом было бы неправильным отождествлять данные понятия.

Различие их определяется подходами к толкованию законности. В широком смысле законность рассматривается как социально-правовая категория, подразумевающая не просто формальное исполнение действующего закона или решения, направленного на его исполнение, но предписывающая

жесткие требования к содержанию самого закона с точки зрения его социальной справедливости¹. При таком понимании законность включает в себя правовую защиту личности, упорядочение гарантий осуществления политических, экономических, социальных прав и свобод граждан.

На практике же реализуется узкий подход, раскрывающий три ключевые стороны законности: 1) как правового принципа, обязывающего строго и неукоснительно соблюдать требования действующего законодательства всеми субъектами правоотношений во всех без исключения сферах социального развития; 2) как особого социально-правового режима, воплощающего специфику взаимоотношений субъектов правоотношений в рамках установленных действующим законодательством правил, требований и предписаний; 3) как особого метода социального управления, состоя-

щего в организации системы общественных отношений путем неукоснительного соблюдения требований законов и других правовых актов, направленных на обеспечение прав и свобод личности, интересов общества и государства².

В этом случае на первое место выдвигается соблюдение действующего законодательства и соответствие ему правовых актов, принимаемых органами государственной власти. Неслучайно одной из мер обеспечения законности в государственном управлении признается недопущение государственными органами и их должностными лицами нарушений требований и предписаний, установленных действующими законами и подзаконными актами³.

Российская правовая действительность такова, что законодательство существенно отстает от складывающихся общественных отношений. Только в одном Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию 2010 г. констатируется необходимость принятия порядка десяти законов, затрагивающих различные аспекты социально-экономической сферы⁴. В целом же, по оценкам исследователей, в развитии конституционных норм и принципов не достает нескольких десятков законодательных актов⁵.

Что же происходит в отсутствие необходимых законов? Этот пробел возмещается правотворчеством органов исполнительной власти, что составляет одну из существенных проблем российского конституционализма.

Фактически правовые акты управления приобретают силу закона. На это обстоятельство, в частности, обращает внимание П.П. Серков, исследуя вопросы состава административного правонарушения и бланкетности норм КоАП РФ. Проведенный им сравнительный анализ норм кодекса показал, что из 743 бланкетных норм 424 отсылают к федеральным законам, 158 – как к федеральным законам, так и к иным нормативным правовым актам, 161 – к другим нормативным правовым актам. «Получается, – делает вывод автор, – что во многих случаях административную противоправность полностью или частично формирует не законодательная власть, а органы исполнительной власти. Причем законодатель даже рамочно не определяет пределы усмотрения органов исполнительной власти на субстантивное наполнение объективной стороны таких составов административных правонарушений»⁶.

В науке феномен замещения законодательного регулирования подзаконным получил название дискреции⁷. Часть юристов данное явление рассматривают как неизбежное и необходимое: «...определенный свет на проблему природы дискреции проливает обращение к теме умолчания закона. Умолчание обязано своим существованием взаимодействию функциональных и институциональных компонентов конституционного права, что особенно сказывается на нормах Конституции России, а тем более на их применении. Взаимодействие данных компонентов права порождает умолчание конституционных норм, которое определяет возможность и необходимость усмотрения государственного деятеля»⁸.

Некоторые исследователи отводят дискреции отрицательную роль в построении правового государства. Например, Ю.Н. Стариков считает административную дискрецию одним из проявлений «синдрома бесправия», имеющего место в российской действительности: «Произвольное администрирование не основано на нормах действующего законодательства и установленных правом административных процедурах... Произвольное администрирование включает в себя набор самых непонятных с правовой точки зрения процедур и требований, которые, как правило, направлены на ухудшение правового статуса участников правоотношений, то есть граждан и юридических лиц, обращающихся в органы публичного управления за решением вопросов, отнесенных к ведению определенных должностных лиц»⁹.

Ю.Н. Стариков показывает локальные последствия административной дискреции. На наш взгляд, они гораздо масштабнее. Большая часть нормативно-правовых актов, принятых органами государственной власти в последние годы, не способствует защите основных прав и свобод человека и гражданина, а то и напрямую нарушает их или носит антисоциальный характер¹⁰. Примером может служить пенсионная реформа, которая мало согласуется с правами граждан на пенсионное обеспечение. Как отмечает Е.В. Чупрова, «под правом граждан на пенсионное обеспечение в условиях рыночной экономики следует понимать гарантированную государством возможность в случае наступления страховых рисков, закрепленных в законе, ежемесячно получать денежный платеж (пенсию) в размере, соизмеримом, как правило, с прошлым заработком, обеспечивающим достойную жизнь пенсио-

нера»¹¹. Однако на сегодняшний день большинство россиян считают, что современное пенсионное законодательство не позволяет решить задачу сохранения после выхода на пенсию уровня жизни, соизмеримого с таковым в период трудовой деятельности¹².

Это связано как с нюансами законодательного регулирования, так и со спецификой подзаконных правовых актов. Одним из ключевых нормативно-правовых актов в сфере пенсионного обеспечения являются Правила подсчета и подтверждения страхового стажа для установления трудовых пенсий¹³, принятые во исполнение ст. 13 федерального закона о трудовых пенсиях¹⁴. Порядок, установленный правилами, таков, что, согласно опросам, более 60% лиц, вышедших на пенсию с 2003 г., имели слож-

ности с подтверждением страхового (трудового) стажа. Из них почти пятая часть так и не смогли подтвердить более 3 лет своей трудовой деятельности. Опосредованно это способствовало тому, что пенсионный капитал, исчисляемый по установленным правилам до 1 января 2002 г., значительно занижен (почти вдвое) у всех граждан, которые имели заработок несколько выше среднего¹⁵.

По всей видимости, стратегии, направленной на гарантирование прав граждан сверху, то есть путем принятия и исполнения законов, на сегодняшний день недостаточно. Необходим механизм, позволяющий активно привлекать граждан к непосредственной защите своего конституционно-правового статуса в государственном управлении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Нерсесянц В.С. *Философия права*. М., 1997. С. 34.

² См.: *Общая теория права* / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 2007. С. 252; *Теория государства и права* / Под ред. В.В. Лазарева. М., 2001. С. 297; *Административное право России. Общая часть* / Под ред. С.А. Старостина. М., 2010. С. 428–429.

³ См.: *Административное право России. Общая часть*. / Под ред. С.А. Старостина. С. 430.

⁴ См.: *Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 30.11.2010 г.* // *Российская газета*. 2010. 1 дек.

⁵ См.: Ефремов И.А. *Много ли законов нужно России?* // *Законодательство и экономика*. 2010. № 9. С. 12–22.

⁶ Серков П.П. *Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования*: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

⁷ Дискреция (дискреционные полномочия, дискреционная власть) – потенциальное (скрытое) полномочие должностного лица или органа государственной власти, проявляющееся, как правило, в силу умолчания закона (см.: *Юридическая энциклопедия*. М., 2000. С. 24).

⁸ Капицын В.М. *Государственная дискреция как проблема конституционного права* // *Конституционное и муниципальное право*. 2006. № 3.

⁹ Стариков Ю.Н. *Административное право как средство разрушения «синдрома бесправия» в современном правовом государстве* // *Журнал российского права*. 2005. № 4. С. 38.

¹⁰ С позиции принципа, закрепленного в ст. 7 Конституции Российской Федерации.

¹¹ Чупрова Е.В. *Право на пенсионное обеспечение и его реализация в условиях рыночной экономики*: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 10–11.

¹² См.: Выговская И.Г. *Пенсионное обеспечение как основа социальной политики в РФ* // *Социальное и пенсионное право*. 2009. № 1.

¹³ См.: *Постановление Правительства Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 555 «Об утверждении Правил подсчета и подтверждения страхового стажа для установления трудовых пенсий»* // *Российская газета*. 2002. № 140.

¹⁴ См.: *Федеральный закон от 17.12.2001 г. № 173-ФЗ «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»* (ред. от 27.12.2009 г.) // *Российская газета*. 2001. № 247; 2007. № 272; 2008. № 267; 2009. № 247, 253.

¹⁵ См.: Захаров М.Л. *Основные принципы определения уровня трудовой (страховой) пенсии: реальность и перспективы* // *Журнал российского права*. 2009. № 7.

¹ Sm.: Nersesjanc V.S. *Filosofija prava*. M., 1997. S. 34.

² Sm.: *Obwaja teorija prava* / Pod red. A.S. Pigolkina. M., 2007. S. 252; *Teorija gosudarstva i prava* / Pod red. V.V. Lazareva. M., 2001. S. 297; *Administrativnoe pravo Rossii. Obwaja chast'* / Pod red. S.A. Starostina. M., 2010. S. 428–429.

³ Sm.: *Administrativnoe pravo Rossii. Obwaja chast'*. / Pod red. S.A. Starostina. S. 430.

⁴ Sm.: *Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii ot 30.11.2010 g.* // *Rossijskaja gazeta*. 2010. 1 dek.

⁵ Sm.: Efreмов I.A. *Mnogo li zakonov nuzhno Rossii?* // *Zakonodatel'stvo i jekonomika*. 2010. № 9. S. 12–22.

⁶ Serkov P.P. *Administrativnaja otvetstvennost': problemy i puti sovershenstvovanija*: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2011.

⁷ Diskrecija (diskrecionnye polnomochija, diskrecionnaja vlast') – potencial'noe (skrytoe) polnomochie dolzhnostnogo lica ili organa gosudarstvennoj vlasti, projavljajuweesja, kak pravilo, v silu umolchanija zakona (sm.: *Juridicheskaja jenciklopedija*. M., 2000. S. 24).

⁸ Kapicyн V.M. *Gosudarstvennaja diskrecija kak problema konstitucionnogo prava* // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2006. № 3.

⁹ Starilov Ju.N. *Administrativnoe pravo kak sredstvo razrushenija «sindroma bespravija» v sovremennom pravovom gosudarstve* // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2005. № 4. S. 38.

¹⁰ S pozicii principa, zakreplennogo v st. 7 Konstitucii Rossijskoj Federacii.

¹¹ Chuprova E.V. *Pravo na pensionnoe obespechenie i ego realizacija v uslovijah rynochnoj jekonomiki*: Avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 1999. S. 10–11.

¹² Sm.: Vygovskaja I.G. *Pensionnoe obespechenie kak osnova social'noj politiki v RF* // *Social'noe i pensionnoe pravo*. 2009. № 1.

¹³ Sm.: *Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 g. № 555 «Ob utverzhenii Pravil podsčeta i podtverzhenija strahovogo stazha dlja ustanovlenija trudovyh pensij»* // *Rossijskaja gazeta*. 2002. № 140.

¹⁴ Sm.: *Federal'nyj zakon ot 17.12.2001 g. № 173-FZ «O trudovyh pensijah v Rossijskoj Federacii»* (red. ot 27.12.2009 g.) // *Rossijskaja gazeta*. 2001. № 247; 2007. № 272; 2008. № 267; 2009. № 247, 253.

¹⁵ Sm.: Zaharov M.L. *Osnovnye principy opredelenija urovnja trudovoj (strahovoj) pensii: real'nost' i perspektivy* // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2009. № 7.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Английская прогрессивная система тюремного заключения: история и современность

А.М. ФУММ – старший научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы возникновения и развития английской прогрессивной системы тюремного заключения, а также освещается ее современное состояние и определяется значение для реформирования пенитенциарной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: наказание; тюрьма; безопасность; ссылка; условно-досрочное освобождение.

English progressive system of imprisonment: history and modern time

A.M. FUMM – candidate of legal sciences, higher Senior Officer of the Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

This article is about history, development and current state of English progressive system of imprisonment, it's importance for the reform of the penitentiary system of Russian Federation.

Key words: punishment; prison; safety; link; probation.

Процесс интеграции России в мировое сообщество, перехода к международным стандартам исполнения наказаний вызывает необходимость шире использовать не только отечественный, но и зарубежный опыт функционирования пенитенциарных учреждений, организации их охраны, обеспечения безопасности и условий отбывания наказаний.

В начале XIX в. в США и большинстве европейских стран, включая Россию, тюремное заключение было преобладающим видом уголовного наказания. Это обусловило не только расширение сети пенитенциарных учреждений, создание мест заключения с особым режимом содержания арестантов, но и возникновение новых подходов к организации тюремного дела.

Неупорядоченность исполнения наказания в виде тюремного заключения, его де-

морализующие последствия обратили на себя внимание властей и общественности США и стран Европы. Стремясь очистить исправительные учреждения от жестокости, пенитенциарная наука взяла их под свое покровительство и направляла все силы на облегчение участи преступника. Так, зарубежные теоретики и практики пытались создать систему заключения, наиболее отвечающую началам нравственности, исправительного воздействия, посредством которой можно было бы вернуть в общество полноценного гражданина. Наряду с этим в США и большинстве стран Западной Европы учреждались благотворительные общества, помогающие арестантам.

Хотя первые тюремные системы появились в Северной Америке (в Пенсильвании) и Оборне в конце XVIII в., родиной прогрессивной системы исполнения наказаний ста-

ла Англия. Название «прогрессивная» дали английской пенитенциарной системе в первой половине XIX в. Главной ее особенностью было поощрение заключенных за добросовестный труд и хорошее поведение.

До этого основным видом наказания в Англии являлась ссылка. Чаще всего преступников отправляли в Америку или Австралию. Из-за того что число ссыльных постоянно росло, а колониальное управление не всегда могло обеспечить их трудовую занятость, в 1822 г. английское правительство приняло решение отдавать их на работу к частным лицам. Данная система называлась ассигнационной: заключенные попадали в полную кабалу к хозяевам, на длительный срок, который иногда доходил до 10–12 лет, и не имели права работать на себя¹. Это было тяжким бременем для них и, кроме того, напрямую затрагивало интересы свободного населения. В результате ситуация обострилась до предела, поэтому английское правительство было вынуждено пересмотреть практику национальной ссылки и постепенно осуществить тюремную реформу. В 1838 г. комитет, специально созданный при палате общин для решения этого вопроса, представил на рассмотрение правительства основания для проведения преобразований в пенитенциарной сфере, главным из которых признавалось следующее: преступления, наказываемые ссылкой, должны наказываться предварительным заключением и тяжкими работами в английских колониях на срок от 2 до 5 лет².

Деятельность правительства показала, что Англия осознала недостатки своего тюремного устройства и активно начала применять к заключенным исправительные средства до ссылки, которая с 40-х гг. XIX в. стала дополнением к тюремно-исправительному наказанию.

Кроме того, в этот период в Англии уже существовало два вида тюрем: пенитенциарии, где заключенные содержались не менее 3 лет, и местные тюрьмы для исполнения непродолжительного наказания. Последние организовывались в основном по системе одиночного заключения. Все это выгодно отличало Англию от других стран, привлекая к ней внимание специалистов и побуждая иные другие государства перенимать у нее опыт.

Наиболее полное выражение английская прогрессивная система исполнения наказаний нашла в деятельности капитана Д. Мэконочи, который в 1840 г. впервые применил ее положения к каторжным на остро-

ве Норфолк близ Австралии, куда ссылались самые опасные из преступников. По введенным им правилам положение каторжных постепенно ухудшалось или улучшалось в зависимости от их поведения. При этом труд, поведение и прилежание заключенного оценивалось специальными знаками – марками (поэтому данную систему в литературе иногда называют марочной). Она практически сразу дала хорошие результаты: уровень рецидива в тюрьмах Норфолка не превышал 5–7%, в то время как во многих странах составлял 35%³.

По замыслу Д. Мэконочи, заключение состояло из целого ряда постепенных облегчений для преступника или переходов из класса в класс, при которых режим и тюремная дисциплина значительно смягчались. Арестантам за успехи в работе и примерное поведение выдавались специальные наружные знаки отличия, повышалась оплата труда, из которой, однако, делались вычеты в случае совершения проступков и допущения небрежности. В то же время для побуждения заключенных к исправлению были введены такие элементы уголовно-исполнительного характера, как сокращение сроков наказания и условно-досрочное освобождение. Они послужили довольно сильным средством утверждения порядка и нравственности в тюрьме и всячески способствовали перевоспитанию преступников. «В этом случае, – писал Н.М. Ядринцев, – лично заинтересованный и желающий получить скорейшее облегчение арестант, естественно, стремился к тому, чтобы неукоснительно выполнять тюремные правила, а его воля была, прежде всего, направлена на примерное поведение и добросовестный труд, чтобы скорее окончить срок тюремного заключения»⁴.

Согласно прогрессивной системе исполнения наказаний все заключенные делились на три класса.

К классу «Звезды» причислялись преступники, ранее не подвергавшиеся наказанию и признанные судом неразвращенными. Арестанты этой категории носили на одежде особую звезду, чем и объясняется их название.

Переходный класс, в который входили арестанты, ранее подвергавшиеся осуждению за нетяжкие преступления, а также лица, осужденные впервые и признанные недостойными носить звезду из-за своего нравственного облика и прошлой жизни. Исправившиеся заключенные этого класса могли быть переведены в класс «звезды».

Рецидивисты – лица, повторно совершившие тяжкие преступления, а также лица, нарушившие требования условно-досрочного освобождения⁵.

Как показала практика, нарушения в колонии были весьма редким явлением: преступники, понимая преимущества своего положения, достаточно разумно и рационально распоряжались ими. Система капитана Д. Мэконочи делала жизнь заключенных близкой к обыкновенной, предоставляя им право выбора линии своего поведения. «Старая система, – считал Д. Мэконочи, – не дает арестантам никаких случаев для борьбы, не дает возможности приобрести энергию и независимость характера. Тюремщик заставляет их действовать и даже существовать по приказу... Предложенная же мной система тоже наказывает преступников, ставит их в самое невыгодное положение, но в то же время дает им возможность выпутаться из этого положения их же собственными усилиями и соревнованием»⁶. И так, переход из класса в класс, а следовательно, и пользование льготами зависели от усилий самих заключенных. Причем каждый из них знал о последствиях и результатах таких переходов, а также о том, что для этого требуется.

В соответствии с системой Д. Мэконочи лишение свободы исполнялось в три этапа: 1) одиночное заключение, которое отбывалось в специальных одиночных камерах; 2) общее заключение с совместными работами и ночным разъединением; 3) условно-досрочное освобождение.

При изучении тюрем Англии XIX в. особый интерес вызывает институт условно-досрочного освобождения. Достигнув высшего отряда и получив необходимое количество марок, заключенный мог быть условно освобожден. Это было сопряжено с существенными правоограничениями на воле и могло наступить по отбытии не менее 3/4 срока наказания для мужчин и 2/3 – для женщин. Осуществлялось условно-досрочное освобождение по представлению специального должностного лица из администрации тюрьмы – статс-секретаря. А отмена освобождения производилась судом по представлению полиции.

Итак, английская прогрессивная система исполнения наказания предполагала несколько порядков заключения и обладала следующими характерными чертами:

- постепенность в строгости наказания, зависевшая от самого арестанта;
- индивидуализация исполнения наказания, основанная на персональном ежеднев-

ном учете отношения заключенных к режиму и работе;

- привлечение заключенных к участию в обеспечении успеха тюремной деятельности;

- понятность и доступность для каждого арестанта;

- сильное воспитательное воздействие на заключенных, большинство которых заинтересовано в смягчении условий содержания в тюрьме;

- условно-досрочное освобождение как высшая награда за хорошее поведение и добросовестный труд.

Главный недостаток системы Д. Мэконочи, по мнению И.Я. Фойницкого, состоял в том, что она была основана исключительно на денежном интересе и личной зависимости, способствовавших развитию в человеке таких качеств, как корысть, эгоизм и жажда наживы⁷. Кроме того, прогрессивная система исполнения наказаний негативно влияла на психику заключенных, так как они постоянно находились в напряжении, боясь не быть переведенными в высший отряд или вновь оказаться в низшем за малейшую провинность.

Однако успехи системы не подлежали сомнению: нравственный облик арестантов в корне изменился; некоторые ученые приписывали ей заслугу сокращения числа тяжких и особо тяжких преступлений. Вопреки тому что содержание одного заключенного в Англии было самым дорогим в мире⁸, система обратила на себя внимание специалистов и общественности незначительностью рецидива и разнообразным набором воспитательных мер. Поэтому ее начала были воспроизведены во многих странах Европы, в том числе и в России⁹.

Следует отметить, что принцип постепенности в исполнении наказаний в виде тюремного заключения был известен и нашему уголовному законодательству¹⁰. Так, например, Устав смиренных домов 1775 г., Устав о рабочих домах 1783 г., Устав о ссыльных 1822 г. и Устав о содержащихся под стражей 1832 г. разбивали всех заключенных на специальные отряды, в которых те содержались с учетом их поведения и прилежания. При хорошем поведении арестанты получали определенные льготы, а за нарушение тюремной дисциплины следовали взыскания. Таким образом российский законодатель пытался пробуждать в арестанте лучшие качества, прививать уважение к ближним и труду, с тем чтобы на свободу вышел законопослушный человек.

Однако в большинстве случаев эти меры оставались безрезультатными, так как решение вопроса о том, заслуживает или нет осужденный перехода в высший класс, носило сословный характер и полностью зависело от усмотрения тюремной администрации.

Что касается тюремной системы Англии, то она до настоящего времени практически не изменилась. Исполнение наказаний в виде лишения свободы организуется, как и прежде, по прогрессивной системе, которая предусматривает одиночное заключение с последующим переводом в общую камеру, где режим содержания имеет три ступени.

Одним из основных элементов организации исполнения в Англии наказаний, связанных с лишением свободы, выступают категоризация и распределение заключенных, цель которых – оградить основную массу осужденных от влияния на них лиц, характеризующихся плохим поведением.

На сегодняшний день в Англии существует четыре режима содержания заключенных, которые соотносятся с различными типами тюрем:

- тюрьмы категории А – высший уровень безопасности;
- категории В – высокий уровень безопасности;
- категории С – средний уровень безопасности;
- категории D – открытый режим¹¹.

В процессе отбывания наказания многие осужденные переходят в категорию меньшей степени опасности, при этом в отношении их выносятся определение об уменьшении общественной опасности и, соответственно, опасности совершения побегов. Некоторые заключенные переходят в категорию более высокой степени опасности, чем ранее предполагалось. Это значит, что в определенный момент отбывания наказания могут возникнуть достаточные основания для изменения категории безопасности, в которую был определен заключенный сначала.

Английская тюремная система по-прежнему остается одной из ведущих, а поэтому выступает образцом для аналогичных систем других стран.

В последние годы в рамках реализации мероприятий по реформированию уголовно-исполнительной системы России была проведена значительная работа по реальному обеспечению принципа отдельного

содержания подозреваемых и обвиняемых, осужденных впервые к лишению свободы и судимых неоднократно: «в 2010 г. осуществлены переводы из одной исправительной колонии в другую более 153 тыс. осужденных, в том числе 112 тыс. в учреждениях строгого режима и 41 тыс. – общего»¹².

Анализ результатов сепарации осужденных, проведенной на базе 25 исправительных колоний в 19 субъектах Российской Федерации, выявил положительные изменения, характеризующие состояние дисциплины и правопорядка: в среднем на 40% уменьшилось количество злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания, на 60% – неповиновений сотрудникам учреждений УИС¹³. При этом отмечено снижение уровня конфликтности и напряженности среди осужденных.

Еще одним важным мероприятием по преобразованию пенитенциарной системы явилось апробирование в исправительных учреждениях 9 субъектов Российской Федерации системы «социальных лифтов» – аттестования осужденных по ряду критериев (отбытый срок наказания, поведение) для получения объективной оценки вероятности их исправления и выработки на ее основании решения о замене условий отбывания наказания. Основной целью системы «социальных лифтов» является смягчение условий содержания для тех, кто встал на путь исправления, и ужесточение для тех, кто представляет реальную опасность для общества. Такой подход, по мнению специалистов, даст осужденному возможность выработать линию поведения, которая гарантировала бы смягчение наказания вплоть до условно-досрочного освобождения.

По данным ФСИН России, через систему аттестования прошли около 80 тыс. осужденных, три четверти (76%) из которых встали на путь исправления¹⁴. В этой связи в 2011 г. планируется распространить указанную систему на все учреждения УИС.

Таким образом, внимательное изучение зарубежной практики функционирования мест лишения свободы поможет снять ряд проблем российской пенитенциарной системы, сэкономить значительные ресурсы. В то же время механическое копирование отдельных элементов опыта других государств представляется недопустимым. Внедрять его следует только после глубокого научного осмысления и экспериментальной проверки.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Mills A. Historical Sketch of the system of transport of criminals. Colonial Constitutions. L., 1825. P. 340, 351.

² См.: Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. СПб., 1872. С. 661.

³ См.: Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М., 1924. С. 139.

⁴ Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке. С. 692–693.

⁵ См.: Познышев С.В. Очерки тюремоведения. М., 1915. С. 67, 68.

⁶ International congress on the prevention and repression of crime. Washington, 1872. P. 176 and next.

⁷ См.: Фойницкий И.Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. М., 2000. С. 371.

⁸ См.: Галкин-Враской М.Н. Материалы по изучению тюремного вопроса. СПб., 1868. С. 34.

⁹ Так, после посещения в 1846 г. Пентонвильской тюрьмы в Лондоне император Николай I распорядился построить в столице несколько тюрем по образцу английской. К сожалению, из-за отсутствия достаточных финансовых средств распоряжение императора так и осталось на бумаге (см.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1488. Оп. 5. Д. 51–53, 59).

¹⁰ См.: Свод законов Российской империи. СПб., 1896. Т. XIV.

¹¹ См.: Организация управления в уголовно-исполнительной системе: Учеб.: В 3 т. / Под общ. ред. Ю.Я. Чайки. Рязань, 2002. Т. 1. С. 153.

¹² См.: Выступление директора ФСИН России генерал-полковника внутренней службы А.А. Реймера на коллегии ФСИН России 25 февраля 2011 г. http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=11802

¹³ См.: Там же.

¹⁴ См.: Там же.

¹ См.: Mills A. Historical Sketch of the system of transport of criminals. Colonial Constitutions. L., 1825. P. 340, 351.

² См.: Jadrincev N.M. Russkaja obwina v tjur'me i ssylke. SPb., 1872. S. 661.

³ См.: Poznyshev S.V. Osnovy penitenciarnoj nauki. M., 1924. S. 139.

⁴ Jadrincev N.M. Russkaja obwina v tjur'me i ssylke. S. 692–693.

⁵ См.: Poznyshev S.V. Ocherki tjur'movedenija. M., 1915. S. 67, 68.

⁶ International congress on the prevention and repression of crime. Washington, 1872. P. 176 and next.

⁷ См.: Fojnickij I.Ja. Uchenie o nakazanii v svjazi s tjur'movedeniem. M., 2000. S. 371.

⁸ См.: Galkin-Vraskoj M.N. Materialy po izucheniju tjuremnogo voprosa. SPb., 1868. S. 34.

⁹ Так, после посещения в 1846 г. Пентонвильской тюрьмы в Лондоне император Николай I распорядился построить в столице несколько тюрем по образцу английской. К сожалению, из-за отсутствия достаточных финансовых средств распоряжение императора так и осталось на бумаге (см.: Российский государственный исторический архив. Ф. 1488. Оп. 5. Д. 51–53, 59).

¹⁰ См.: Svod zakonov Rossijskoj imperii. SPb., 1896. T. XIV.

¹¹ См.: Organizacija upravljenja v ugodovno-ispolnitel'noj sisteme: Uceb.: V 3 t. / Pod obw. red. Ju.Ja. Chajki. Rjazan', 2002. T. 1. S. 153.

¹² См.: Vystuplenie direktora FSIN Rossii general-polkovnika vnutrennej sluzhby A.A. Rejmera na kollegii FSIN Rossii 25 fevralja 2011 g. http://fsin.rf/news/index.php?ELEMENT_ID=11802

¹³ См.: Tam zhe.

¹⁴ См.: Tam zhe.

Система мер стимулирования правопослушного поведения несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, в пенитенциарном законодательстве зарубежных стран

М.В. ПРОХОРОВА – преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права, исполнения уголовных наказаний и криминологии Томского филиала Кзбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук

В статье рассматриваются вопросы, связанные с системой мер стимулирования правопослушного поведения несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, в современном зарубежном пенитенциарном законодательстве, проводится сравнительный анализ отечественных и зарубежных правовых основ стимулирования правопослушного поведения указанных лиц, формулируются основные положения, которые могут быть учтены при реформировании уголовно-исполнительного законодательства России, применяемого к несовершеннолетним, находящимся под стражей.

Ключевые слова: несовершеннолетние осужденные; лишение свободы; зарубежное пенитенциарное законодательство; система мер, стимулирующих правопослушное поведение; реформирование.

System of measures to stimulate legislative behaviour of the minors condemned to imprisonment in the penitentiary legislation of foreign countries

M.V. PROKHOROVA – the teacher of chair of the criminally-executive right, execution of criminal punishments and criminology Tomsk branch Kuzbass institute of Federal Penal Service of Russia, the candidate of jurisprudence

In article the questions connected with reflexion of system of measures to stimulate legislative behaviour of minors, condemned to imprisonment in modern foreign penitentiary legislation are considered. The comparative analysis of domestic and foreign legal bases of stimulation legislative behaviour of minors condemned is carried out. The author formulates high lights which can be used at reforming of the criminally-executive legislation of Russia with reference to the minors, leaving imprisonment.

Key words: minors condemned; imprisonment; foreign penitentiary legislation; system of the measures stimulating legislative behaviour; reforming.

В Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. указывается на необходимость разработки новых форм и методов исправительного воздействия на осужденных, а также дополнения системы мер поощрения иными стимулами к правопослушному поведению и активной ресоциализации. В связи с этим важное значение приобретает исследование опыта зарубежных стран.

Анализ зарубежного пенитенциарного законодательства говорит о том, что определение основных стимулов правопослушного поведения несовершеннолетних осужденных в целом характерно для всех рассмотренных государств. Однако организация стимулирования, а также структура его эле-

ментов и сущность конкретных мер в разных странах неодинаковы.

Одной из особенностей зарубежных правовых систем является различие в источниках мер стимулирования (поощрения) как на уровне правотворчества (обусловлено принадлежностью к той или иной правовой семье), так и в плане их закрепления.

В большинстве стран законодатель не ставит перед собой цели детальной регламентации условий отбывания наказания (как, например, в России) и мер стимулирования. При этом для ряда государств характерно двух- или трехуровневое регулирование системы стимулирования правопослушного поведения несовершеннолетних осужденных. В основном дифференциация проис-

ходит на уровне федеральных законов, подзаконных нормативных правовых актов и нормативных актов.

Разграничение источников мер стимулирования показывает, что в некоторых странах закрепление данных мер дифференцируется в зависимости от имеющихся средств обеспечения того или иного вида поведения и компетенции субъектов, исполняющих наказания в виде лишения свободы. Для стран, входящих в англосаксонскую и романо-германскую правовые семьи (Канада, США, Австралия, Франция, Германия и Испания), характерно определение на уровне федерального законодательства общих принципов построения системы стимулирования, а также порядка реализации его основных мер, связанных с денежным вознаграждением и досрочным освобождением. Остальные меры стимулирования регулируются территориально.

Например, закон Канады «Об уголовном правосудии в отношении несовершеннолетних»¹ устанавливает порядок организации уголовного судопроизводства и общие принципы пенитенциарной политики Канады, связанные с этой категории правонарушителей. Однако мер стимулирования он не содержит. Некоторые их виды закреплены в законах «О тюрьмах и реформаториях»² и «Об исправительных учреждениях и условном освобождении»³. В частности, в этих нормативных актах говорится о правилах условно-досрочного и условного освобождения.

В Северной Австралии перечень привилегий, таких как досрочное освобождение, денежное вознаграждение и пр., приводится в Тюремных (исправительных) правилах, а также законе о тюрьмах⁴ и других нормативных актах.

В США виды мер стимулирования заключенных фиксируются, как правило, в исправительных программах, утверждаемых подзаконными нормативными актами. Например, Уголовный кодекс Калифорнии⁵ содержит лишь общие положения об организации исполнения наказания в виде лишения свободы, а вопросы, связанные с поощрением заключенных, относит к содержанию отдельных исправительных программ.

В Испании закон «Об уголовной ответственности несовершеннолетних»⁶ также устанавливает лишь общие требования к исправительным центрам для подростков, права и обязанности этих учреждений. Что касается поощрений, то они в данном зако-

не не закрепляются, однако законодателем предусматривается их применение, регламентируемое другими законами и правилами. В частности, система вознаграждений описывается на ведомственном уровне в Тюремных правилах⁷ и приказе INT/3688/2007 от 30.11.2007 г.⁸

Отметим, что такое построение источников мер стимулирования прежде всего направлено на установление определенного баланса между статикой и динамикой законов и социально-психологическими особенностями несовершеннолетних.

В целом анализ зарубежного пенитенциарного законодательства позволяет сделать вывод о стремлении индивидуализировать процесс стимулирования правопослушного поведения несовершеннолетних осужденных путем установления открытого перечня поощрений и придания большей компетенции в решении данного вопроса субъектам, непосредственно исполняющим наказания в виде лишения свободы. Тем не менее определение общих принципов и целей лишения свободы является единым для всех участников процесса стимулирования правопослушного поведения осужденных подростков.

По своей структуре зарубежные системы мер стимулирования правопослушного поведения схожи с системой, существующей в России, в которой можно выделить поощрения (единичные изменяющие правовое положение осужденных в рамках режима, ведущие к освобождению) и потенциально стимулирующие меры. При этом объем и содержание мер поощрения характеризуются минимализмом и свидетельствуют направленности на удовлетворение мелких бытовых интересов осужденных (насущных потребностей).

Например, в Северной Австралии перечень льгот (единичных мер поощрения) содержится в Тюремных (исправительных) правилах. А в Испании детальную регламентацию единичные меры поощрения получают в приказе INT/3688/2007 от 30.11.2007 г. В частности, в рассматриваемом качестве могут выступать вознаграждения в виде культурно-просветительных (книги, ноутбуки, папки, ручки, компакт-диски и др.) и спортивных (спортивная одежда, обувь, сумки и т.д.) материалов. Также предусматриваются другие меры поощрения, связанные с оказанием финансовой помощи малоимущим заключенным (оплата транспортных расходов при выходе за пределы

тюрьмы, предоставление бесплатного телефонного звонка и т.д.), и денежные вознаграждения до 299 евро.

В США в большинстве случаев меры поощрения содержатся в типовых исправительных программах. Например, исправительная программа, связанная с привлечением осужденных к промышленной предпринимательской деятельности⁹, называет в качестве стимулов два вида мер поощрения: денежные и неденежные. Также мотивируют осужденных к участию в программе выдача им сертификатов профессиональной подготовки, увеличение шансов на последующее трудоустройство после освобождения, включение срока работ в трудовой стаж и др. При этом финансовым стимулом выступает вознаграждение, которое приравнивается к заработной плате. В некоторых штатах оно полагается даже за отдельные достижения, например за успешное прохождение очередного уровня программы¹⁰.

Меры, изменяющие правовое положение осужденных, на практике зачастую сопряжены с применением поощрений, носящих материальный характер.

Как меры, ведущие к освобождению от наказания, в зарубежном пенитенциарном законодательстве используются: условно-досрочное освобождение, помилование, сокращение срока наказания. Отметим, что ресоциализация несовершеннолетних осужденных, превалирующая в зарубежном законодательстве, обуславливает более важное значение в системе стимулирования именно мер, ведущих к освобождению. Вследствие этого такие меры получили более широкое содержание и основания для реализации.

Например, в Брунее Правила о местах заключения несовершеннолетних¹¹ предусматривают условно-досрочное освобождение для лиц, отбывших не менее года в исправительном учреждении и продемонстрировавших хорошее поведение. Закон Канады «О тюрьмах и реформаториях» действует в отношении несовершеннолетних с учетом положений закона «Об уголовном правосудии в отношении несовершеннолетних» и закрепляет в качестве поощрения так называемую ремиссию (сокращение) срока наказания до 15 дней. Закон Афганистана¹² «О поощрениях и наказаниях заключенных»¹³ высшей мерой поощрения признает помилование, реализуемое в честь религиозных или национальных праздников. В каче-

стве другой меры поощрения используется Khoms, под которым понимается обычное сокращение срока наказания в конце каждого месяца на шесть дней. При этом Khoms применяется, если назначенный срок заключения имеет продолжительность не менее шести месяцев.

Потенциально стимулирующие меры представлены в зарубежном пенитенциарном законодательстве в виде отпусков. Их реализация связывается именно с целью ресоциализации несовершеннолетних и не носит двойственного характера, как, например, передвижение без сопровождения за пределами воспитательных колоний или отпуска, принятые в российском уголовно-исполнительном законодательстве.

Статья 97 Закона Канады «Об уголовном правосудии в отношении несовершеннолетних» в рамках реализации программы по реинтеграции предусматривает предоставление подростку отпуска продолжительностью до 30 дней, в период пребывания в котором на него могут возлагаться определенные обязанности: явка в полицию для регистрации, посещение образовательного учреждения, невступление в общение с лицами, способными оказать отрицательное воздействие.

Предоставление заключенным отпусков также допускается и законом Афганистана «О тюрьмах и центрах заключения». Так, согласно ст. 37 лица, содержащиеся под стражей, могут получать длительные (до 20 дней) и краткосрочные (до 7 дней) отпуска. Длительные отпуска предоставляются заключенным в целях поддержания нормальных отношений с семьями, а также стимулирования хорошего поведения как в пределах тюрьмы, так и на свободе.

В Исландии закон «Об исполнении приговоров»¹⁴ наряду с краткосрочными и длительными предусматривает так называемые однодневные регулярные отпуска, предназначенные для встречи с родственниками или друзьями. Они предоставляются с разрешения директора учреждения заключенным, находящимся под стражей не менее года, и продолжаются не более 14 часов.

Закон Канады «О тюрьмах и реформаториях» регламентирует также программы временного отсутствия заключенных, которые призваны обеспечить реинтеграцию последних в общество как законопослушных граждан (ст. 7). Срок временного отсутствия может достигать 60 дней. В это время заключенный может проходить производ-

ственную практику, посещать образовательные курсы и т.д.

Следует отметить, что отличия в источниках закрепления мер стимулирования обуславливают разный объем компетенции субъектов, исполняющих наказания в виде лишения свободы. В некоторых странах она заключается не только в определении порядка применения поощрений, но и в установлении их видов. В большей степени это относится к странам, входящим в англосаксонскую правовую семью (США, Англия, Австралия), в которых принята прогрессивная система исполнения наказаний.

Например, в Северной Австралии к исключительной компетенции директора исправительного учреждения относится решение вопросов, связанных с определением мер поощрения, дополнительных льгот, порядка и условий предоставления отпусков, а также размеров денежного вознаграждения, но все это он осуществляет в рамках соблюдения общих требований законодательства.

Известно, что в России уголовно-исполнительное законодательство и, следовательно, формирование системы мер стимулирования правопослушного поведения находятся в исключительном ведении Федерации. С одной стороны, данное положение предопределяет вертикальный характер регулирования уголовно-исполнительной политики государства и определения целей наказания, а также средств их достижения, а с другой – оно исключает возможность дифференциации воздействия на несовершеннолетних осужденных в целях стимулирования их правопослушного поведения.

В связи с этим необходимо обратиться к представленному нами пенитенциарному опыту зарубежных стран, в которых определением основных направлений воспитательного воздействия занимаются органы центральной власти, а решением педагогико-организационных вопросов – органы ведомственной или территориальной власти. В большей степени это касается разработки типовых исправительных программ как эффективного средства дифференциации и индивидуализации стимулирования правопослушного поведения осужденных.

Внедрение типовых исправительных программ в российскую пенитенциарную систему позволит уйти от коллективизма в воспитании, обеспечить дифференциацию и индивидуализацию процесса исправления осужденных.

Необходимо зафиксировать основные моменты, которые могут быть использованы при реформировании уголовно-исполнительного законодательства России, применяемого к несовершеннолетним, отбывающим лишение свободы: во-первых, это разграничение компетенций, касающихся определения системы мер стимулирования правопослушного поведения, на уровне законов и подзаконных нормативных актов; во-вторых, разработка типовых исправительных программ как средства обеспечения дифференциации стимулирующих мер; в-третьих, внедрение новых видов поощрений, а также достижение определенного баланса между статикой и динамикой правовой системы мер стимулирования и потребностями заключенных.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Youth Criminal Justice Act. <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/Y-1.5/index.html>

² См.: Prisons and Reformatories Act. <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/P-20/index.html>

³ См.: Corrections and Conditional Release Act. <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-44.6/index.html>

⁴ См.: Prisons (Correctional Services) Act. http://www.austlii.edu.au/au/legis/nt/consol_act/psa337/

⁵ См.: California Penal Code. <http://www.leginfo.ca.gov/cgi-bin/calawquery?code=pen&codebody=&hits=20>

⁶ См.: Ley Org nica, reguladora de la responsabilidad penal de los menores. <http://www.derecho.com/l/boe/ley-organica-5-2000-reguladora-responsabilidad-penal-menores/impresion.html>

⁷ См.: Real Decreto, por el que se aprueba el Reglamento Penitenciario. <http://www.derecho.com/l/boe/real-decreto-190-1996-aprueba-reglamento-penitenciario/impresion.html>

⁸ См.: Orden Int/3688/2007, de 30 de noviembre, por la que se aprueban las bases reguladoras de concesión de ayudas asistenciales a internos en prisión, liberados condicionales y familiares de ambos y de ayudas para la realización de salidas programadas, terapéuticas y concesión de premios

¹ Sm.: Youth Criminal Justice Act. <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/Y-1.5/index.html>

² Sm.: Prisons and Reformatories Act. <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/P-20/index.html>

³ Sm.: Corrections and Conditional Release Act. <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-44.6/index.html>

⁴ Sm.: Prisons (Correctional Services) Act. http://www.austlii.edu.au/au/legis/nt/consol_act/psa337/

⁵ Sm.: California Penal Code. <http://www.leginfo.ca.gov/cgi-bin/calawquery?code=pen&codebody=&hits=20>

⁶ Sm.: Ley Org nica, reguladora de la responsabilidad penal de los menores. <http://www.derecho.com/l/boe/ley-organica-5-2000-reguladora-responsabilidad-penal-menores/impresion.html>

⁷ Sm.: Real Decreto, por el que se aprueba el Reglamento Penitenciario. <http://www.derecho.com/l/boe/real-decreto-190-1996-aprueba-reglamento-penitenciario/impresion.html>

⁸ Sm.: Orden Int/3688/2007, de 30 de noviembre, por la que se aprueban las bases reguladoras de concesión de ayudas asistenciales a internos en prisión, liberados condicionales y familiares de ambos y de ayudas para la realización de salidas programadas, terapéuticas y concesión de premios

sas para los internos en prisi n, en el mbito de competencias del Ministerio del Interior. <http://www.derecho.com/l/boe/orden-int-3688-2007-30-noviembre-aprueban-bases-reguladoras-concesion-ayudas-asistenciales-internos-prision-liberados-condicionales-familiares-ambos-ayudas-realizacion-salidas-programadas-terapeuticas-concesion-premios-recompensas-internos-prision-ambito-competencias-ministerio-interior/impresion.html>

⁹ См.: Miller R., Sexton G., Jacobsen V. *Developing a Jail Industry*. Washigton, 2002. P. 56.

¹⁰ См.: Там же. P. 45.

¹¹ См.: *Criminal Procedure Code (Chapter 7) Youthful Offenders (Places Of Detention) Rules*. <http://www.commonlii.org/bn/legis//cpc7yoodr693>

¹² Следует отметить, что, хотя в 2005 г. в Афганистане и был принят Ювенальный кодекс (см.: Juvenile Code. 2005. <http://www.asianlii.org/af/legis/laws/jlcogn846p2005032313840103a495.txt/cgibin/download.cgi/download/af/legis/laws/jlcogn846p2005032313840103a495.rtf>), на практике в исправительные центры помещаются несовершеннолетние, попавшие в трудную жизненную ситуацию или совершившие мелкие преступления. Все остальные несовершеннолетние отбывают лишение свободы в общих тюрьмах, соответственно, в их отношении применяется общее пенитенциарное законодательство.

¹³ См.: *Law Of Reward And Punishment Of Prisoners In Afghanistan*. <http://www.asianlii.org/af/legis/laws/lorapop411/>

¹⁴ См.: *Execution of Sentences Act*. <http://eng.domsmalaraduneyti.is/laws-and-regulations/nr/1351>

y recompensas para los internos en prisi n, en el mbito de competencias del Ministerio del Interior. <http://www.derecho.com/l/boe/orden-int-3688-2007-30-noviembre-aprueban-bases-reguladoras-concesion-ayudas-asistenciales-internos-prision-liberados-condicionales-familiares-ambos-ayudas-realizacion-salidas-programadas-terapeuticas-concesion-premios-recompensas-internos-prision-ambito-competencias-ministerio-interior/impresion.html>

⁹ Sm.: Miller R., Sexton G., Jacobsen V. *Developing a Jail Industry*. Washigton, 2002. R. 56.

¹⁰ Sm.: Tam zhe. P. 45.

¹¹ Sm.: *Criminal Procedure Code (Chapter 7) Youthful Offenders (Places Of Detention) Rules*. <http://www.commonlii.org/bn/legis//cpc7yoodr693>

¹² Sleduet otmetit', chto, hotja v 2005 g. v Afganistane i byl prinjat Juvenal'nyj kodeks (sm.: Juvenile Code. 2005. <http://www.asianlii.org/af/legis/laws/jlcogn846p2005032313840103a495.txt/cgibin/download.cgi/download/af/legis/laws/jlcogn846p2005032313840103a495.rtf>), na praktike v ispravitel'nye centry pomewajutsja nesovershennoletnie, popavshie v trudnuju zhiznennuju situaciju ili sovershivshie melkie prestuplenija. Vse ostal'nye nesovershennoletnie otbyvajut lishenie svobody v obwih tjur'mah, sootvetstvenno, v ih otnoshenii primenjaetsja obwee penitenciarное zakonodatel'stvo.

¹³ Sm.: *Law Of Reward And Punishment Of Prisoners In Afghanistan*. <http://www.asianlii.org/af/legis/laws/lorapop411/>

¹⁴ Sm.: *Execution of Sentences Act*. <http://eng.domsmalaraduneyti.is/laws-and-regulations/nr/1351>

ПРИГЛАШАЕМ К ДИСКУССИИ

Государственная измена и шпионаж: вопросы освобождения от уголовной ответственности

А.Г. АНТОНОВ – заместитель начальника Кузбасского института ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент

В статье анализируется содержание примечания к ст. 275 УК РФ, приводятся варианты его возможного толкования, исследуются различные точки зрения и подходы и вносятся предложения по его совершенствованию.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности; государственная измена; шпионаж; позитивная постпреступная деятельность; ущерб.

Treason and espionage: questions of exemption from criminal responsibility

A.G. ANTONOV – deputy head for science of the federal state institution of higher professional education Kuzbass Institute of the Federal Penal Service, candidate of law sciences, associate professor

The author of the article analyzes the content of the notes to Art. 275 of the Criminal Code of the Russian Federation, provides options to its possible interpretations, the various points of view and the approaches existing in the theory and in practice, and makes suggestions for improvement of the norm.

Key words: exemption from criminal responsibility; treason; espionage; positive postcriminal activity; damage.

По данным ГИАЦ МВД России, за период с 2006 по 2010 гг. в нашей стране было зарегистрировано всего 22 преступления, предусмотренных ст. 275 УК РФ «Государственная измена», и 8 преступлений, предусмотренных ст. 276 УК РФ «Шпионаж». Но даже небольшое их количество наносит значительный ущерб государству. Вред от них распространяется в той или иной мере и на общество в целом, и на личность в отдельности. Для нейтрализации общественной опасности указанных преступлений законодатель включил в УК РФ примечание к ст. 275. Согласно ему «лицо, совершившее преступления, предусмотренные настоящей статьей, а также статьями 276 и 278 настоящего Кодекса, освобождается от

уголовной ответственности, если оно добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

В ст. 275 УК РФ речь идет о шпионаже, выдаче государственной тайны или ином оказании помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям, проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации.

Исследуемое примечание можно применить после окончания преступления, то есть с момента совершения указанных деяний,

так как оно не является добровольным отказом¹. Поэтому ошибочно мнение, что примечание к ст. 275 УК РФ есть частный случай добровольного отказа на стадии оконченного покушения².

Позитивная посткриминальная деятельность виновного в данном случае выражается в добровольном и своевременном сообщении органам власти о совершенном преступлении. Добровольным является такое сообщение, которое сделано по собственной воле виновного³. При этом согласно примечанию к ст. 275 УК РФ такое сообщение предполагает предотвращение ущерба. Альтернативным условием для освобождения от уголовной ответственности законодатель считает «способствование предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации иным образом». В данном случае речь идет о несуществующем ущербе, который еще возможно предотвратить. Таким образом, в исследуемой норме закрепляется одно основание для освобождения от уголовной ответственности – предотвращение ущерба одним из двух альтернативных способов.

Обратимся к первому способу предотвращения вреда интересам Российской Федерации. Как было сказано, он заключается в добровольном и своевременном сообщении органам власти о совершенном преступлении. Способствование следует рассматривать в связи со своевременностью сообщения. Под последней понимается сообщение об изменческих действиях до того, как они стали систематическими и причинили значительный и невосполнимый ущерб внешней безопасности Российской Федерации⁴. Для освобождения от уголовной ответственности по исследуемому основанию не обязательно, чтобы ущерб был предотвращен фактически: достаточно этому способствовать путем добровольного и своевременного сообщения о совершенном преступлении, так как согласно примечанию к ст. 275 УК РФ добровольность свидетельствует о снижении общественной опасности виновного, а своевременность дает возможность компетентным органам предотвратить ущерб.

Однако рассматриваемое позитивное постпреступное поведение виновного зачастую может представлять собой способ избежать уголовной ответственности. Представим ситуацию, когда лицо, сотрудничавшее с иностранной организацией, разглашавшее государственную тайну, ока-

зывавшее иную помощь (сбор, похищение, хранение, передача сведений) иностранному государству за денежное вознаграждение, посчитало себя достаточно обогатившимся и обратилось в уполномоченный орган с сообщением о совершенном преступлении, предварительно согласовав свою явку с повинной с иностранными партнерами. Согласно примечанию к ст. 275 УК РФ это лицо должно быть освобождено от уголовной ответственности.

Лица, имеющие доступ к государственной тайне, в большинстве своем высокопоставленные и образованные люди. Решившись на государственную измену, они постараются избежать уголовной ответственности и заранее спланируют варианты отступления. Если, например, участник незаконного вооруженного формирования наверняка не знает о примечании к ст. 208 УК РФ (освобождение от уголовной ответственности участника незаконного вооруженного формирования), то можно предположить, что человек, допущенный к государственной тайне, осведомлен о примечании к ст. 275 УК РФ. Поэтому в данном случае признак своевременности предотвращения ущерба может быть истолкован как отказ виновного от дальнейшей преступной деятельности наряду с предоставлением незначимой информации о ней. Следовательно, необходимо дополнительно закрепить в исследуемом примечании положение о нейтрализации (заглаживании) причиненного ущерба.

Как отмечалось выше, обращению виновного в органы власти предусмотрена альтернатива: он может «иным образом способствовать предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации», чтобы быть освобожденным от уголовной ответственности. В данном случае речь идет о совершенном преступлении, поэтому в примечании говорится о способствовании предотвращению дальнейшего ущерба, так как какой-то ущерб уже имеется⁵. При этом следует отметить, что категория «дальнейший ущерб» может трактоваться неоднозначно.

В литературе отмечается, что предотвращение дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации иным способом означает, что виновный не допускает наступление большего ущерба безопасности Российской Федерации своими собственными действиями без сообщения в органы власти, например нейтрализует свою помощь иностран-

ному агенту либо разоблачает его⁶. При этом согласно примечанию к ст. 275 УК РФ виновный может и не предотвращать ущерб от своей преступной деятельности, а только способствовать его предотвращению. Тем самым усмотрение правоприменителя в данном случае практически не ограничено.

Следует отметить, что оценка объема и степени ущерба, а также и его предотвращения напрямую зависит от вида альтернативной объективной стороны ст. 275 УК РФ. Одним из закрепленных в диспозиции данной статьи деяний является шпионаж. Можно выделить два его вида. Первый состоит в передаче, а равно собирании, похищении или хранении в целях передачи иностранному государству, иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну. Второй проявляется в передаче или собирании по заданию иностранной разведки иных сведений для использования их в ущерб внешней безопасности Российской Федерации. После передачи данных возможность предотвращения ущерба сводится к минимуму. В результате такого действия иностранное государство, иностранная организация или их представители будут располагать конкретной информацией. Однако при своевременном сообщении об утечке возможна реакция нашего государства, нейтрализующая действия другого государства по реализации полученных сведений. Например, если предатель раскрыл агента и есть время отвести от того опасность, то существует возможность предотвращения дальнейшего ущерба. Однако в данном случае имеют место и предотвращение ущерба, и его нейтрализация (заглаживание), так как для подобных случаев последняя типична.

Не всегда можно предотвратить дальнейший ущерб при передаче сведений, составляющих государственную тайну, а также при ее выдаче (например, при получении иностранным государством, иностранной организацией или их представителями новой секретной оборонной разработки). В этом случае нет возможности избежать нанесения ущерба в полной мере. Однако некоторые действия для его нейтрализации (заглаживания вреда) виновный может совершить, например разоблачить своего вербовщика, дать правдивые показания и т.п.

Таким образом, реальное предотвращение дальнейшего ущерба интересам нашей страны нужно оценивать применительно к конкретной ситуации. Слово «дальнейший»

уже рассматривается правоприменителем, и возможно появление более широкого его толкования, например, как прекращения дальнейшей преступной деятельности виновного. Поэтому, если дальнейший ущерб нельзя предотвратить, то необходимо предоставить виновному возможность нейтрализовать (загладить) его, если это еще возможно.

Вместе с тем собирание, похищение и хранение сведений, упомянутых в данной статье, предполагает реальное предотвращение ущерба. Они могут быть возвращены в надлежащий орган, и безопасность России не пострадает. Если виновный вовремя одумался, то у него есть шанс не быть привлеченным к уголовной ответственности.

Что касается иного оказания помощи иностранному государству, иностранной организации или их представителям в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, то здесь речь идет о преступлениях, не относящихся к шпионажу и выдаче государственной тайны⁷. Это могут быть самые разнообразные действия вплоть до предоставления пищи агенту иностранной разведки. При применении примечания к ст. 275 УК РФ по указанным фактам необходимо учитывать способствование нейтрализации (заглаживанию) именно реального ущерба от совершенного деяния, а не только дальнейшего.

Считаем необходимым отметить, что предотвратить возможно только ущерб, который еще не состоялся (не нанесен), поэтому в тексте примечания к ст. 275 УК РФ излишне использование термина «дальнейший ущерб».

Таким образом, исследуемое примечание следует изменить, добавив к предотвращению дальнейшего ущерба еще одно условие освобождения от уголовной ответственности – нейтрализацию (заглаживание) ущерба, и тем самым закрыть для государственных преступников «лазейку», которая существует сейчас. Предлагаемые корректировки будут стимулировать виновного к сведению вреда от его противоправных деяний к минимуму, а также позволят избежать практически неограниченного толкования результатов позитивной постпреступной деятельности, которое в настоящее время вызывается фразой «предотвращение дальнейшего ущерба».

Оценка возможности применения примечаний к ст. 275 и 276 УК РФ идентична, поэтому указанные выше предложения в полной мере можно отнести и к ст. 276 УК РФ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Ендольцева Л.В. Институт освобождения от уголовной ответственности: теоретические, законодательные и правоприменительные проблемы: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 320.

² См.: Там же. С. 321.

³ См.: Арсентьева Ю.В. Специальные виды освобождения от ответственности по уголовному законодательству России: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 147–148.

⁴ См.: Ермакова Е.Д. Специальные случаи освобождения от уголовной ответственности в уголовном праве России: Дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2006. С. 142.

⁵ См.: Шакиров Х.С. **Общий и специальные виды освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием:** Дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2005. С. 141.

⁶ См.: Крепышев А.М. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности: Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. С. 140–141.

⁷ Речь идет о физической или интеллектуальной, технической и содержательной помощи представителю иностранного государства или организации.

¹ См.: Endol'ceva L.V. Institut osvobozhdenija ot ugovolnoj otvetstvennosti: teoreticheskie, zakonodatel'nye i pravoprimenitel'nye problemy: Dis. ... d-ra jurid. nauk. M., 2005. S. 320.

² См.: Tam zhe. S. 321.

³ См.: Arsent'eva Ju.V. Special'nye vidy osvobozhdenija ot otvetstvennosti po ugovolnomu zakonodatel'stvu Rossii: Dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2007. S. 147–148.

⁴ См.: Ermakova E.D. Special'nye sluchai osvobozhdenija ot ugovolnoj otvetstvennosti v ugovolnom prave Rossii: Dis. ... kand. jurid. nauk. Rjazan', 2006. S. 142.

⁵ См.: Shakirov X.S. Obvij i special'nye vidy osvobozhdenija ot ugovolnoj otvetstvennosti v svjazi s dejatel'nym raskajaniem: Dis. ... kand. jurid. nauk. Kazan', 2005. S. 141.

⁶ См.: Krepyshev A.M. Dejatel'noe raskajanie kak osnovanie osvobozhdenija ot ugovolnoj otvetstvennosti: Dis. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod, 2000. S. 140–141.

⁷ Rech' idet o fizicheskoj ili intellektual'noj, tehniceskoj i soderzhatel'noj pomoci predstavitelju inostrannogo gosudarstva ili organizacii.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Структура полицейских органов России по «Уставу благочиния, или полицейскому»

И.А. ОБЛИЦОВ – аспирант Института управления (г. Архангельск), юрист-консульт отдела вневедомственной охраны при ОВД г. Архангельска

В статье идет речь об «Уставе благочиния, или Полицейскому», подписанном в 1782 г. Екатериной II и, по мнению автора, положившем начало формированию в России полицейского права. Обращается внимание на отражение процессов преобразования общественно-политической жизни России в реформировании и совершенствовании структуры правоохранительных органов и направлений их деятельности.

Ключевые слова: устав; благочиние; полиция; реформа; история государства и права.

About the police structure in Russia in accordance with «deanery or police statute»

I.A. OBLITZOV – postgraduate Institute of management (Arkhangelsk), the legal adviser of Department of private security at department of internal affairs of Arkhangelsk

Conversion processes of social and political life in Russia are reflected in all areas including reforming and improving the structure and activities of law enforcement. Charter of the dean or Police, signed by Catherine II in 1782 became the basis for the formation of a new branch of law – the police law.

Key words: charter; deanery; police; reform; theory of state and right.

Развитие общественных отношений в Российской империи в XVIII в. обусловило необходимость создания специальных органов, призванных поддерживать порядок и безопасность в общественных местах. Впервые полицейские подразделения были созданы Петром I в Санкт-Петербурге в 1718 г. с введением должности генерал-полицмейстера, в обязанности которого входила организация работы по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности¹.

Первоначально штат полиции состоял из заместителя генерал-полицмейстера, 4 офицеров и 36 нижних чинов. Полицейские не только следили за порядком в городе, но и выполняли ряд хозяйственных функций: занимались благоустройством города,

уборкой мусора и т.д. Кроме того, они обладали полномочиями судебной инстанции и могли назначать наказание по уголовным делам.

Первые полицейские подразделения почти повсеместно назывались полицейскими конторами и в отличие от современных органов внутренних дел находились только в вертикальном подчинении, представляли собой единый централизованный орган². Обязанности по поддержанию общественного порядка исполнялись ими как на постоянной, так и на временной основе. Часто данные функции возлагались на неподготовленных людей, даже на крестьян. В связи с этим деятельность полиции была низкоэффективной. Чтобы изменить сложившуюся ситуацию, генерал-полицмей-

стер в 1721 и 1723 гг. вносил предложения о введении должностей профессиональных работников полиции³.

В 1755 г. Екатерина II осуществила административную реформу, приняв «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи»⁴. В нем была предпринята попытка отделить суд от администрации, но председателей всех судов предполагалось назначить правительством, следовательно, представители сословий могли избирать только заседателей. При этом целый ряд дел рассматривался городскими полицейскими органами, продолжала существовать и действовать вотчинная юстиция⁵, планировалось создание специальных органов полицейского управления нижних земских судов, возглавляемых земскими исправниками.

В 1779–1781 гг. шла работа над проектом «Устава благочиния», который был опубликован в 1782 г. Он включал в себя 14 глав и 274 статьи. Данный документ регламентировал структуру полицейских органов, их систему и основные направления их деятельности, содержал перечень деяний, попадающих в сферу внимания полиции. В соответствии с ним полицейскими органами в городах стали управы благочиния – коллегиальные образования, в состав которых входили полицмейстеры, обер-коменданты, или городничие, приставы гражданских и уголовных дел, выборные от граждан (ратманы-советники).

По мнению отечественных ученых, и Петр Великий, и Екатерина II своими реформами стремились выделить полицию из других государственных служб, привлечь к полицейскому управлению общественность.

Новаторство «Устава благочиния» состояло в том, что он вводил специальные должности служащих городской полиции, более четко определял задачи и компетенции ведомства.

В отношении управы благочиния в ст. 30 указывалось, что она должна «иметь бдение, дабы в городе сохранены были благочиние, добронравие и порядок», «чтоб предписанное законами полезное повсюду в городе исполняемо и сохраняемо было, а в случае же нарушения оных управа благочиния по состоянию дела, несмотря ни на какое лице, всякого должна приводить к исполнению предписанного законом», что «управа благочиния одна в городе право имеет приводить в действие повеления правления, решения палат и прочих судов и чинить отказы домов и мест в городе, предместье и на городских землях»⁶.

«Устав благочиния» устанавливал перечень правонарушений, по которым суд осуществляла сама полиция, например, действия, направленные против православной веры и богослужения, нарушающие общественный порядок, связанные с нарушением законов или решений полицейских властей, несоблюдением норм благочиния (пьянство, азартные игры, брань, непотребное поведение, самовольная застройка и др.), порядка управления или суда (взяточничество), преступления против личности, имущества и др.⁷

Полиция могла применять санкции только за некоторые правонарушения, в большинстве случаев ограничивалась наказаниями в виде штрафа, запрещения определенной деятельности, порицания, ареста на несколько суток, заключения в работный дом. Как правило, она проводила предварительное следствие и передавала материалы в судебные инстанции. При этом следствие по политическим преступлениям исключалось. Как видим, полномочия полиции были недостаточно широкими.

В этот период полиция была децентрализована, ее органы подчинялись губернаторам, а генерал-полицмейстер руководил фактически только столичной полицией.

Во второй половине XIX в. Александр II принял меры к реформированию полиции, утвердив в 1859 г. «Главные начала для устройства уездной полиции». Новые преобразования были связаны с исключением из перечня ее обязанностей следственных и хозяйственно-распорядительных функций. В июле 1860 г. был учрежден институт судебных следователей, на которых возлагалось осуществление следственных мероприятий. В дальнейшем согласно «Временным правилам об устройстве полиции в городах и уездах губерний, по общему учреждению управляемых» (1862) городская и земская полиция были объединены в уездную⁸. При этом в столицах и губернских городах сохранялось их разделение.

Структурной единицей полиции оставался участок с участковым приставом, офицером, канцелярским служащим. Он делился на околотки. Околоточные надзиратели руководили городскими постовой службой и дворниками как низшими чинами полиции⁹.

Перемены, предусмотренные временными правилами, не меняли существовавшей системы управления полицией. Как было сказано, городскую и уездную полицию объединили в уездное полицейское управление, в связи с чем уездный исправ-

ник, руководивший этим управлением, стал опорой губернатора. С 1874 г. в его ведение перешли вопросы, которые ранее относились к компетенции земских мировых посредников.

Реформа российской полиции в начале XX в. предусматривала внесение существенных изменений в структуру системы и методы ее работы. Однако при сложной организации деятельность полиции не имела четкой законодательной регламентации. Она регулировалась множеством узаконенных и распоряжений, изданных в разное время, не всегда согласованных между собой и во многих случаях устаревших. Так, директор департамента полиции А.А. Лопухин (1902–1905 гг.) писал: «Отсутствие специального сборника правил об устройстве полиции и ее службы, полицейского устава составляет пробел в своде законов, особенно существенный ввиду исключительной сложности полицейских учреждений в Рос-

сии... Существовали, да могут и теперь оказаться такие относящиеся к полиции распоряжения законодательной власти, которые в Свод законов и не вносились и даже не публиковались»¹⁰.

Радикальные меры по перестройке полиции потребовались после революции 1905 г., изменившей условия политической и общественной жизни в России. Однако имевшиеся проекты полицейской реформы были несовершенны и остались нереализованными.

Вступивший в силу с 01.03.2011 г. Федеральный закон Российской Федерации «О полиции»¹¹ не только сохранил, но и модернизировал положения рассмотренного устава. Ярким примером тому могут служить ст. 10 и 8 указанного закона, предусматривающие взаимодействие и сотрудничество полиции с государственными органами, органами местного самоуправления, общественными объединениями, организациями и гражданами.

■ ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дугенец А.С., Мухортов А.А. Организационно-правовые формы деятельности городской полиции России в конце XVIII в. // Административное право и процесс. 2007. № 5. С. 23–25.

² См.: Там же.

³ См.: Дугенец А.С. Создание полиции в городах России в XVIII веке // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. Иркутск, 2002. С. 21.

⁴ См.: Исаев И.А. История государства и права России. М., 2006.

⁵ См.: Там же.

⁶ Законодательство Екатерины II: В 2 т. М., 2000. Т. 1. С. 561.

⁷ См.: Исаев И.А. История государства и права России.

⁸ См.: ПСЗ. Т. XXXVII. № 39087.

⁹ См.: Седунов А.В. Реформирование исполнительной полиции России во второй половине XIX – начале XX в. // Миграционное право. 2006. № 3. С. 25–29.

¹⁰ Лопухин А.А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее Российской империи. М., 1907.

¹¹ Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Российская газета. 2011. 8 февр.

¹ См.: Dugeneц A.S., Muhortov A.A. Organizacionno-pravovye formy dejatel'nosti gorodskoj policii Rossii v konce XVIII v. // Administrativnoe pravo i process. 2007. № 5. S. 23–25.

² См.: Tam zhe.

³ См.: Dugeneц A.S. Sozdanie policii v gorodah Rossii v XVIII veke // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. Irkutsk, 2002. S. 21.

⁴ См.: Isaev I.A. Istorija gosudarstva i prava Rossii. M., 2006.

⁵ См.: Tam zhe.

⁶ Zakonodatel'stvo Ekateriny II: V 2 t. M., 2000. T. 1. S. 561.

⁷ См.: Isaev I.A. Istorija gosudarstva i prava Rossii.

⁸ См.: PSZ. T. XXXVII. № 39087.

⁹ См.: Sedunov A.V. Reformirovanie ispolnitel'noj policii Rossii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. // Migracionnoe pravo. 2006. № 3. S. 25–29.

¹⁰ Lopuhin A.A. Iz itogov sluzhebnogo opyta. Nastojawee i buduwee Rossijskoj imperii. M., 1907.

¹¹ Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 07.02.2011 g. № 3-FZ «O policii» // Rossijskaja gazeta. 2011. 8 fevr.

Становление уголовной ответственности и регламентация наказания за преступления экстремистской направленности в России

А.В. ПЕТРЯНИН – докторант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

В статье рассматриваются проблемы юридической оценки и регламентации уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности в России до 1715 г. Также автором осуществлен сопоставительный анализ юридического содержания экстремизма в настоящее время и в указанный период на основе соответствующих памятников русского уголовного права.

Ключевые слова: экстремизм; уголовная ответственность за терроризм и экстремизм; история уголовного права; уголовно-правовая защита российской государственности.

The Formation of Criminal Liability and Regulation of Penalty for Extremist Orientation Crimes in Russia

A.V. PETRYANIN – a person working for doctor's degree at the Criminal and Criminal Executive Law chair of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law sciences, docent

Some problems of a legal estimation and regulation of criminal liability for crimes of extremist orientation in Russia before 1715 are considered in the article. The author made the comparative analysis of legal content of extremism at present and in some corresponding previous articles of the Russian Criminal Law.

Key words: extremism; criminal liability for terrorism and extremism; the history of the Criminal Law; the criminal-legal protection of the Russian state system.

В связи с отсутствием в проанализированных нами правовых памятниках российского законодательства об ответственности за преступления экстремистской направленности законодательного определения экстремизма, с нашей точки зрения, таковыми целесообразно считать общественно опасные деяния, посягающие на безопасность государства, содержащие при этом в себе признаки политической, расовой, религиозной ненависти или вражды. Для более глубокого и полного изучения рассматриваемой проблемы мы предлагаем все правовые источники анализировать с позиций современного российского уголовного права.

По нашему мнению, появление экстремизма в России и мире следует связывать с моментом зарождения государственности и разделением общества на классы. Возникновение данного института породило легализацию власти меньшинства над большинством, приносящей материальные

выгоды и дающей возможности достижения целей всеми средствами, доступными на конкретном историческом этапе. Данное обстоятельство явилось причиной появления несогласных с политикой меньшинства, стоящего во главе государства. Желание овладеть властью оправдывало любые средства, применяемые экстремистами, такие как убийство, насильственное свержение существующего строя, террористические акции и т.п. Использование самых радикальных методов и способов противостояния усиливало позиции экстремистов, подрывая при этом авторитет правящих сил и безопасность государства. Учитывая вышеизложенные обстоятельства, следует констатировать, что экстремизм всегда имеет политический оттенок и особым образом проявляется в периоды обострения политических и социально-экономических противоречий. Например, П.А. Кропоткин считал, что терроризм в

России как наиболее радикальная форма проявления экстремизма был порожден политической борьбой, происходящей на конкретном историческом этапе: «Он жил и умер. Он может вновь воскреснуть и вновь умереть»¹.

Первый всплеск экстремизма в древнерусском государстве совпал с возникшей после смерти Владимира Святославовича борьбой князей за власть. Противостояние наследников породило народные восстания, подорвавшие авторитет киевского княжества и усилившие власть отдельных феодалов. Например, в 1113 г. признанный киевской знатью князь Владимир Мономах в целях предупреждения массовых волнений на время объединил основную часть русских княжеств. Непрерывные распри феодалов приводили к ухудшению внешнеполитического положения страны, лишая ее сил для борьбы с внешними врагами, что привело к окончательному распаду древнерусского государства².

Первоначально экстремизм имел чисто политический оттенок, так как являлся основным инструментом решения политических споров и способом борьбы за власть. Чаще всего свое проявление он находил в совершении убийств политических лидеров государства. Например, убив князей Бориса и Глеба, их двоюродный брат Святополк устранил претендентов на власть и получил возможность занять великокняжеский пост. На том историческом этапе под охрану закона ставились интересы не только человека, но и государства. В частности, наказуемыми были деяния, причиняющие ущерб государству и государственным органам. К ним относились: измена, восстание против князя, переход на сторону врага. Подчеркивая высокую общественную опасность преступлений, посягающих на государственную власть, законодатель рассматриваемого исторического периода установил наиболее суровые виды наказаний за их совершение. Например, за государственную измену Псковская ссудная грамота предусматривала лишь один вид наказания – смертную казнь³.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод, что уже в то время экстремизм принимал огромный размах и причинял серьезный ущерб государству, но тогда еще не было совершенной правовой базы, регулирующей эту сферу отношений, поэтому единственным вариантом предотвращения негативных проявлений было ужесточение ответственности.

Первым кодифицированным правовым памятником Русского государства стал Судебник 1497 г. Данный нормативный акт закрепил принципы централизации суда и управления, что повлияло на усиление позиций государственности. Судебник явился инструментом законодательной борьбы с антигосударственными проявлениями, подрывающими становление нового политического образования. Защищая интересы феодалов, судебник ввел усиленную репрессию за нарушение феодального правопорядка. Ведомые лихие люди, под которыми закон подразумевал лиц, выступающих против феодального гнета, карались смертной казнью⁴.

Ответственность за преступления экстремистской направленности в Уложении 1497 г. находит свое отражение в ст. 9: «крамольнику, ведомому лихому человеку... живота не дати, казнити его смертной казнью»⁵. Под крамоллой понималась измена родине, причем в состав этого преступления включалось не только действие, но и обнаружение умысла, направленного против личности или власти монарха. Крамольниками законодатель именовал представителей тех кругов населения, которые боролись с правительственной политикой и пытались посягнуть на безопасность государства⁶. Ведомые лихие – это заведомые преступники, к которым относились фактически любые лица, выступающие против господствующего класса⁷. Основанием причисления человека к ведомым лихим являлись результаты проводимых обысков. Лица, уличенные в совершении антигосударственных преступлений, подвергались пытке. Причем признание вины не становилось основанием для освобождения от применения пытки. В случае непризнания вины лицо после пытки подвергалось смертной казни.

Анализируемый правовой памятник впервые в истории развития Русского государства взял под охрану непосредственно государственную безопасность. Была предпринята попытка определения круга деяний экстремистской направленности, подчеркнувшая значимость законодательной охраны государственного строя. Причем причиной такой жестокой борьбы за политическую стабильность являлось активно развернувшееся классовое противостояние, которое набирало обороты не только в сельской местности, но и в городе.

Следующим правовым источником Российского государства, установившим уголовную ответственность за государственные преступления, стал Судебник царя и

великого князя Иоанна Васильевича 1550 г. Причиной составления данного свода законов явился внутривластный кризис, породивший многочисленные восстания и погромы. Взяв за основу Судебник 1497 г., законодатели усилили ответственность за преступления, содержащие в себе признаки экстремизма. Например, п. 61 судебника предусматривал суровое наказание за убийство государственного служащего: «государьскому убойце, коромольнику... живота не дати, казнити смертною казною»⁸.

Определить степень значимости охраны интересов государства в анализируемом документе в связи с отсутствием деления норм на главы и разделы возможно только путем анализа санкций. Санкция, содержащаяся в п. 61, является безальтернативной. Отсутствие вариативности при назначении наказания за совершение анализируемого преступления, в основу которой могли быть положены мотивы и цели, указывает на неотвратимость и жесткость наказания.

Предполагаемым объектом преступления в соответствии с данной статьей выступала стабильность государственного строя и безопасность государства. На это указывает характеристика объективной стороны и вид наказания. В качестве дополнительного объекта целесообразно рассматривать жизнь человека, а в некоторых случаях отношения собственности (при установлении ответственности за поджог).

Объективная сторона преступления включает в себя ряд разнородных действий, каждое из которых является самостоятельным и оконченным составом преступления. Из вышесказанного можно сделать вывод, что данная норма представляет собой состав преступления с альтернативными действиями. По законодательной конструкции рассматриваемый состав является формально-материальным.

С нашей точки зрения, на то, что речь идет о преступлении экстремистской направленности, могут указывать фрагменты:

- «государьскому убойце...»,
- «коромольнику...».

Субъект преступления – специальный, то есть лицо, наносящее вред непосредственно государственной безопасности и подлежащее только смертной казни.

Анализируемый нормативно-правовой акт еще не содержал дефиниций, формирующих понятия и устанавливающих признаки экстремизма и наиболее радикального его проявления – терроризма – как преступлений, посягающих на безопасность государства.

Примерами преступлений экстремистской направленности могут служить следующие исторические факты.

Введенная в 1564 г. опричнина Ивана IV положила начало периоду террора. Основной целью ее установления была ликвидация политического и экономического влияния боярства⁹. Потенциальный претендент на трон Владимир Старицкий со своими сторонниками был обвинен в заговоре, подвержен репрессиям и отравлен¹⁰.

Поход опричников на Новгород в 1570 г. был самым жестоким проявлением власти Ивана IV. Во время него разгрому были подвержены 27 монастырей, убиты дворяне, купцы и дьяки. В результате годы опричнины только ослабили государство, чем и не преминули воспользоваться его противники¹¹.

В войне русского государства с Ливонией ярко обнаруживаются проявления экстремизма, направленные на подрыв государственности. Так, поступок Андрея Курбского, выдавшего планы военного командования русских войск противнику, повлек молниеносный разгром армии. Затем бежавший за границу А. Курбский поступил на службу к польскому королю и великому князю Литовскому Сигизмунду II Августу и уже осенью 1564 г. принял активное участие в войне против России. Свидетельством государственной измены А. Курбского выступают документы, обнаруженные в польских архивах. В них указано, что еще за полтора года до своего побега князь активно сотрудничал с властями Польши и сообщал им о наиболее значимых политических и военных событиях, имевших место на Руси.

Сохранившаяся переписка Ивана IV и А. Курбского зафиксировала радикальные поступки как Ивана IV, так и А. Курбского¹². Измена родине, предательство, повлекшие за собой большое количество жертв, должны рассматриваться как действия, направленные на свержение власти и ликвидацию российского государства, и неоспоримо быть признаны экстремистскими.

Во время правления Федора Иоанновича, восшедшего на престол после смерти Ивана IV, власть находилась в руках регентского совета в связи со слабоумием царя. Между опекунами главы государства на протяжении всего его правления возникали противоречия. Богдан Бельский предпринял попытку государственного переворота в пользу царевича Дмитрия. Восстание было направлено на устранение опричнины и установление власти боярской думы. Переворот не увенчался успехом, и Богдан Бельский как

признанный лидер данного восстания был отправлен в ссылку в Нижний Новгород.

Следующим этапом развития экстремизма в России был период, обозначивший начало царствования Бориса Годунова (с 1 сентября 1598 г.). Он был готов делать добро, если оно не мешало его личным интересам и способствовало им, но, как и предшественники, не останавливался ни перед каким злом или преступлением, если находил его нужным с точки зрения личных выгод, в особенности когда приходилось спасать самого себя¹³. Один из противников Годунова, Михайло Колычев, сбежавший в Литву, активно призывал к осуществлению военных действий против Москвы, гарантируя при этом отсутствие противостояния и поддержку со стороны правительства. Действия, совершаемые Колычевым, необходимо рассматривать как преступления, направленные на подрыв безопасности русских территорий, они могут быть квалифицированы как экстремистские.

Правление Лжедмитрия I (1605–1606 гг.) также давало богатую почву для экстремизма. Доказанным считается исторический факт, что Лжедмитрий являлся орудием в чужих руках, направленным на низвержение царя Бориса¹⁴. Борис Годунов был убит приверженцами Лжедмитрия, после чего 20 июня 1605 г. последний торжественно въехал в Москву. Во главе с князем Василием Шуйским, представлявшим интересы боярства, в Москве в мае 1606 г. вспыхнул заговор, результатом которого стало убийство Лжедмитрия и приход Шуйского к власти (правил государством до 1610 г.)¹⁵. Данные действия могут расцениваться как свержение ранее существовавшего строя, поэтому являются экстремистскими.

С нашей точки зрения, к сфере экстремизма следует отнести освобождение Василием Шуйским преступников из тюрем до своего вступления на престол. Действия освобожденных характеризовались особой циничностью и жестокостью, что повлекло массовые беспорядки в Москве в 1606 г. Итогом волнений стала смерть более четырехсот человек, повлекшая утрату авторитета существующей власти и усиление влияния противников Василия Шуйского¹⁶.

Противостояние власти и оппозиции посредством использования радикальных (экстремистских) мер, направленных на удержание и захват власти, явилось причиной глобального политического кризиса, вызвавшего распад Российского государства как единого к осени 1611 г. Основная

территория, включая Москву, была захвачена поляками. Остальные земли находились под контролем бесчисленного количества бандитов и самозванцев, использовавших для удержания власти радикальные насильственные способы.

Политический кризис на рассматриваемом историческом этапе потребовал принятия незамедлительных мер, направленных на восстановление государственности. В первую очередь была предпринята успешная попытка освобождения Москвы от польских захватчиков. К концу 1612 г. Москва была освобождена. Для усиления авторитета власти государства в январе 1613 г. был созван Земский собор, на котором было принято значимое политическое решение об объединении русских земель и избрании царя. Главой единой Руси стал шестнадцатилетний Михаил Романов.

Обнищание населения в процессе войны с Польшей, невозможность восполнения утраченного, а также перенасыщенная насилием политика правительства приводили к назреванию недовольства граждан, что нашло свое выражение в народных восстаниях, бунтах и крестьянских войнах, имевших в основе своей радикальные экстремистские мотивы.

Следующим правовым памятником, устанавливающим ответственность за проявления экстремизма, стало Соборное уложение 1649 г. Анализируемый нормативно-правовой акт был первым в России, включившим в себя главы, посвященные регулированию конкретных спектров общественных отношений. Перечень норм в нем имел системный характер.

С нашей точки зрения, в основу построения глав была положена значимость регулируемых общественных отношений: безопасность государства заняла второе место после церкви.

Ответственности за преступления экстремистской направленности была посвящена ч. 2 ст. 1 гл. 2 уложения: «кто при державе Царского Величества, хотя Московским государством завладеть и Государем быть и для того своего злова умышления начнут рать собирать... казнити смертию»¹⁷.

По нашему мнению, объектом уголовно-правовой охраны в анализируемой норме выступает не личность государя, а непосредственно безопасность государственного строя. Данный подход нашел свое отражение и в обвинениях, предъявленных Ивану Хованскому в 1682 г. как вдохновителю стрелецкого мятежа. Он подлежал нака-

занию «за злохитросный умысел на державу великих государей»¹⁸.

Признавая интересы государства приоритетом, остальные общественные отношения, которые попутно охранялись анализируемой статьей, следует рассматривать как дополнительные объекты уголовно-правовой охраны.

Характеризуя объективную сторону, необходимо отметить, что ответственность наступала не только за совершение оконченного преступления, но и за приготовление к нему, например за то, что кто-либо «начнет рать собирать». В связи с этим деяния, названные в ч. 2 ст. 2 анализируемой главы, могут рассматриваться как формально-материальный состав преступления, что является отличительной особенностью данной нормы.

Весьма интересно построение наказания за совершение интересующих нас преступлений. Появляется конфискация имущества как дополнительный вид наказания. Статья 5 названной главы, уточняя порядок наказания за государственные преступления, устанавливает, что обвиняемый в любом из перечисленных в ст. 2–4 деяний подвергается дополнительному наказанию в виде конфискации имущества¹⁹. Виновный лишался всего имущества («поместья, вотчины и животы»), которое шло в пользу государства²⁰.

Конфискация как дополнительный вид наказания чаще всего применялась при совершении особо опасных преступлений, в том числе посягающих на государственный строй.

Еще одной особенностью назначения наказания за совершение преступлений экстремистской направленности было наличие возможности наложения санкций на родственников виновного. В рамках реализации последней использовался следующий общий принцип, который нашел свое закрепление в ст. 6 и 7 гл. II уложения: лица, знавшие об измене, наказывались наравне с изменником, а не знавшие ответственности не подлежали²¹.

В судебно-следственной практике рассматриваемого исторического периода личная и имущественная неприкосновенность обеспечивалась не всегда. Дети изменника могли быть лишены поместий и чинов. Чаще всего не знавшие об измене родственники подлежали высылке в разные города, что затрудняло семейное общение. Например, несмотря на подтверждение под пыткой того обстоятельства, что родственники про его, Ивашкину, измену никак не ведали, по государеву указу велено «братьев изменника Ивашки Козлова и мать его и сестру... со-

слать на житье в Казанские города и устроить на службу»²².

С нашей точки зрения, данный принцип целесообразно легализовать в рамках действующего законодательства, направленного на противодействие преступлениям экстремистской направленности, путем внесения соответствующих изменений, определяющих порядок наложения конфискации в нормы уголовного закона. Ведь лица, осознающие противоправность поведения иного лица, посредством своей пассивности формально способствуют совершению преступления и в некоторых случаях могут рассматриваться как соучастники.

Часто вспыхивавшие народные восстания свидетельствовали об отсутствии авторитета у власти, нехватке эффективных механизмов регулирования общественных отношений, пробельности правовой базы, основанной лишь на насильственных способах регулирования. Вышеуказанные обстоятельства и явились причинами крупномасштабного восстания, переросшего в крестьянскую войну (1675–1683 гг.). Лидером народного движения стал Степан Разин, построивший свою программу на несогласии крестьян, донского казачества, городских низов и поработенных народов с политикой действующего правительства. Основной идеей и целью войны было свержение существующей власти путем применения насильственных способов, что, несомненно, указывает на наличие экстремистских мотивов²³.

Для укрепления своих позиций власть пошла по пути ужесточения ответственности за преступления, посягающие на государственный интерес, был расширен перечень соответствующих преступных деяний. Причем в основу критерия наказуемости был положен статус потерпевшего: чем выше ранг, тем суровее наказание. Данная позиция исключала принцип равенства и порождала противостояние. Ярким примером избыточности репрессивных мер этого периода стало установление уголовной ответственности за обнаружение умысла на убийство царя или господина.

В целях укрепления охраны государственного строя в уложение была внесена норма, регламентирующая ответственность за недоносительство о готовящемся государственном преступлении (ст. 18–19). Причем санкция за совершение данного деяния относилась к разряду абсолютно определенных – смертная казнь «без всякой пощады»²⁴.

Нововведением в уголовном законодательстве рассматриваемого периода ста-

ло расширение круга субъектов уголовных правоотношений. Теперь к уголовной ответственности могли привлекаться не только статусные члены общества, но и холопы. Особого внимания заслуживает внедрение принципа, дающего возможность назначения нескольких наказаний за совершение одного преступления. Самым суровым видом наказания была смертная казнь. Уложение предусматривало два ее вида: простую и квалифицированную. Последняя применялась в основном за совершение государственных преступлений²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 266.

² См.: Калинин Г.С., Гончаров А.Ф. История государства и права СССР. М., 1972. С. 77.

³ См.: Противодействие экстремистской деятельности в России: Учеб. пособие / Под ред. Д.А. Барина, О.А. Мартыновой. Хабаровск, 2009. С. 6–8.

⁴ См.: Памятники русского права / Под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3: Судебник 1497 г. С. 342.

⁵ Там же. С. 347.

⁶ См.: Памятники русского права. Вып. 3: Судебник 1497 г. С. 381.

⁷ См.: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 г.: Учеб.-метод. пособие. Н. Новгород, 1995. Ч. 1. Судебник 1497 г. С. 11.

⁸ Цит. по: Там же. С. 29.

⁹ См.: Юшков С.В. История государства и права СССР. М., 1961. Ч. 1. С. 270.

¹⁰ См.: История России: Полный энциклопедический справочник. М., 2003.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Лейст О.Э. История политических и правовых учений. М., 2002. С. 192.

¹³ См.: Костомаров Н.И. Русская история в описаниях ее главнейших деятелей. М., 2006. С. 274.

¹⁴ См.: Энциклопедия российской монархии. М., 2002. С. 298.

¹⁵ См.: Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. С. 272.

¹⁶ См.: Костомаров Н.И. Русская история в описаниях ее главнейших деятелей. С. 337.

¹⁷ Цит. по: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 г. Ч. 1. Соборное уложение 1649 г. С. 6.

¹⁸ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Учеб. пособие / Под ред. А.Г. Манькова, О.И. Чистякова. М., 1985. Т. 3: Акты земских соборов. С. 262.

¹⁹ См.: Там же. С. 263.

²⁰ См.: Памятники русского права. Вып. 6: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / Сост. Е.Г. Баскакова, И.Д. Мартысевич, К.А. Софроненко, О.И. Чистяков, С.И. Штамм. М., 1957. С. 33.

²¹ См.: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 г. Ч. 1. Соборное уложение 1649 г. С. 7.

²² Цит. по: Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 252.

²³ См.: Суворов А.И. Политический терроризм в России: истоки, структура, особенности // Закон и право. 2002. № 8. С. 71–77.

²⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 3: Акты земских соборов. С. 35.

²⁵ См.: Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век – 1917 год / Сост. Томсинов В.А. М., 2000. С. 70.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что на различных исторических этапах опасность экстремизма оценивалось по-разному, о чем свидетельствуют проанализированные правовые памятники и отсутствие дефиниции рассматриваемого понятия. Наделение экстремизма различным уровнем общественной опасности, по нашему мнению, лишь придает изучаемому явлению особую актуальность и правовую значимость, а также обуславливает необходимость более детальной разработки правовых механизмов противодействия ему.

¹ Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1990. С. 266.

² См.: Калинин Г.С., Гончаров А.Ф. История государства и права СССР. М., 1972. С. 77.

³ См.: Противодействие экстремистской деятельности в России: Учеб. пособие / Под ред. Д.А. Барина, О.А. Мартыновой. Хабаровск, 2009. С. 6–8.

⁴ См.: Памятники русского права / Под ред. проф. Л.В. Черепнина. М., 1955. Вып. 3: Судебник 1497 г. С. 342.

⁵ Там же. С. 347.

⁶ См.: Памятники русского права. Вып. 3: Судебник 1497 г. С. 381.

⁷ См.: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 г.: Учеб.-метод. пособие. Н. Новгород, 1995. Ч. 1. Судебник 1497 г. С. 11.

⁸ Цит. по: Там же. С. 29.

⁹ См.: Юшков С.В. История государства и права СССР. М., 1961. Ч. 1. С. 270.

¹⁰ См.: История России: Полный энциклопедический справочник. М., 2003.

¹¹ См.: Там же.

¹² См.: Лейст О.Э. История политических и правовых учений. М., 2002. С. 192.

¹³ См.: Костомаров Н.И. Русская история в описаниях ее главнейших деятелей. М., 2006. С. 274.

¹⁴ См.: Энциклопедия российской монархии. М., 2002. С. 298.

¹⁵ См.: Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. С. 272.

¹⁶ См.: Костомаров Н.И. Русская история в описаниях ее главнейших деятелей. С. 337.

¹⁷ Цит. по: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 г. Ч. 1. Соборное уложение 1649 г. С. 6.

¹⁸ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Учеб. пособие / Под ред. А.Г. Манькова, О.И. Чистякова. М., 1985. Т. 3: Акты земских соборов. С. 262.

¹⁹ См.: Там же. С. 263.

²⁰ См.: Памятники русского права. Вып. 6: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года / Сост. Е.Г. Баскакова, И.Д. Мартысевич, К.А. Софроненко, О.И. Чистяков, С.И. Штамм. М., 1957. С. 33.

²¹ См.: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 г. Ч. 1. Соборное уложение 1649 г. С. 7.

²² Цит. по: Тельберг Г.Г. Очерки политического суда и политических преступлений в Московском государстве XVII века. М., 1912. С. 252.

²³ См.: Суворов А.И. Политический терроризм в России: истоки, структура, особенности // Закон и право. 2002. № 8. С. 71–77.

²⁴ См.: Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 3: Акты земских соборов. С. 35.

²⁵ См.: Хрестоматия по истории отечественного государства и права. X век – 1917 год / Сост. Томсинов В.А. М., 2000. С. 70.

НАШИ ИССЛЕДОВАНИЯ

О становлении и развитии научной школы «Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы» на кафедре уголовного процесса и криминалистики Вологодского института права и экономики ФСИН России

О.А. БЕЛОВ – доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Изучение проблем уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в условиях исправительных учреждений, начиная с 2006 г. является на кафедре одним из важнейших направлений научных исследований, в рамках которого складывается научная школа,

В частности, научная школа занимается:

- выявлением особенностей уголовно-процессуальной деятельности органов и учреждений ФСИН России на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, а также на стадии исполнения приговора;

- разработкой рекомендаций, основанных на анализе теоретических положений и изучении правоприменительной практики и направленных на совершенствование уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой сотрудниками органов и учреждений ФСИН России в процессе возбуждения уголовных дел, производства неотложных следственных действий и исполнения приговора.

Основателями научной школы являются известные ученые: доктор юридических наук, профессор Б.Я. Гаврилов, доктор юридических наук А.С. Шаталов, длительное время работающие на кафедре уголовного процесса и криминалистики и принимающие активное участие в научном исследовании проблем уголовно-процессуальной и

криминалистической деятельности органов и учреждений ФСИН России. Они осуществляют руководство научными исследованиями адъюнктов и соискателей института, принимают участие в подготовке научных трудов, рецензировании статей, монографий и учебно-методических изданий, участвуют в проводимых кафедрой и институтом научных конференциях и семинарах.

Многие актуальные вопросы, входящие в круг интересов научной школы, освещены в защищенных диссертациях на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.09 – «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность»: «Тактика обыска и выемки при производстве расследования преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы (научные и организационно-правовые основы)» (А.Т. Валеев); «Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа лиц, осужденных к лишению свободы» (А.М. Лютынский); «Институт исполнения приговора в уголовном судопроизводстве» (А.В. Грищенко).

В настоящее время на кафедре уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России проводится целый ряд диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата юридических наук, посвященных отдельным проблемам, изучаемым научной школой. Среди них можно особо выделить следующие: «Методика расследования дезорганизации деятельности

учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» (А.Г. Цивкунов); «Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, совершаемых в исправительных учреждениях ФСИН России» (Е.В. Чернышенко); «Раскрытие и расследование преступлений экономической направленности, совершаемых осужденными в период отбывания наказания в виде лишения свободы» (А.А. Первушина).

По результатам научных исследований сотрудниками кафедры за 2006–2010 гг. подготовлены:

– монография «Особенности производства предварительного расследования по делам о преступлениях, совершаемых в учреждениях УИС»;

– методические рекомендации «Осуществление оперативными аппаратами ФСИН России неотложных следственных действий»;

– монография «Криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств в исправительных учреждениях»;

– монография «Тактика обыска и выемки при производстве расследования преступлений, совершенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы (научные и организационно-правовые основы)»;

– монография «Тактика допроса участников уголовного судопроизводства из числа осужденных к лишению свободы»;

– практические рекомендации «Тактика отдельных видов следственного осмотра при расследовании пенитенциарных преступлений».

В целях взаимодействия с другими научными школами и расширения сотрудничества, в том числе и международного, кафедрой ежегодно проводятся международные научно-практические семинары и конференции с участием известных ученых и сотрудников практических органов. Так, 25 ноября 2010 г. состоялась международная

научно-практическая конференция «Особенности уголовно-процессуальной деятельности в органах и учреждениях ФСИН России», в которой приняли участие заместитель начальника оперативного управления УФСИН России по Вологодской области, прокурор по надзору за исправительными учреждениями Вологодской области, представители оперативного управления ФСИН России.

В 2009 г. в институте была создана внештатная научно-исследовательская лаборатория по изучению уголовно-процессуальных, криминалистических и оперативно-розыскных проблем раскрытия и расследования преступлений в исправительных учреждениях, в состав которой входят сотрудники кафедры уголовного процесса и криминалистики и кафедры оперативно-розыскной деятельности.

Основное направление работы лаборатории – создание компьютерных программ и автоматизированных рабочих мест. Оно было выбрано не случайно, так как деятельность органов и учреждений, исполняющих наказания, сегодня трудно представить вне инновационного подхода к решению оперативно-служебных задач.

В настоящее время авторским коллективом лаборатории совместно с сотрудниками оперативного управления ФСИН России разработаны и внедрены в практическую деятельность органов и учреждений УИС компьютерные программы: «Методика расследования побегов из исправительных учреждений», «Методика расследования дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» и «Методика расследования убийств, совершаемых в исправительных учреждениях».

Сегодня научная школа продолжает активно осуществлять свои исследования и разработки, направленные на совершенствование уголовно-процессуальной и криминалистической деятельности органов и учреждений ФСИН России. ■

ОБЗОР ДИССЕРТАЦИЙ

Одним из важнейших направлений деятельности института является научно-исследовательская работа, неотъемлемой частью которой выступает проведение диссертационных исследований и защита диссертаций сотрудниками института.

В четвертом квартале 2011 г. сотрудниками института защищены 2 диссертации на соискание ученой степени доктора наук и 1 диссертация на соискание ученой степени кандидата наук. С авторефератами диссертаций можно ознакомиться в учебно-научном информационном центре библиотеки института.

Заурова Эльвира Викторовна, доцент кафедры юридической психологии и педагогики.

Защита диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук по специальности 13.00.01 – Общая педагогика, история педагогики и образования состоялась 6 октября 2011 г. в диссертационном совете ДМ 203.002.05 при Академии управления МВД России. **Тема: «Нравственно-эстетическое воспитание осужденных».**

Целью диссертационного исследования было разработать, теоретически обосновать и экспериментально проверить эффективность процесса нравственно-эстетического воспитания осужденных, находящихся в местах лишения свободы.

В ходе работы автором решен ряд важных задач. Исследован педагогический феномен нравственно-эстетического воспитания осужденных, определена сущность и структура данного процесса. Изучен исторический опыт нравственно-эстетического воспитания осужденных в России, его современное состояние в отечественной и зарубежной пенитенциарных системах. Раскрыта сущность рефлексивно-деятельностного подхода к пониманию процесса нравственно-эстетического воспитания осужденных. Обоснованы концептуальные теоретические положения нравственно-эстетического воспитания осужденных, уточнены содержание и специфика основных компонентов данного процесса в условиях лишения свободы. Осуществлена разработка и экспериментальная проверка модели процесса нравственно-эстетического воспитания осужденных в пенитенциарной практике. Выделены критерии, показатели и уровни нравственно-эстетической воспитанности осужденных, апробированные в ходе опытно-экспериментальной работы. Разработан комплекс практических рекомендаций по организации нравственно-эстетического воспитания осужденных для сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Значение диссертационного исследования заключается в том, что содержащиеся в нем теоретические положения и выводы определяют концептуальные представления о стратегии развития и совершенствования нравственно-эстетического воспитания осужденных в местах лишения свободы, что создает реальные предпосылки для повышения эффективности данного процесса в современных условиях. Прошедшие опытно-экспериментальную проверку методические комплексы (программа нравственно-эстетического развития осужденных, диагностические материалы, научно-методические

и практические рекомендации для сотрудников исправительных учреждений) могут непосредственно использоваться и находят реальное применение в пенитенциарной практике.

Оботурова Наталья Сергеевна, начальник психологического факультета.

Защита диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – Онтология и теория познания состоялась в диссертационном совете Д 212.154.06 при Московском педагогическом государственном университете. **Тема: «Идея в структуре познания и деятельности».**

Целью диссертационного исследования является философский анализ идеи в структуре познания и деятельности на основе эпистемологии и истории идей как методологии философского познания.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Показана специфика исследования понятия идеи на основе методов и принципов современной эпистемологии с учетом фундаментальных достижений философов прошлого; критически осмыслены и использованы основные положения истории идей А. Лавджоя как методологии гуманитарного познания для выявления основных элементов философского, в особенности эпистемологического, анализа идеи; показано многообразие подходов в трактовке идеи у Платона как ее субстанциональности, врожденной способности познания (припоминания) и концептуальной (невещественной) общности; доказана правомерность интерпретации этой особенности как своего рода «избыточности» подходов к идее в его философии; обосновано предположение об амбивалентности онтогносеологии идеи в философии Нового времени и показано ее проявление как противостояние, с одной стороны, сенсуализма и эмпиризма, с другой – рационализма и априоризма, каждый из которых включает момент истины.

Значение диссертационного исследования определяется необходимостью углубленного анализа роли идеи в структуре познания и деятельности в контексте современной эпистемологии, истории идей как методологии гуманитарного познания; исследования многообразия амбивалентности и конвергенции идей, их избыточного и прогностического характера в становлении и развитии философского знания. Более того, полученные результаты могут широко использоваться в постановке и анализе основных проблем курсов философии, истории и философии науки; чтении спецкурсов по философии идеи, истории идей как методологии гуманитарного познания; онтогносеологической, социокультурной, праксеологической, методологической природе и сущности идеи; трансформации основных философских идей в современных концепциях и их практической реализации; а также в преподавании специальных гуманитарных дисциплин.

Крюкова Диана Юрьевна, преподаватель кафедры информатики и математики.

Защита диссертации на соискание ученой степени кандидата технических наук по специальности 05.13.10 – Управление в социальных и экономических системах (научный руководитель – кандидат технических наук, доцент Вологодского государственного технического университета А.А. Суконщиков) состоялась 8 декабря 2011 г. в диссертационном совете Д 212.186.04 при Пензенском государственном университете.

Целью диссертационного исследования являлось теоретическое обоснование и разработка моделей и методик управления специфичным делопроизводством учреждений ФСИН России, повышение эффективности управления пенитенциарной социальной работой (ПСР) и социальными процессами в учреждении, а также создание аппаратно-программных средств, реализующих разработанные модели и методики.

В ходе исследования автором решен ряд важных задач. Проведен анализ существующих подходов к формализации и автоматизации делопроизводства отделов исправительных учреждений, разработана методика моделей формализации документационного обеспечения управления пенитенциарной социальной работой; осуществлена разработка математического аппарата, позволяющего реализовать модели пенитенциарных социальных процессов и делопроизводства в реальном времени; дана оценка способов реализации контроля качества оказания социальной помощи осужденным на современном этапе реформирования УИС, определены оценки эффективности и реализовано выделение критериев оценки ПСР, разработаны методики контроля качества осуществления ПСР, проведено статистическое исследование и апробированы методики на примере Вологодской области; разработаны системы поддержки принятия управленческих решений на основе предложенных моделей в составе программного комплекса, включающего в себя автоматизированное рабочее место специалиста по социальной работе с осужденными; проектирование общей схемы автоматизированной системы делопроизводства исправительного учреждения.

Значение диссертационного исследования заключается в информатизации деятельности специалиста по социальной работе с осужденными, включающей в себя рекомендации по технической оснащённости рабочего места, создание и внедрение на практике АРМ «Социальное досье», учебно-методическое сопровождение программного продукта, создание учебно-информационного портала по пенитенциарной социальной работе в сети Интернет и т.д.; а также создании программного агента, позволяющего проводить имитационное моделирование сложных социальных процессов с применением инструментария НСП; в разработке программного агента, позволяющего осуществить в интерактивном режиме оценку эффективности проведенной социальной работы с осужденными в конкретном ИУ (с использованием методов экспертной оценки), а также обладающего функциями принятия управленческих решений.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на практические рекомендации «Теоретико-правовая подготовка сотрудников УИС по работе с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными по вопросам защиты прав и свобод человека в Европейском суде по правам человека».

Е.А. Сабурова – заместитель начальника Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Вологодской области, председатель совместной рабочей группы по взаимодействию с территориальными органами подведомственных Министерству юстиции России федеральных служб: управлением ФСИН России по Вологодской области

Представленные к рецензированию практические рекомендации представляют собой исследование, призванное оказать действенную помощь сотрудникам уголовно-исполнительной системы при организации и проведении работы с осужденными по вопросам защиты прав и свобод человека в Европейском суде по правам человека. В настоящее время можно с уверенностью сказать, что, несмотря на роль и значение этого направления в деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, уровень теоретико-правового и методологического обеспечения остается явно не на должном уровне. С этой точки зрения данные практические рекомендации призваны восполнить значительный пробел и помочь правильно организовать работу сотрудников.

Практические рекомендации состоят из введения, трех разделов, библиографии и приложений.

В первом разделе раскрываются особенности деятельности сотрудников УИС по работе с лицами, находящимися в местах лишения свободы, по вопросам защиты прав человека в Европейском суде по правам человека.

Второй раздел посвящен методике организации занятий с подозреваемыми, обвиняемыми, осужденными по вопросам защиты прав и свобод человека в Европейском суде по правам человека.

Третий раздел содержит обзор судебной практики Европейского суда по правам человека в отношении Российской Федерации за период 2006–2010 гг. в связи с жалобами лиц, находящихся в местах лишения свободы.

Приложения к практическим рекомендациям раскрывают особенности правовой процедуры подачи обращения в Европейский суд по правам человека и содержат пояснительную записку для лиц, желающих обратиться с жалобой в Европейский суд по правам человека.

человека, формуляр жалобы, инструкцию по заполнению формуляра, рекомендации по проведению служебных расследований по делам Европейского суда по правам человека, возбужденным против Российской Федерации в связи с жалобами лиц, содержащихся в учреждениях УИС.

Необходимо отметить высокий научный стиль подготовленных практических рекомендаций и в то же время простоту и доступность изложения материала.

Представленные к рецензированию практические рекомендации «Теоретико-правовая подготовка сотрудников УИС по работе с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными по вопросам защиты прав и свобод человека в Европейском суде по правам человека», подготовленные Кириловской Н.Н., Николаевым В.А., Свиным Е.В., Смирновым С.Н., Софроновой С.А. заслуживают высокой положительной оценки, могут быть опубликованы и использованы в практической деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Перов С.В., Голодов П.В. Организационное проектирование в уголовно-исполнительной системе: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 179 с. – ISBN 978-5-94991-179-2.

В монографии рассматриваются теоретические и практические вопросы организационного проектирования в уголовно-исполнительной системе как функции управления, связанной с разработкой организационных нововведений. Авторы, опираясь на современные достижения теории организации правоохранительной деятельности, определяют признаки объектов организационного проектирования, характеризуют состав его субъектов, а также раскрывают принципы, методы и основные этапы его процедуры.

В монографии нашли отражение вопросы, связанные с реформированием системы учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, проанализированы результаты ряда экспериментов, проведенных в последние годы на базе учреждений и органов ФСИН России, результаты отдельных организационных нововведений в деятельности уголовно-исполнительной системы.

Желтов А.А. История форменной одежды и экипировки чинов тюремного ведомства Российской империи: Монография. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 248 с. – ISBN 978-5-94991-187-7.

В монографии освещается история появления и развития форменной одежды сотрудников тюремного ведомства Российской империи в дореволюционный период. В ней раскрываются особенности обмундирования и экипировки классных и нижних чинов, которые определены Установлением 1885 г. и после-

дующие к ним дополнения и нововведения, в частности прослеживаются видоизменения, возникшие в результате перевода уголовно-исполнительной системы в 1895 г. в ведение Министерства юстиции реформы 1904 г. Также рассматриваются особенности обмундирования служащих мест заключения до появления собственной ведомственной формы одежды. Отдельный раздел посвящен наградной системе, установленной для служащих тюремного ведомства и членов Общества попечительного о тюрьмах.

В издании отражены вопросы истории обустройства, функционирования и управления местами заключения, а также исторической динамики общественного статуса работников УИС.

Книга предназначена для сотрудников ФСИН России, курсантов вузов ФСИН и МВД России, историков, коллекционеров-антикваров, музейных работников, фалеристов и тех, кто интересуется историей правоохранительных органов и уголовно-исполнительной системы России.

Административно-правовой статус сотрудника ФСИН России в условиях реформирования УИС и системы государственной службы Российской Федерации: Сборник материалов научно-практического семинара (г. Вологда, 13 мая 2010 г.) / Под ред. канд. юрид. наук, доцента С.В. Косоноговой. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 142 с.

В сборнике материалов семинара, организованного кафедрой административно-правовых дисциплин, освещаются проблемы, связанные с правовым и организационным регулированием статуса сотрудника ФСИН России на современном этапе реформирования государственной службы и уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, а также содержатся предложения по совершенствованию правового положения должностных лиц органов и учреждений, исполняющих наказания.

Материалы могут быть полезны для сотрудников органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний, адъюнктов, курсантов и слушателей ведомственных вузов.

Кириловская Н.Н. и др. Теоретико-правовая подготовка сотрудников УИС к работе с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными по вопросам защиты прав и свобод человека в Европейском суде по правам человека: Практические рекомендации / Н.Н. Кириловская, В.А. Николаев, Е.В. Свиной, С.Н. Смирнов, С.А. Софронова. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 59 с. – ISBN 978-5-94991-185-3.

Рекомендации адресованы как практическим работникам (помощникам начальников территориальных органов ФСИН России по соблюдению прав человека в УИС, иным сотрудникам исправительных учреждений УИС), так и курсантам, слушателям, адъюнктам и соискателям, профессорско-преподавательскому составу образовательных учреждений ФСИН России, а также всем, кто интересуется вопросами защиты прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Технологии организации деятельности и развития профессиональной компетентности специалиста по социальной работе исправительного учреждения: Практические рекомендации / О.Е. Куренкова, Н.А. Коновалова, Е.В. Серебряник, Г.В. Щербаков, Т.С. Уханова, А.В. Барышева, Л.С. Атаев. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2011. – 89 с. – ISBN 978-5-94991-183-9.

Настоящие рекомендации составлены с учетом современных условий осуществления пенитенциарной социальной работы и содержат описание социальных технологий организации деятельности и развития профессиональной компетентности специалиста по социальной работе. В текст и приложения включены инструменты и специфическая документация, необходимые для обеспечения реализации всех процедур конкретных социальных технологий.

Рекомендации предназначены для использования в практике социальной работы в УИС, а также при подготовке научно-педагогических кадров и сотрудников ИУ, осуществляющих социальную работу с различными категориями осужденных.

ИНФОРМАЦИЯ, ОБЪЯВЛЕНИЯ

В Вологодском институте права и экономики ФСИН России проведена международная научно-практическая конференция «Реформирование пенитенциарных учреждений и актуальные вопросы ресоциализации осужденных (в свете требований Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.)»

24 ноября 2011 г. в Вологодском институте права и экономики ФСИН России прошла международная научно-практическая конференция «Реформирование пенитенциарных учреждений и актуальные вопросы ресоциализации осужденных (в свете требований Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.)».

Организаторами выступили:

- Вологодский институт права и экономики ФСИН России;
- Научно-исследовательский институт ФСИН России;
- Российское научное пенитенциарное общество;
- Международная неправительственная организация «Международная тюремная реформа» (PRI).

Работа проходила в рамках пленарного заседания и трех круглых столов: «Правовые и организационные аспекты реализации положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.»; «Совершенствование социальной, психологической и воспитательной работы в пенитенциарных учреждениях в свете требований Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.»; «Трудовая деятельность и профессиональная подготовка осужденных в условиях реформирования пенитенциарных учреждений».

В конференции приняло участие свыше 280 чел. Среди них ведущие ученые научных и образовательных учреждений ФСИН, МВД, Минобрнауки России (Л.И. Беляева, Б.Я. Гаврилов, В.И. Зубкова, Л.М. Колодкин, А.М. Кононов, В.Б. Малинин, В.М. Поздняков, Т.Н. Радочина, Б.А. Спасенников, С.А. Старостин и др.), сотрудники территориальных органов ФСИН России, органов внутренних дел, работники суда,

прокуратуры, представители общественных организаций, представители пенитенциарных систем и образовательных учреждений Беларуси, Казахстана, Швейцарии, профессорско-преподавательский состав и курсанты института.

Участники в своих выступлениях отмечали актуальность темы конференции, подчеркивая, что она обусловлена продолжающейся реформой отечественной уголовно-исполнительной системы, принятием Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г.

Докладчики подчеркивали, что цель современной уголовно-исполнительной политики состоит в изменении концепции пенитенциарного учреждения, его преобразовании в эффективную реабилитационную систему. На пути к достижению этой цели в настоящее время сохраняется ряд серьезных проблем, среди которых можно выделить ухудшение криминологических, уголовно-исполнительных и личностных характеристик осужденных к лишению свободы; наличие и распространение криминальной субкультуры в среде осужденных; высокий процент осужденных, страдающих социально значимыми заболеваниями, имеющих отклонения в психике, с нарушенными социальными связями; ограниченные возможности для трудоустройства осужденных; недостаточно высокий кадровый потенциал пенитенциарных учреждений; разобщенность субъектов исправительно-реабилитационного процесса.

Перечисленные проблемы в значительной степени снижают возможности пенитенциарных учреждений в плане реализации целей наказания.

Значимость прошедшей конференции также была обусловлена необходимостью научного обеспечения проводимых преобразований.

Осуществленный в ходе работы конференции анализ теоретико-методологических, правовых, организационных и правоприменительных аспектов развития пенитенциарных учреждений и проблем ресоциализации осужденных позволил выработать следующие рекомендации:

1. Цели наказания, заключающиеся в восстановлении социальной справедливости, исправлении осужденного и предупреждении совершения новых преступлений, должны достигаться применением как ранее апробированных и положительно зарекомендовавших себя, так и новых форм и методов работы с осужденными. Реформирование пенитенциарных учреждений должно опираться на богатый отечественный и зарубежный опыт пенитенциарной деятельности, учитывать требования международных правовых документов в указанной сфере.

2. Участники конференции в целом положительно оценивают проводимый Федеральной службой исполнения наказаний эксперимент по созданию воспитательного центра. Высокой оценки заслуживают мероприятия по обеспечению отдельного содержания осужденных в зависимости от степени их криминальной зараженности, установлению приоритета психолого-педагогических и социальных методов воздействия на осужденных, индивидуальных и групповых форм работы, направленных на социализацию личности. Вместе с тем необходимо обратить внимание на соблюдение логики проводимых в рамках эксперимента преобразований. В первую очередь требуется решение базовых концептуальных вопросов, таких как создание правовых основ для образования и функционирования воспитательных центров, разработка педагогической концепции исполнения наказания в воспитательном центре, а затем рассмо-

трение частных сторон деятельности персонала, таких как:

- разработка и внедрение технологий комплексного непрерывного сопровождения осужденных в условиях воспитательного центра на всех этапах отбывания наказания;

- разработка методик организации деятельности основных категорий сотрудников воспитательного центра;

- разработка и внедрение модели и инструментов профессионального взаимодействия специалистов воспитательного центра и их клиентов (осужденных), а также взаимодействия со специализированными государственными организациями и общественными объединениями;

- разработка частных методик по работе с различными категориями осужденных.

3. В целях закрепления и развития позитивных социальных связей осужденных, приближения места отбывания наказания к месту жительства осужденного целесообразно создание воспитательных центров в каждом субъекте Российской Федерации с привлечением органов государственной власти субъектов, органов местного самоуправления и общественности.

4. Участники конференции в целом положительно оценивают проводимый Федеральной службой исполнения наказаний эксперимент по внедрению в исправительных учреждениях системы «социального лифта». Вместе с тем требуется более тщательная проработка содержательной части данной системы, поскольку достаточное обоснование ее ступеней и других элементов в настоящее время отсутствует. Изменению и описанию подверглись лишь критерии оценки осужденных, условия их перехода с одной ступени «социального лифта» на другую, а не сами эти ступени.

5. В особой правовой регламентации нуждается порядок исполнения и отбывания пожизненного лишения свободы, что обуславливает потребность введения в УИК РФ соответствующей отдельной главы. Необходима также в связи с этим переработка Правил внутреннего распорядка.

6. В пенитенциарных учреждениях востребовано проектирование и формирование особой социально-педагогической среды, целенаправленно поддерживающей позитивную направленность саморазвития субъектов педагогического процесса, обеспечивающей социальную реабилитацию осужденных и восстановление их социального статуса в ситуациях ограничения свободы и исполнения в отношении них уголовного наказания. Задача всех сотрудников пенитенциарного учреждения состоит в том, чтобы наполнить эту среду особыми ценностными смыслами и содержанием и управлять ее влияниями. При этом содержание деятельности пенитенциарного учреждения должны составлять: диагностика социального развития и проблем осужденных, прогнозирование в этой области; охрана социальных прав осужденных; развитие положительного потенциала и субъектной позиции осужденных; формирование многообразного успешного социального опыта и оптимизация личного статуса осужденных; обеспечение профессиональной подготовки осужденных по востребованным на рынке труда профессиям; содействие в сохранении, восстановлении и развитии социально полезных связей осужденных, их дальнейшем трудовом и бытовом устройстве; реализация программ психокоррекции личности, направленных на предупреждение рецидива; привлечение общественности к решению социальных проблем осужденных.

7. Необходимыми условиями расширения исправительно-воспитательного потенциала пенитенциарных учреждений, развития социальной, психологической и воспитательной работы с осужденными к лишению свободы представляются:

- разработка эффективных форм проведения воспитательной работы, организации образовательного процесса и трудовой занятости осужденных в новых условиях отбывания наказания;

- внедрение современных технологий социальной помощи, защиты и поддержки в отношении наиболее социально уязвимых категорий осужденных, а также конкретной личности на всех этапах отбывания наказания;

- оптимизация диагностического и психокоррекционного инструментария пенитенциарного психолога;

- разработка и развитие психотерапевтического направления работы с осужденными.

8. Основу деятельности персонала пенитенциарного учреждения должно составлять сетевое междисциплинарное (функциональное) взаимодействие при работе с осужденными, профессиональная коммуникация (все сотрудники должны транслировать одинаковые установки, ориентироваться на определенные педагогические принципы работы с осужденными) с привлечением к исправительному процессу представителей органов исполнительной власти, а также институтов гражданского общества.

9. Социально-педагогическая работа с несовершеннолетними осужденными должна быть направлена не только на привитие им элементарных навыков социально одобряемого поведения, но и, прежде всего, на формирование самостоятельно действующей личности, отвечающей за выбор своего жизненного пути и самостоятельно реализующей свои устремления в общественных отношениях.

10. В целях обеспечения высоких показателей трудоиспользования осужденных в условиях перепрофилирования исправительных учреждений необходимо решение следующих задач:

- эффективное использование имеющихся производственных мощностей исправительных учреждений;

- создание условий для трудовой занятости осужденных в зависимости от вида создаваемого исправительного учреждения, в том числе формирование нормативно-правовой базы, регламентирующей организацию труда осужденных на базе рабочих камер (мастерских) тюрем, разработка модели типовых рабочих камер (мастерских) тюрем;

- развитие перспективных направлений производственной деятельности для выпуска продукции с целью обеспечения собственных нужд УИС;

- обеспечение развития производственной базы в подразделениях, перепрофилируемых в колонии-поселения;

- активное привлечение коммерческих организаций к созданию производственных участков в колониях-поселениях.

11. Представляется целесообразным разработать комплекс нормативных документов, определяющих направления и механизмы взаимодействия правоохранительных органов, учреждений системы социальной защиты населения, здравоохранения, образования, служб занятости в сфере ресоциализации лиц, отбывших наказание, трудового и бытового устройства освобождающихся. В связи с этим существует потребность в принятии федерального закона «Об основах социальной адаптации и реабилитации лиц, отбывших уголовное наказание» и разработке подза-

конных нормативных правовых актов, регламентирующих механизм его реализации.

Для развития системы постпенитенциарной профилактики необходимо организовать эффективный социальный контроль за поведением лиц, отбывших уголовное наказание, и их социальной адаптацией. В связи с этим целесообразно расширение сети учреждений, ориентированных на социальную защиту данной категории лиц (реабилитационные центры, профилактории, центры ресоциализации, дома ночного пребывания и др.).

12. В целях модернизации образовательного процесса в образовательных учреждениях ФСИН России необходимо:

- приведение содержания и структуры профессионального обучения в соответствие с современными потребностями уголовно-исполнительной системы, реальными условиями оперативно-служебной деятельности (введение новых ведомственных специализаций в рамках имеющихся направлений и профилей подготовки, переход на уровневую подготовку, расширение спектра программ дополнительного профессионального образования, совершенствование содержания и методики преподавания учебных дисциплин на основе компетентностного подхода);

- повышение уровня научно-методического обеспечения образовательного процесса;

- внедрение инновационных образовательных технологий и систем управления качеством образовательного процесса;

- развитие информатизации образовательного процесса.

Основные выводы, сделанные в ходе работы, нашли свое отражение в рекомендациях., подготовленных участниками конференции.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонов А.Г., заместитель начальника Кузбасского института ФСИН России по научной работе, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: antonovanton1@mail.ru

Белов О.А., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: belov_oleg@mail.ru

Горшко И.В., заместитель начальника кафедры информационных технологий управления органов внутренних дел Академии управления МВД России, доктор технических наук, профессор. E-mail: lebedevavic@rambler.ru

Данилин Е.М., ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: niifsin@mail.ru

Датий А.В., заместитель начальника лаборатории НИИ ФСИН России, доктор медицинских наук. E-mail: niifsin@mail.ru

Канчурин А.А., старший психолог психологической лаборатории Областной больницы им. Ф.П. Гааза УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. E-mail: kukialeksa@rambler.ru

Купеева Д.Ч., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Института экономики и управления г. Пятигорска (представительство в г. Владикавказе), соискатель Всероссийского научно-исследовательского института МВД России. E-mail: di-kupa@mail.ru

Лапшин В.Ф., начальник кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Лебедев А.В., начальник отдела НИИИТ ФСИН России, кандидат физико-математических наук. E-mail: lebedevavic@rambler.ru

Медведева В.В., преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России. E-mail: vui@vui.vladinfo.ru

Некрасов В.Н., научный сотрудник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, соискатель кафедры уголовного права и процесса Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. E-mail: vnnekrasow@mail.ru

Облицов И.А., аспирант Института управления (г. Архангельск), юрисконсульт отдела вневедомственной охраны при ОВД г. Архангельска. E-mail: obot@miuarh.ru

Панова О.Б., начальник кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: хепиа-вире@mail.ru

Петрянин А.В., докторант кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: petryanin@mail.ru

Поздняков В.М., профессор кафедры уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов, профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор психологических наук, профессор. E-mail: pozdnyakov53@mail.ru

Прохорова М.В., преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права, исполнения уголовных наказаний и криминологии Томского филиала Кузбасского института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: prohorova@rambler.ru

Салатин А.В., заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по кадрам. E-mail: salatin72@mail.ru

Серебрякова Е.Е., преподаватель кафедры предпринимательского права Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (филиал в г. Вологде). E-mail: dryanih@yandex.ru

Третьяков И.Е., начальник кафедры режима и надзора в УИС Самарского юридического института ФСИН России. E-mail: tret_ie61@mail.ru

Усеев Р.З., доцент кафедры режима и надзора в УИС Самарского юридического института ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: useev@rambler.ru

Федосеев А.А., начальник отдела НИИ ФСИН России. E-mail: niifsin@mail.ru

Фумм А.М., старший научный сотрудник НИИ ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: yanok83@mail.ru

Чернышенко Е.В., адъюнкт кафедры уголовно-процесса и криминалистики ВИПЭ ФСИН России. E-mail: evgeniachery@ya.ru

Шatroвой О.В., старший психолог отдела охраны Областной больницы им. Ф.П. Гааза УФСИН России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, кандидат психологических наук, доцент. E-mail: Oleg_Shatrovov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTORS

Antonov A.G., deputy head for science of the federal state institution of higher professional education Kuzbass Institute of the Federal Penal Service, candidate of law sciences, associate professor. E-mail: antonovan-ton1@mail.ru

Belov O.A., associated professor of the chair of criminal process and criminalistics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penal System, candidate of law, docent. E-mail: belov_oleg@mail.ru

Chernyshenko E.V., a postgraduate student of the Vologda Institute of Law and Economics of Federal Penal Service of Russia. E-mail: evgeniachery@ya.ru

Danilin E.M., leading researcher at the Research Institute of the Russian Penal Service, candidate of Pedagogics, assistant-professor. E-mail: niifsin@mail.ru

Datii A.V., deputy chief at the laboratory of the Research Institute of the Russian Penal Service, Doctor of Medicine. E-mail: niifsin@mail.ru

Fedoseev A.A., chief of the department at the Research Institute of the Russian Penal Service. E-mail: niifsin@mail.ru

Fumm A.M., candidate of legal sciences, higher Senior Officer of the Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. E-mail: yanok83@mail.ru

Goroshko I.V., deputy chief at the chair of Information Technologies at the Internal Affairs Administration of the Academy Russian Ministry Internal Affairs, Doctor of Law, professor, colonel of police. E-mail: lebedevavic@rambler.ru

Kanchurina A.A., a senior psychologist of the psychological laboratory of the Federal Budget Therapeutic and Preventive Institution «F.P.Gaaza Regional Hospital of the Federal Penal Service Administration in St. Petersburg and Leningrad region». E-mail: kukialeksa@rambler.ru

Kupeeva D.Ch., the competitor of the All-Russia scientific research institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The teacher of chair of civil-law disciplines in Representation to Vladikavkaz Nonstate educational institution of the higher vocational training "Economy and Management Institute" of the city of Pyatigorsk. E-mail: di-kupa@mail.ru

Lapshin V.F., Chef of the Criminal Law and Criminology Chair of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Law, associate professor, lieutenant-colonel of domestic services. E-mail: kapitan-44@yandex.ru

Lebedev A.V., chief of the department of the Federal Budgetary Institution Research Information

and Production Technologies Institute of the Russian Penal Service, candidate of Physics and Mathematics, lieutenant-colonel of the internal service. E-mail: lebedevavic@rambler.ru

Medvedeva V.V., lecture of the Civil Law Department of Vladimir Law Institute of the Federal Service of Execution of Sentences of the RF. E-mail: vui@vui.vladinfo.ru

Nekrasov V.N., research assistant at the organizational-scientific department of The Vologda Institute of Law and Economics of The Federal Penal Service of Russia, applicant at The Criminal Law and Procedure Chair of The Yaroslavl State University n.a. P.G. Demidov. E-mail: vnnekrasow@mail.ru

Oblitzov I.A., postgraduate Institute of management (Arkhangelsk), the legal adviser of Department of private security at department of internal affairs of Arkhangelsk E-mail: obot@miuarh.ru

Panova O.B., the chief of the chair of juridical psychology and pedagogics, candidate of pedagogical sciences, docent, the Vologda Institute of Law and Economics. E-mail: xenia-vipe@mail.ru

Petryanin A.V., a person working for doctor's degree at the Criminal and Criminal Executive Law chair of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, ccandidate of law sciences, docent. E-mail: petryanin@mail.ru

Pozdnyakov V.M., professor of People's Friendship University of Russia, professor of the Vologda Institute of Law and Economics of the Russian Penal System, doctor of psychological sciences, professor. E-mail: pozdnyakov53@mail.ru

Prokhorova M.V., the teacher of chair of the criminal-ly-executive right, execution of criminal punishments and criminology Tomsk branch Kuzbass institute of Federal Penal Service of Russia, the candidate of jurisprudence. E-mail: prokhorova@rambler.ru

Salatin A.V., deputy Director of the Vologda institute of Law and Economics Head of the personnel department colonel of the ministry of the interior. E-mail: salatin72@mail.ru

Serebryakova E.E., lecturer in business law branch of the MSAL after O.E. Kutafin in Vologda. E-mail: dry-anih@yandex.ru

Shatrovov O.V., a senior psychologist of the security division of the Federal Budget Therapeutic and Preventive Institution «F.P.Gaaza Regional Hospital of the Federal Penal Service Administration in St. Petersburg and Leningrad region», candidate of Psychology, associate Professor. E-mail: Oleg_Shatrovov@mail.ru

Tretyakov I.E. the chief of chair of a mode and supervision in penitentiary system, the Samara law institute Federal Service of Execution of Punishment, Russia. E-mail: tret_ie61@mail.ru

Useev R.Z., the senior lecturer of chair of a mode and supervision in penitentiary system, the candidate of law. The Samara law institute Federal Service of Execution of Punishment, Russia. E-mail: useev@rambler.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

С.В. Бабурин

Ответственный секретарь:

С.П. Серeda

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-36704
ISSN 2076-4162

Распространяется
в высших учебных заведениях
и практических органах
уголовно-исполнительной системы

Все права защищены.
Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.
Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:
160000, г. Вологда,
ул. Щетинина, 2

Телефоны:
(8172) 51-82-50
(8172) 53-60-79
(8172) 51-82-48 факс
E-mail:
vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России
Подписано в печать 23.12.2011
Формат 60x90/8. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12. Заказ № 3465
Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Наш журнал освещает актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, материалы на историческую тему, затрагивает дискуссионные вопросы по наиболее актуальным проблемам в области юриспруденции, социальной работы, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждает практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений.

Решением Президиума ВАК 22 октября 2010 года журнал включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по направлениям: право, экономика, управление, психология и педагогика.

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и требованиям в оформлении.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте www.vipe-fsin.ru

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.